

ЛУИ НИЛЬСОН

КВАРТИРА №13

АРХИТЕКТУРА ОБМАНА

ВСЁ ПРОЕКТИРУЕТСЯ.
НИЧТО НЕ СЛУЧАЙНО.
КТО ПРОЕКТИРУЕТ
ТВОЮ ЖИЗНЬ?

Луи Нильсон

Квартира 13:

Архитектура обмана

<https://litres.ru/74045201>

SelfPub; 2026

Аннотация

Агата — талантливый архитектор, привыкшая работать с бетоном, а не с эмоциями.

Новый заказ на реновацию элитной квартиры 13 кажется шансом всей жизни, но быстро оборачивается ловушкой. Владелец небоскреба, одержимый тотальным контролем, превратил жилое пространство в самый сложный механизм психологического эксперимента.

Пока Агата пытается восстановить фрагменты собственного прошлого, она понимает: стены следят за каждым её вздохом, а её соперница Майя создает цифровой дубликат её личности.

Когда фундамент здания и самой реальности начинает рушиться, Агате придется решить, кто она — творец или подопытный образец в камере из латуни и лжи.

Содержание

ГЛАВА 1. НУЛЕВАЯ ОТМЕТКА	4
ГЛАВА 2. ТЕРРИТОРИЯ КОМФОРТА	20
ГЛАВА 3. ОШИБКА НАВИГАЦИИ	37
ГЛАВА 4. ВХОД В СЛЕПОЕ ПЯТНО	53
ГЛАВА 5. ЭФФЕКТ КОНКУРЕНЦИИ	67
ГЛАВА 6. АЛГОРИТМ ПОГРЕШНОСТИ	83
ГЛАВА 7. ВСТРЕЧА С ДЕМИУРГОМ	98
ГЛАВА 8. ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ	115
ГЛАВА 9. СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА	130
ГЛАВА 10. ГИДРОДИНАМИКА ЛЖИ	144
ГЛАВА 11. ГИДРАВЛИЧЕСКАЯ ЛОЖЬ	160
ГЛАВА 12. КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ СЛЕД	177
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Квартира 13: Архитектура обмана

ГЛАВА 1. НУЛЕВАЯ ОТМЕТКА

Тридцать восьмой этаж пахнет озоном, дорогим матовым лаком и едва уловимым ароматом страха, который обычно исходит от людей, привыкших контролировать движение тектонических плит, но внезапно обнаруживших трещину под собственными ботинками. Я стою у панорамного окна, глядя на город, который отсюда кажется макетом из пенопласта и пластика. Мое тело автоматически переходит в режим ожидания: вдох на четыре счета, выдох на четыре. Плечи опущены, лопатки разведены, центр тяжести смещен чуть назад, на пятки. Так я стояла на стартовой тумбе перед заплывом на полторы тысячи метров. Вода всегда честнее людей. У нее есть плотность, вязкость и понятное сопротивление. У этого офиса плотность зашкаливает, а сопротивление здесь не физическое, а статусное.

Лев Борисович, управляющий этим бетонным ульем, проводил меня до приемной с таким видом, будто я - ценная посылка с маркировкой *Осторожно, стекло*. Он трижды поправил свои крахмаленные манжеты, пока мы ехали в лифте, и ни разу не посмотрел мне прямо в глаза. Его взгляд блуж-

дал где-то на уровне моей ключицы, фиксируя степень моей лояльности. Он говорил вкрадчивым шепотом, перечисляя достоинства системы безопасности, но я видела, как у него подергивается жилка на шее. Асимметрия его движений выдавала глубокий дискомфорт. Когда человек врет или что-то скрывает, его левая сторона всегда чуть опаздывает за правой. Лев Борисович опаздывал всем телом.

- Виктор Вадимович ждет вас, Агата Дмитриевна, - прошелестел он, распахивая тяжелую дверь из мореного дуба. - Помните о конфиденциальности. Это не просто объект. Это репутация комплекса.

Я кивнула, не тратя кислород на пустые слова. Конфиденциальность в моем бизнесе - это такой же расходный материал, как грунтовка. Все о ней говорят, но никто не верит, что она спасет от трещин.

Кабинет Виктора Вадимовича спроектирован с нарушением всех законов эргономики для посетителя. Стол слишком массивный, кресла для гостей слишком низкие, чтобы ты чувствовал себя ребенком, которого вызвали к директору за разбитое стекло. Но я остаюсь стоять. Мой позвоночник - это несущая конструкция, которую не так-то просто согнуть.

Виктор Вадимович сидит в глубине, освещенный только настольной лампой, создающей эффект театрального допроса. Ему пятьдесят пять, но выглядит он как вечный двигатель, который только что прошел техобслуживание. Кожа натянута на скулах так плотно, что кажется, будто под ней

не плоть, а армированный бетон. Он медленно откладывает ручку и смотрит на меня. Его левое веко едва заметно подергивается - ритмичный тик, не совпадающий с его уверенным, почти вальяжным тоном. Несоответствие данных. Мой внутренний прораб немедленно делает пометку: фундамент нестабилен, возможна просадка грунта.

- Агата, - произносит он, и мое имя в его устах звучит как техническое задание. - Рад, что вы приняли предложение. Майя очень рвалась на этот объект. Она прислала мне вчера тридцать три презентации с использованием розового бархата и латуни. Но мне не нужны тренды. Мне нужна структура.

Я вспоминаю Майю. Вчера она прислала мне сообщение в Телеграм, перенасыщенное англицизмами и восклицательными знаками: Агата, дорогая, этот кейс - мой total match, не пытайся лезть в проект, ты же знаешь, что твой олдскульный подход тут не работает. Я не ответила. Майя - это фасад без утеплителя. Красиво в инстаграме, но промерзает при первом же минусе.

- Майя проектирует интерьеры для тех, кто хочет казаться, - отвечаю я, сохраняя ровное дыхание. - Я работаю с теми, кто хочет быть. Расскажите о квартире номер тринадцать. Почему реновация нужна именно сейчас, если зданию всего год?

Виктор Вадимович берет со стола тяжелую кожаную папку и пододвигает ее ко мне. Движение выверено, но локоть напряжен больше, чем нужно для перемещения трехсот

граммов кожи и бумаги.

- Что есть великого в человеке, так это то, что он мост, а не цель, - вдруг произносит он, цитируя Ницше с такой серьезностью, будто он сам это только что придумал. - Тринадцатая квартира - это не просто жилая площадь. Это эксперимент. Предыдущий жилец съехал внезапно. Оставил все как есть. Мне нужно, чтобы вы полностью изменили пространство. Снесите все, что можно снести. Оставьте только голый бетон и соберите заново. Но есть условие. Никаких помощников. Никаких субподрядчиков. Только вы и те специалисты, которых я лично одобряю. Например, Семён по электрике. Он знает систему.

Семён. Я слышала о нем от рабочих на нижних этажах. Говорят, он единственный, кто понимает, почему в шахтах лифта иногда слышны звуки, похожие на шепот, и почему ток в этом здании ведет себя как живое существо - то затихает, то бьет всплесками без видимых причин. Семён жуёт табачную жвачку и говорит притчами. Не самый лучший напарник для рационального дизайнера, но выбирать не приходится.

Я открываю папку. Листы контракта пахнут свежей типографской краской. Стандартные пункты о сроках, штрафах и материалах. Но один раздел выделен жирным: Запрет на фотофиксацию определенных зон.

- Почему я не могу фотографировать узлы коммуникаций? - спрашиваю я, анализируя его реакцию.

Виктор Вадимович наклоняет голову под углом, который не соответствует его уверенному тону. Это поворот на сорок пять градусов - жест защиты, а не нападения.

- Это авторская технология Дантеса, - сухо отвечает он. - Архитектор настоял на защите интеллектуальной собственности. Дан очень щепетилен в этих вопросах.

Дан. Это имя вызывает у меня резкий спазм диафрагмы. Дантес - архитектор, который спроектировал этот комплекс как идеальную систему, а потом исчез из публичного поля, оставив после себя здание-клетку. Я видела его один раз на профессиональной конференции. Он говорил короткими, функциональными фразами, как будто сэкономил строительный ресурс. В его словах не было жизни, только сопромат. Фундамент гнилой, фасад не спасет - это была его любимая присказка по поводу любого чужого проекта.

- Дан здесь больше не работает, насколько мне известно, - замечаю я, ставя подпись на первой странице.

- Он консультирует нас удаленно, - Виктор Вадимович делает паузу, и в этой тишине я слышу, как гудит вентиляция. Гул неровный, с частотой примерно семьдесят герц. Это раздражает. - Подписывайте, Агата. Сумма вознаграждения покроет все ваши... сомнения.

Я подписываю последний лист. В этот момент мой телефон в кармане вибрирует. Мать. Елена Валериевна звонит мне каждый вечер в это время, как по расписанию. Ее тревожно-заботливый тон - это инструмент подавления, обер-

нутый в мягкую вату. Она проверяет, не начала ли я вспоминать лишнее. Десять лет назад в моей памяти образовалось слепое пятно длиной в три месяца. Родители сказали, что это был нервный срыв после национальных соревнований по плаванию. Переутомление, диссоциация, бывает. Но в глубине души я знаю, что три месяца не исчезают просто так. Они заперты где-то в подвале моего сознания, и эта квартира, номер тринадцать, как-то с этим связана. Фотография, которую я нашла в старой коробке неделю назад - я, спящая на полу в пустой комнате с характерным изгибом стены, - была сделана именно здесь. Десять лет назад, когда этого здания официально еще не существовало.

- Вот ключи, - Виктор Вадимович кладет на стол не магнитную карту, которая открывает все двери в этом высокотехнологичном аду, а старый, ржавый железный ключ с гравировкой 13.

Я смотрю на него, и мое чувство симметрии вопит об ошибке. Железный ключ в здании из стекла и стали? Это как использовать паровую тягу в ракете Илона Маска.

- Замки в тринадцатой квартире механические, - поясняет он, заметив мое замешательство. - Личная просьба предыдущего владельца. Он не доверял электронике.

Я беру ключ. Он холодный и тяжелый. Его фактура шершавая, с пятнами окисления. Моя тактильная память фиксирует это ощущение и мгновенно отправляет сигнал в мозг: ты уже держала это в руках. Холод металла просачивается

сквозь кожу, и на мгновение мне кажется, что я снова под водой, в темном бассейне, где нет ни верха, ни низа, только давление в ушах и бесконечный синий сумрак.

- Спасибо, - говорю я, убирая ключ в сумку. - Завтра я приступлю к замерам.

- Игорь проводит вас, - Виктор Вадимович кивает на дверь, где уже материализовался начальник службы безопасности.

Игорь - человек с военной выправкой и отсутствием мимики. Его лицо - это глухая стена без окон и дверей. Он следит за мной через систему скрытых камер с того самого момента, как я переступила порог ЖК. Я чувствую его взгляд на затылке, даже когда он идет впереди. Это профессиональное. Пловцы всегда чувствуют, когда за ними наблюдает тренер с секундомером.

Мы идем по коридору, и я считаю шаги. Сто двадцать шагов до лифтового холла. Стены облицованы керамогранитом под бетон. Стыки идеальные, ни одного лишнего миллиметра затирки. Дан был одержим точностью.

В лифте Игорь стоит в углу, не шевелясь. Он похож на манекен, если бы манекены умели убивать.

- Как часто здесь меняются жильцы? - спрашиваю я, глядя на табло этажей.

- По-разному, - сухим голосом отвечает он. - Некоторые живут годами. Некоторые не выдерживают и недели.

- Не выдерживают чего? Системы кондиционирования?

Игорь не отвечает. Он смотрит на свои руки, затянутые в тонкие кожаные перчатки.

На первом этаже я встречаю Ларису. Ей семьдесят, она живет в квартире 1201 и считается местной сумасшедшей, хотя я бы назвала ее единственным живым существом в этом морге. Она курит крепкие сигареты прямо у входа, игнорируя все запреты Льва Борисовича.

- Опять в тринадцатую? - хриплым басом спрашивает она, когда я прохожу мимо. - Не ходи туда, девочка. Там пол неправильный. Слышишь? Шаги на несуществующем этаже. Они там ходят и ходят, а этажа-то нет по документам.

Я улыбаюсь ей вежливо, как улыбаются людям с деменцией, но внутри у меня все сжимается. Шаги на несуществующем этаже - это классическая ошибка в расчетах акустики. Или что-то другое, что я пока не могу классифицировать.

Выйдя на улицу, я жадно вдыхаю загазованный воздух города. Здесь хотя бы понятно, чем пахнет. Я достаю телефон и вижу пропущенный от Марка. Мой бывший парень, следователь, который до сих пор считает, что имеет право на досмотр моей жизни. Я перезваниваю ему, просто чтобы заглушить шум в голове.

- Агата, ты подписала контракт? - вместо приветствия спрашивает он. Его голос звучит как допрос в три часа ночи. - Я навел справки об этом ЖК. Там странная статистика по вызовам полиции. Жалобы на шум, которого нет. Люди съезжают в три часа ночи, бросая мебель. Это не твой уро-

вень, это какая-то чертовщина.

- Марк, чертовщина - это отсутствие логики. Здесь логика есть, просто она слишком сложная для твоего протокольного мышления. Это проект моей жизни. Если я его сделаю, я смогу открыть свое бюро и больше никогда не брать заказы на перепланировку хрущевок.

- Твои находки - это галлюцинации на почве стресса, - отрезает он. Я слышу, как он крутит в руках зажигалку - его привычка, когда он злится. - Ты ищешь то, чего нет. Твои три месяца амнезии не здесь. Они в твоей голове. Оставь это здание в покое.

- Я уже подписала бумаги, Марк. Поздно включать режим спасателя.

Я сбрасываю вызов и иду к своей машине. На лобовом стекле под дворником лежит флаер. Доставка еды за 15 минут. На обороте от руки написано: Вентиляция в 13-й ведет в никуда. Не верь планам.

Я оглядываюсь по сторонам. Вокруг снуют курьеры на электровелосипедах. Один из них, парень в ярко-зеленой куртке, Артем, кажется, задерживает на мне взгляд дольше обычного. Он зацепер, я видела его видео в Тик-Токе - он лазает по стенам этого здания, когда охрана засыпает. Если он знает о вентиляции, значит, он был внутри.

Мои пальцы сжимают ржавый ключ в кармане. Его форма кажется мне знакомой не только тактильно. Это мышечная память. Как будто я годами тренировалась открывать им од-

ну и ту же дверь.

Я сажусь в машину и включаю кондиционер на полную мощность. Нужно заземлиться. Итак, верификация данных.

Объект: квартира 13.

Заказчик: Виктор Вадимович, человек с асимметричным тиком и любовью к Ницше.

Проблема: здание, которое ведет себя как живой организм, и архитектор, который спроектировал клетку.

Инструмент: старый ключ, который не должен здесь находиться.

Мое состояние: дезориентация, замаскированная под профессиональный интерес.

Я достаю из сумки ту самую фотографию. На ней мне двадцать. Я лежу на бетонном полу, свернувшись калачиком. На стене за моей спиной видна надпись углем, которую я раньше не замечала: Нулевая отметка.

В архитектуре нулевая отметка - это уровень чистого пола первого этажа, от которого отсчитываются все высоты. Но в моей жизни нулевая отметка, кажется, находится на тринадцатом этаже.

Я завожу мотор. Завтра я войду в эту квартиру и начну инвентаризацию. Я пересчитаю каждую плитку, замерю каждый угол, проверю каждый стык. Я найду то, что скрыто под гипсом и бетоном. Даже если это будет правда, которая меня уничтожит.

Зоя из архива мэрии сегодня прислала мне короткий

мейл: Агата, я нашла чертежи участка. До ЖК здесь была психиатрическая лечебница, но это официально. А неофициально - там был бункер связи. И он никуда не делся. Он просто стал фундаментом.

Я удаляю письмо. Слишком много информации для одного вечера. Мой мозг перегружен, как старый сервер. Мне нужно выспаться, если это вообще возможно в городе, который никогда не спит и постоянно наблюдает за тобой миллионами стеклянных глаз.

Подъезжая к дому матери, я вижу ее в окне. Она стоит и смотрит на дорогу, сжимая в руках чашку чая. Она ждет меня. Она всегда ждет, чтобы убедиться, что я все еще та Агата, которую она сконструировала из осколков моей памяти десять лет назад. Но она не знает, что конструкция начала давать трещины.

- Привет, мам, - говорю я, входя в квартиру. Она пахнет лавандой и старыми книгами. Этот запах должен успокаивать, но у меня он вызывает спазм в горле.

- Ты бледная, Агата. Опять этот проект? Майя звонила, говорила, что ты взялась за что-то опасное. Зачем тебе это? У нас же все хорошо. Давай уедем в отпуск?

- Опасное? Майя просто злится, что контракт у меня. Все в порядке, мам. Просто устала. Много замеров.

Я вру ей так же легко, как она врала мне все эти годы. Это семейное. Мы строим фасады, чтобы не видеть того, что внутри. Но завтра я возьму лазерную рулетку и начну вскры-

вать этот нарыв.

Я иду в свою комнату, ложусь на кровать и начинаю считать вдохи. Раз, два, три, четыре. Выдох. Раз, два, три, четыре. Мое тело помнит воду. Оно помнит, как это - быть в невесомости, где нет лжи, только давление и сопротивление. Я закрываю глаза и вижу тринадцатую квартиру. Она ждет меня. Она дышит в такт с вентиляцией, и в этом ритме я слышу голос Дана, хотя никогда не слышала его вживую: Фундамент гнилой, Агата. Фасад не спасет.

Я засыпаю с ключом под подушкой. Его холод ощущается даже через ткань, как напоминание о том, что нулевая отметка уже пройдена и пути назад нет, только вниз, в глубину, где под слоями бетона и времени спрятано то, что я так отчаянно пытаюсь забыть и так жадно хочу найти.

Завтра начнется настоящая работа. Завтра я увижу объект. Квартира номер тринадцать перестанет быть строчкой в контракте и станет реальностью, которую мне придется перекроить по своему лекалу, не подозревая, что лекало давно уже находится в руках того, кто спроектировал этот лабиринт.

Утро обещает быть ясным, но я знаю, что в ЖК софиты горят всегда, создавая иллюзию вечного дня, в котором так удобно прятать тени. Я готова. Мои мышцы в тонусе, мои чувства обострены до предела, и я больше не боюсь холодной воды. Я просто прыгаю в нее, зная, что на дне всегда есть ответ, даже если он мне не понравится.

Мать тихо заходит в комнату и поправляет одеяло. Ее движения симметричны, но в этой симметрии слишком много искусственности, как в чертежах, которые Дан рисовал для Виктора Вадимовича. Мы все здесь часть одного большого проекта, и я только что подписала свое согласие на участие в нем.

Я проваливаюсь в сон, где я плыву по длинному коридору тринадцатого этажа, и вода в нем теплая и соленая, как слезы, которые я разучилась проливать десять лет назад, когда моя жизнь разделилась на до и после нулевой отметки.

Стены коридора сжимаются, превращаясь в узкий желоб, и я ускоряюсь, чувствуя, как сердце бьется в ритме семидесяти герц, совпадая с гулом вентиляции огромного здания, которое теперь принадлежит мне, а я - ему.

Тишина кабинета инвестора, шепот Льва Борисовича, тревога матери и холодный металл ключа - все это смешивается в единый поток, уносящий меня к завтрашнему дню, когда я впервые вставлю этот ключ в замочную скважину и услышу, как щелкает механизм, открывая дверь в мое собственное прошлое, запертое в бетонной коробке под номером тринадцать.

Свет фонаря с улицы падает на мою ладонь, и я вижу след от ключа, отпечатавшийся на коже - цифру тринадцать, красную и горячую, как клеймо, которое невозможно смыть никаким количеством чистой воды.

Я переворачиваюсь на бок, чувствуя, как затихает город,

и только где-то там, на тридцать восьмом этаже, Виктор Вадимович продолжает цитировать Ницше, не подозревая, что мост, о котором он говорит, уже начал рушиться под тяжестью правды, которую я принесу с собой в эту квартиру на рассвете.

Мир замирает в ожидании моего первого шага по территории, где логика бессильна, а архитектура превращается в психологическую ловушку, из которой нет выхода, кроме как через полное разрушение всего, что было построено до меня.

Я делаю последний глубокий вдох, задерживаю дыхание на четыре счета и окончательно погружаюсь в темноту, готовясь к встрече с тем, что ждет меня на нулевой отметке завтрашнего дня, когда солнце осветит фасад здания, скрывающего свои самые темные тайны за зеркальными стеклами панорамных окон.

Сон мой глубок и лишен образов, только ощущение веса ключа под подушкой и ритмичный стук сердца, который теперь звучит как работающий метроном, отсчитывающий секунды до начала моего главного заплыва, где финиш - это не медаль на груди, а возвращение самой себя из небытия.

Я знаю, что завтра Майя напишет еще десяток едких сообщений, Марк будет звонить и требовать встречи, а Семён будет жевать свой табак и смотреть на меня с жалостью, но это уже не имеет значения, потому что контракт подписан, и ржавый ключ уже стал частью моей ладони, вращаясь в плоть и память, как старая арматура в фундамент этого странного

дома.

Тишина комнаты становится абсолютной, и в этой тишине я наконец слышу настоящий голос здания - не гул машин, не шепот людей, а тихий, едва различимый скрежет металла о металл, словно кто-то там, на тринадцатом этаже, уже ждет моего прихода, поворачивая замок с той стороны двери.

Я не боюсь. Я просто считаю вдохи. Раз. Два. Три. Четыре. Нулевая отметка достигнута. Дальше только подъем по вертикали, где каждый этаж - это новый слой лжи, который мне предстоит содрать, чтобы добраться до голого бетона истины.

Сон накрывает меня окончательно, стирая границы между офисом инвестора и моей спальней, между прошлым и настоящим, оставляя только твердую уверенность в том, что завтрашний день изменит все правила игры, по которым я привыкла жить до этого момента.

Я готова встретить своего архитектора, кем бы он ни был, и показать ему, что даже самую совершенную клетку можно превратить в дом, если знать, где находятся несущие стены и как правильно распределить нагрузку на фундамент, который мы все так старательно пытались скрыть за красивым фасадом.

Ночь проходит быстро, как короткий заплыв на дистанцию, которую я знаю наизусть, и когда первый луч света касается моих глаз, я уже знаю, что делать, потому что план в моей голове сложился сам собой, как идеальный архитек-

турный проект, не требующий правок.

Я встаю, беру сумку с инструментами и выхожу из комнаты, стараясь не разбудить мать, которая все еще видит сны о моей безопасности, не понимая, что безопасность - это всего лишь отсутствие данных о реальной угрозе.

Ключ в моем кармане теперь кажется теплым, почти живым, и я иду к двери, зная, что сегодня я наконец узнаю, почему тринадцатая квартира так долго ждала именно меня, и что именно я должна там найти, чтобы заполнить пустоту в своей памяти.

Город за окном начинает просыпаться, и я выхожу в это утро с холодным спокойствием профессионала, который идет выполнять свою работу, не оборачиваясь назад, где остались сомнения и страхи, больше не имеющие надвигающейся на меня власти.

Моя машина заводится с первого раза, и я направляюсь к ЖК, глядя на его шпиль, пронзающий утренний туман, как игла, готовая впрыснуть новую порцию реальности в мои вены, и я принимаю этот вызов с улыбкой человека, который точно знает, что вода сегодня будет отличной.

ГЛАВА 2. ТЕРРИТОРИЯ КОМФОРТА

Утренний воздух у входа в ЖК Лабиринт кажется слишком плотным, почти осязаемым, как вода в бассейне перед началом заплыва на пять километров. Я паркую машину на гостевой стоянке, выверяя расстояние до бордюра с точностью до сантиметра. Расстояние между колесом и гранитом - ровно три пальца. Идеально. Мой внутренний прораб довольно кивает, хотя в остальном утро не задалось. Мать позвонила, когда я еще только выезжала со двора. Ее голос в динамике звучал как разбавленный сироп - сладко и липко. Агачка, ты же помнишь, что сегодня вторник, ты обещала заехать за витаминами, и вообще, этот твой новый проект, он какой-то слишком масштабный, может, стоит взять помощника, Майя как раз говорила, что у нее освободилось окно. Елена Валериевна никогда не бьет в лоб, она использует уменьшительно-ласкательные суффиксы как колючую проволоку. Я ответила ей, что Майя и ее окно - это вопрос эргономики чужого времени, и положила трубку, не дожидаясь, пока она начнет вспоминать мои детские страхи перед замкнутыми пространствами.

Я стою перед главным входом. Здание давит своей массой, его вертикали прошивают небо, и я непроизвольно на-

чинаю считать вдохи. Раз, два, три, четыре. Задержка. Выдох. Раз, два, три, четыре. Мои легкие, тренированные годами монотонных дистанций, работают как меха. ЖК Лабиринт снаружи выглядит безупречно: стекло, сталь, вентилируемый фасад. Но я знаю, что внутри скрыта квартира 13, которой нет на чертежах, предоставленных мне Виктором Вадимовичем. Главный инвестор проекта, человек, который произносит слово рентабельность так, словно цитирует священное писание, нанял меня для создания интерьера именно в этом фантомном пространстве. Зачем приглашать топового дизайнера в место, которого официально не существует? Это как проектировать мебель для черной дыры.

Тяжелая стеклянная дверь отъезжает в сторону с едва слышным шипением пневматики. Холл встречает меня прохладой и запахом дорогого парфюма, смешанного с озоном. Пол выложен крупноформатным керамогранитом с имитацией оникса. Швы между плитами - ровно полтора миллиметра. Работа выполнена качественно, но я чувствую легкий дискомфорт в стопах, как будто наклон пола нарушен на долю градуса. Мое чувство равновесия, отточенное тысячами поворотов у бортика, сигнализирует о микроскопической деформации пространства.

- Доброе утро, Агата Александровна, - раздается вкрадчивый голос справа.

Лев Борисович, управляющий этим бетонным ульем, материализуется из-за стойки ресепшена. Ему шестьдесят два,

но он выглядит как законсервированный экспонат эпохи раннего капитализма. Темно-синий костюм, безупречная сорочка и эта его привычка постоянно поправлять манжеты, словно они пытаются от него сбежать. Он улыбается, но его глаза, маленькие и холодные, остаются неподвижными. Асимметрия его лица при улыбке - левый угол рта поднимается выше правого - выдает крайнюю степень нервозности. Он жмет мне еще до того, как открывает рот.

- Доброе утро, Лев Борисович. Я пришла осмотреть объект, - я стараюсь говорить максимально сухо, используя профессиональный тон. - Мне нужен доступ к служебному лифту и ключи от технического этажа.

Он снова дергает манжету.

- О, разумеется, разумеется. Но, понимаете ли, у нас сейчас ведутся плановые работы по проверке систем пожаротушения. Служебный лифт заблокирован на два часа. Вы можете воспользоваться гостевым, но он доставит вас только до двенадцатого этажа. Выше - временные ограничения.

Я смотрю на него, не мигая. В бассейне учили: если хочешь победить, не давай сопернику почувствовать твой ритм дыхания.

- Виктор Вадимович сказал, что у меня будет полный доступ. Мое время стоит дорого, а простой строительной бригады, которую я должна вызвать для замеров, - еще дороже. Давайте не будем играть в бюрократию. Мне нужна тринадцатая квартира.

Лев Борисович издает странный звук, похожий на подавленный ик.

- Тринадцатая? О, вы, должно быть, ошиблись, дорогая Агата Александровна. В нашем комплексе нет тринадцатого этажа. И тринадцатой квартиры тоже. Это стандартная практика в элитной недвижимости - исключать это число из нумерации по соображениям психологического комфорта жильцов. После двенадцатого сразу идет четырнадцатый. Это вопрос противопожарной безопасности, как ни странно. Меньше путаницы для служб спасения.

Он врет так старательно, что я почти чувствую физическую тошноту. Это не дезориентация, это прямое искажение верифицируемых данных. Я подхожу к центральной тач-панели навигации, установленной посреди холла. Мои пальцы касаются прохладного стекла. Экран загорается, демонстрируя трехмерную модель здания. Список этажей: 10, 11, 12, 14, 15. Тринадцатого нет. Но я точно знаю, что физическая высота здания предполагает наличие этого объема. Между перекрытием двенадцатого и полом четырнадцатого этажа по всем законам архитектурного сопромата должно быть не менее трех с половиной метров пустоты. Или не пустоты.

- Лев Борисович, - я поворачиваюсь к нему, чувствуя, как мышцы спины напрягаются, готовые к рывку. - Я дизайнер, а не турист. Если я вижу на фасаде тридцать окон по вертикали, а в навигации их двадцать девять, это не психология, это ошибка в расчетах или намеренное сокрытие площади.

Где ключ?

В этот момент двери лифта открываются, и в холл влетает Майя. Моя коллега и конкурентка, чьи интерьеры напоминают сахарную вату - такие же розовые, липкие и пустые внутри. Она вся в движении, в руках у нее телефон, она записывает очередное голосовое сообщение, пересыпая речь англицизмами так густо, что смысл фразы теряется где-то между кейсом и инсайтом.

- О, Агата! Привет, дорогая! Ты тоже здесь? Я просто в шоке от этого лобби, такой амбиенс, такой вайб! Лев Борисович, душка, вы же помните, что мы договаривались о просмотре пентхауса для моего нового клиента? - Майя даже не замечает, как Лев Борисович бледнеет при виде меня.

- Майя, я занята делом, - обрываю ее я.

- Ой, да ладно тебе, Агат, вечно ты в своем индастриале зашиваешься. Кстати, видела твой проект для Виктора Вадимовича в журнале. Смело. Очень... концептуально. Но не слишком ли жестко для жилого пространства? Люди хотят уюта, а не бетонных коробок.

Я игнорирую ее. Для Майи дизайн - это декор, для меня - это структура. Она видит шторы, я вижу несущие балки. Пока она рассуждает об амбиенсе, я замечаю Игоря, начальника службы безопасности. Он стоит у поста охраны, его военная выправка выделяет его на фоне мягких кресел лобби. Он не смотрит на нас, он смотрит в мониторы, но я чувствую его взгляд на своей затылочной кости. Он - теневой наблю-

датель, и я для него - аномалия в системе.

- Лев Борисович, - повторяю я, понижая голос. - Ключ.

- Я... я должен уточнить у Виктора Вадимовича, - лепечет управляющий. - Поймите меня правильно, регламент...

- Регламент - это то, что вы напишете в отчете, когда я сообщу инвестору, что вы препятствуете выполнению работ, - я делаю шаг вперед, нарушая его личное пространство. Это агрессивный жест, я знаю. В бассейне это называется занять дорожку.

Вдруг из бокового коридора, ведущего к щитовым, выходит Семен, старший электрик. Он выглядит как человек, который знает о токе больше, чем о людях. Его комбинезон заляпан чем-то подозрительным, а во рту он привычно гоняет табачную жвачку. Семен останавливается, глядя на нашу мизансцену, и сплевывает в пластиковый стаканчик.

- Борисыч, там в пятой шахте опять гудит, - хрипло говорит он. - Как будто кто-то на тринадцатом дрелью работает. А ты говоришь - нет там никого. Ток идет, сопротивление растет, а по бумагам - тишина. Непорядок.

Лев Борисович краснеет так густо, что его лицо сливается с цветом ковровой дорожки.

- Семен, иди занимайся своими делами! Какие звуки? Это просто вибрация вентиляции.

Семен пожимает плечами и подмигивает мне. Его глаза - умные и усталые. Он носитель фольклора этого здания, тот, кто слышит его стоны и скрипы.

- Вибрация, ага. С матерком и перекурами. Как скажешь, начальник.

Электрик уходит, оставляя после себя запах дешевого табака и тяжелое молчание. Майя, почувствовав, что атмосфера накаляется, быстро ретируется в сторону лифтов, что-то щебеча в телефон про токсичных коллег. Я остаюсь наедине с Львом Борисовичем и его дергающимися манжетами.

- Агата Александровна, давайте пройдем в мой кабинет, - наконец выдавливает он. - Там мы сможем все обсудить без лишних ушей.

Его кабинет - это триумф бюрократического стиля. Масивный стол, кожаные кресла, на стене - грамоты и фотографии с открытия ЖК. Я сажусь на край стула, не расслабляя мышцы пресса. Мое тело готово к любому движению.

- Слушаю вас, - говорю я.

Лев Борисович садится напротив и на мгновение закрывает глаза. Его пальцы сплетаются в замок.

- Вы должны понять, это здание... оно не совсем обычное. Дан, архитектор, он заложил в него определенные... инженерные решения, которые не всегда понятны обывателю. Тринадцатый этаж существует физически, но он является техническим буфером. Там расположены системы жизнеобеспечения, которые требуют особого режима секретности. Виктор Вадимович использует его для своих... ну, скажем так, частных нужд.

- Частные нужды - это квартира 13? - перебиваю я. - По-

чему вы боитесь этого места?

- Я не боюсь, - он открывает глаза, и в них я вижу не страх, а глубокое, застарелое изнеможение. - Я просто не хочу лишних проблем. Там... там специфическая акустика. Люди, которые там бывают, начинают слышать то, чего нет. Ваша предшественница, ну, то есть та, кто пыталась заняться этим объектом до вас... она уволилась через неделю. Сказала, что стены слишком громко думают.

Я усмехаюсь. Стены не думают, они отражают звук. Это физика, а не мистика. Мой мозг автоматически начинает анализировать материал перегородок: скорее всего, там избыточная звукоизоляция, которая создает эффект вакуума, вызывающий у неподготовленного человека слуховые галлюцинации.

- Я не слышу мыслей стен, Лев Борисович. Я вижу узлы примыкания и деформационные швы. Дайте мне ключ, и я пойду работать.

Он медленно открывает ящик стола и достает магнитную карту. Она черного цвета, без каких-либо логотипов или номеров.

- Это мастер-ключ. Он откроет дверь в конце коридора на двенадцатом этаже. Там есть неприметная лестница, ведущая вверх. Лифт туда не ходит. По крайней мере, официально. И пожалуйста... если встретите там Ларису из тысяча двухсот первой, не слушайте ее. Она пожилая женщина, у нее... фантазия слишком развита.

Я беру карту. Ее поверхность холодная, как лед в проруби.

- Спасибо. Я постараюсь не слушать фантазии.

Выходя из кабинета, я сталкиваюсь с Марком. Мой бывший парень, а ныне следователь, стоит в холле и разговаривает с Игорем. Марк выглядит как всегда - помятый пиджак, жесткий взгляд и эта его привычка крутить в руках зажигалку, даже когда он не курит. Его присутствие здесь - плохой знак.

- Агата? - он замечает меня и делает шаг навстречу. Его голос звучит как допрос, даже когда он просто здоровается.

- Что ты здесь делаешь?

- Работаю, Марк. В отличие от некоторых, я занимаюсь созиданием, а не поиском улик в куче строительного мусора.

- Этот дом - одна большая улика, - хмурится он. - Ты лезешь в дела Виктора Вадимовича, а это опасно. Я предупредил тебя еще в прошлом месяце. Здесь что-то не так с отчетностью, с пропавшими материалами... и с людьми.

- С людьми всегда что-то не так, - отрезаю я. - Отойди, ты загромождаешь мне путь к цели.

Марк качает головой, но отходит. Я чувствую его взгляд на своей спине, когда иду к лифтам. Рядом с постом охраны я замечаю Артема, курьера. Он переминается с ноги на ногу, его рюкзак кажется слишком тяжелым для его субтильной фигуры. Он быстро оглядывается по сторонам и, поймав мой взгляд, едва заметно кивает. Я знаю, что Артем - зацепер, он пробирался в это здание через вентиляционные шахты еще

на этапе строительства. Он - мой потенциальный источник информации, если Лев Борисович решит окончательно заблокировать мне доступ.

Захожу в лифт. Нажимаю кнопку 12. Движение начинается плавно, но на уровне восьмого этажа я чувствую резкий скачок давления. Мои уши закладывает, как при быстром погружении на глубину пять метров. Я сглатываю, восстанавливая баланс. В лифте установлена камера, и я знаю, что Игорь сейчас смотрит на меня. Я расправляю плечи, выпрямляю спину. Я - пловчиха. Я - профессионал. Я не боюсь воды, даже если она бетонная.

Двенадцатый этаж встречает меня мертвой тишиной. Здесь коридоры длиннее, а потолки кажутся ниже из-за обилия декоративных панелей. Я иду по навигатору в своей голове, восстанавливая план здания по памяти. В конце коридора действительно есть дверь, облицованная тем же деревом, что и стены. Без ручки, только едва заметная щель для карты.

Я прикладываю черную карту. Раздается щелчок, звук работающего сервопривода. Дверь открывается, открывая вид на узкую, плохо освещенную лестницу. Воздух здесь другой - сухой, пыльный, с привкусом старого железа. Я начинаю подъем. Каждая ступенька - это вызов моему чувству симметрии. Они разной высоты. Разница в два-три миллиметра, но мои ноги чувствуют это мгновенно. Это сделано намеренно. Чтобы человек, идущий здесь, постоянно спотыкался.

ся, терял уверенность, замедлялся. Архитектурная агрессия в чистом виде.

Наверху меня ждет еще одна дверь. Она массивная, металлическая, окрашенная в темно-серый цвет. На ней нет номера 13. На ней вообще ничего нет. Я толкаю ее, и она поддается с неожиданной легкостью, словно была смазана только что.

Я вхожу внутрь и замираю. Это не квартира. Это пространство. Огромный зал с панорамными окнами, которые снаружи кажутся частью фасадного остекления технических этажей. Здесь нет мебели, только голые бетонные стены и странные конструкции из стальных тросов, натянутых от пола до потолка под немислимыми углами. Они вибрируют, издавая тот самый гул, о котором говорил Семен.

В центре комнаты стоит Дан. Архитектор, создавший этот лабиринт. Он стоит спиной ко мне, глядя на город, раскинувшийся внизу. Его фигура кажется слишком тонкой, почти прозрачной на фоне яркого утреннего света.

- Вы опоздали, Агата, - говорит он, не оборачиваясь. Его голос звучит ровно, без эмоций, как техническое описание проекта. - Я ждал вас десять лет.

Я чувствую, как в животе завязывается тугой узел. Это не страх. Это узнавание. Мое тело реагирует на его голос так, словно я вернулась в ту самую воду, из которой пыталась выбраться всю свою сознательную жизнь.

- Десять лет назад я не знала о существовании этого ме-

ста, - отвечаю я, подходя ближе. - И о вашем существовании тоже.

Он поворачивается. Его лицо - это карта разочарований. Глубокие складки у рта, глаза, в которых отражается усталость металла. Он смотрит на меня так, словно я - дефект в его идеальном чертеже.

- Вы знали. Вы просто выбрали забыть. Это был ваш способ защиты. Но бетон не забывает. Он хранит отпечатки всего, что в нем замуровано. Включая ваши воспоминания.

Дан делает шаг ко мне, и я непроизвольно отступаю. Он нарушает мою зону комфорта, мой расчетный радиус безопасности.

- Зачем вы здесь, Дан? Виктор Вадимович нанял меня...

- Виктор Вадимович нанял вас, потому что он хочет завершить эксперимент, - перебивает он. - Он думает, что если заполнить это пространство дорогой мебелью и правильным светом, оно станет управляемым. Но он ошибается. Это здание - не жилой комплекс. Это резонатор. И вы - его главный элемент.

Я смотрю на него, пытаюсь найти в его словах логику, но нахожу только холодный расчет. Он говорит о людях как о строительных материалах.

- Я здесь, чтобы сделать свою работу, - мой голос звучит твердо, хотя внутри все дрожит от напряжения. - Я сделаю замеры, составлю проект и уйду. Ваша мистика меня не интересует.

Дан усмехается. Это сухая, безрадостная усмешка.

- Замеры? Ну что же, приступайте. Но помните, Агата: здесь расстояние между точкой А и точкой Б не всегда равно прямой линии. Иногда, чтобы дойти до конца коридора, нужно вернуться в самое начало. В тот день, когда вы впервые вошли в эту воду и не смогли вынырнуть.

Он проходит мимо меня, обдавая запахом холодного камня и чертежной туши. Дверь за ним закрывается, и я остаюсь одна в пространстве, которого не существует.

Я достаю из сумки лазерную рулетку. Красная точка ложится на бетонную стену. Я нажимаю кнопку. Прибор издает жалобный писк и выдает ошибку. Я пробую еще раз. Снова ошибка. Расстояние не определяется. Я подхожу к стене и касаюсь ее рукой. Бетон теплый. Он вибрирует под моими пальцами, как живое существо.

Я начинаю считать вдохи. Раз, два, три, четыре. Моя тактильная память внезапно выдает картинку: я лежу на этом самом полу, и мои пальцы нащупывают крошечную трещину в форме молнии прямо под подоконником. Я опускаю взгляд вниз. Трещина там. Она именно такая, какой я ее запомнила. Но я никогда не была здесь раньше. Официально - никогда.

В моем кармане вибрирует телефон. Это Зоя, архивариус из мэрии. Она говорит быстро, захлебываясь фактами, постоянно чихая.

- Агата, я нашла те чертежи! - кричит она в трубку. - Участок под Лабиринтом... там раньше была старая водонапор-

ная башня и... и что-то еще. В документах сорок седьмого года это место помечено как зона особого акустического воздействия. Там нельзя было строить жилье! Но в девяностых кто-то подделал подписи...

- Зоя, помедленнее, - я стараюсь сосредоточиться на ее голосе, чтобы не слышать гул тросов. - Что значит акустическое воздействие?

- Это значит, что грунт под зданием работает как усилитель, - она снова чихает. - Дан знал об этом. Он спроектировал фундамент так, чтобы здание вибрировало в определенном ритме. Это... это как огромный музыкальный инструмент, Агата. И тринадцатый этаж - это его дека.

Я отключаю вызов. Мои руки дрожат. Я подхожу к окну и смотрю вниз. На стоянке я вижу маленькую фигурку Марка. Он стоит у моей машины и о чем-то спорит с Игорем. Они выглядят как игрушечные солдатики.

Вдруг я слышу шаги. Не с лестницы, а сверху. Там, где по всем чертежам должна быть крыша. Тяжелые, размеренные шаги человека, который точно знает, куда он идет.

Я выхожу из квартиры 13, чувствуя, как пространство за моей спиной сворачивается, как старый ковер. На лестнице я сталкиваюсь с Ларисой из двенадцатого этажа. Она стоит в тени, окутанная облаком едкого сигаретного дыма. Ее седые волосы растрепаны, а в руках она держит старую, пожелтевшую фотографию.

- Ты его видела, да? - хрипло спрашивает она. - Он опять

там ходит. Архитектор. Он ищет свою ошибку, но не может найти, потому что ошибка - это он сам.

- Лариса, идите домой, - я пытаюсь пройти мимо, но она хватает меня за рукав. Ее пальцы сухие и цепкие, как ветки старого дерева.

- Не ходи туда больше, деточка. Это место забирает память по кусочкам. Сначала ты забудешь, зачем пришла, потом - как тебя зовут. А потом останешься здесь навсегда, как я. Будешь слушать, как поет бетон.

Я вырываю руку и почти бегу вниз по лестнице. Мое сердце работает в режиме спринтерского заплыва, но я заставляю себя контролировать дыхание. Раз, два, три, четыре.

Выскочив в холл, я вижу Льва Борисовича. Он провожает взглядом группу потенциальных покупателей, рассказывая им об уникальной системе фильтрации воздуха. Увидев меня, он мгновенно замолкает. В его глазах я читаю один вопрос: видела ли я то, что не должна была видеть?

Я прохожу мимо него, не останавливаясь. Мне нужно выбраться отсюда, почувствовать настоящий ветер, а не этот кондиционированный суррогат. На выходе я сталкиваюсь с Виктором Вадимовичем. Он только что приехал на своем массивном внедорожнике. Он выглядит как воплощение успеха: дорогой костюм, уверенная походка, властный взгляд.

- Ну как, Агата Александровна? - он улыбается, но эта улыбка не затрагивает его глаз. - Удалось познакомиться

с объектом? Надеюсь, вы уже придумали, как превратить этот... технический нюанс в шедевр дизайна?

Я смотрю на него и вижу не инвестора, а игрока, который поставил на кон нечто гораздо большее, чем деньги.

- Я работаю над этим, Виктор Вадимович. Но мне нужно больше данных. Ваше здание ведет себя... несимметрично.

Он смеется, и этот звук кажется мне слишком громким в стерильной тишине холла.

- Несимметричность - это признак жизни, дорогая Агата. Идеально симметричны только покойники. Продолжайте работу. И не обращайтесь на Дана. Он гений, а у гениев свои причуды.

Я киваю и иду к своей машине. Марк уже уехал, но на лобовом стекле я нахожу записку: Позвони мне. Это серьезно.

Я сажусь за руль, но не завожу двигатель. Мои пальцы все еще чувствуют вибрацию бетона. Я достаю из сумки свою лазерную рулетку и направляю ее на приборную панель. Расстояние - сорок пять сантиметров. Прибор работает идеально.

Значит, ошибка была не в технике. Ошибка была в пространстве.

Я смотрю на шпиль ЖК Лабиринт, пронзающий облака. Где-то там, между двенадцатым и четырнадцатым этажами, заперта часть моей жизни. И я вернусь туда, чтобы забрать ее, даже если мне придется разрушить это здание до самого фундамента, потому что в этом заплыве я не собираюсь сда-

ваться на полпути к берегу.

ГЛАВА 3. ОШИБКА НАВИГАЦИИ

Я выхожу из машины, и тяжелая влажность московского вечера мгновенно оседает на коже, как невидимый слой грунтовки. ЖК Лабиринт возвышается надо мной, похожий на гигантский черный монолит, который забыли отшлифовать. Его грани режут серое небо, и я чувствую, как в основании черепа начинает пульсировать знакомый ритм: раз, два, три, вдох. Четыре, пять, шесть, выдох. Это привычка из прошлой жизни, когда бассейн был единственным местом, где пространство имело четкие границы и предсказуемую плотность. Дистанция в полторы тысячи метров приучила меня к тому, что вода не врет. Бетон, как выяснилось, врет постоянно.

У главного входа я замечаю ярко-красное пятно. Это Майя. Она стоит на фоне панорамного остекления, вытянув руку со смартфоном под углом в сорок пять градусов. Ее лицо застыло в той специфической маске спонтанного восторга, которая бывает только у людей, продающих свою жизнь по частям в социальных сетях.

- О, Агата! - восклицает она, не опуская телефон. - Ты видела этот свет? Просто инста-перфект! Я записываю сторис о том, как важна аутентичность в дизайне. Ты здесь по работе или просто решила вдохновиться моими успехами?

Майя делает шаг ко мне, и я непроизвольно отмечаю нару-

шение ее траектории. Она слегка заваливается на левое бедро, пытаясь выглядеть расслабленной, но ее плечи задраны к ушам. Избыточное напряжение в трапециевидной мышце. Она врет даже своим телом.

- Я здесь, потому что у меня есть объект, Майя. И этот объект не терпит лишнего шума. Твое видео получится отличным, если ты добавишь фильтр, скрывающий отчаяние в глазах.

Я прохожу мимо, слыша, как она что-то возмущенно шипит в микрофон, вероятно, записывая очередное голосовое сообщение своему продюсеру о том, какая я невыносимая. Ее голос тонет в автоматических дверях, которые разъезжаются с тихим, едва уловимым свистом.

В вестибюле меня встречает Лев Борисович. Управляющий выглядит так, будто его только что достали из вакуумной упаковки: ни одной складки на пиджаке, манжеты белоснежные, а улыбка напоминает свежеуложенный кафель - холодная и слишком ровная. Он поправляет запонку и смотрит куда-то в район моей ключицы.

- Агата Денисовна, какая приятная неожиданность. Вы снова решили почтить нас своим присутствием в столь поздний час? - Его шепот разносится по пустому холлу, отражаясь от мраморных стен.

- Мне нужно проверить замеры на двенадцатом этаже, Лев Борисович. Возникли расхождения в чертежах.

- Расхождения? Исключено. Наше здание - это триумф ин-

женерной мысли. Виктор Вадимович лично курировал каждый этап заливки фундамента. Возможно, ваша техника дала сбой? Знаете, электромагнитные поля в наше время так нестабильны.

Он делает шаг, преграждая мне путь к лифтам. Его манера двигаться кажется мне подозрительно симметричной, почти механической. Привратник ада в костюме-тройке.

- Моя техника проходит калибровку раз в неделю, - сухо отвечаю я. - И она показывает, что между двенадцатым и четырнадцатым этажами существует объем, который не отражен в вашей официальной документации.

Лев Борисович мелко перебирает пальцами по краю своего пиджака.

- Ну что вы, дорогая. Это технические пустоты. Вентиляционные короба, разводка коммуникаций. Туда нет доступа для посторонних. Игорь, наш начальник безопасности, очень строго следит за тем, чтобы никто не бродил по служебным зонам. Это вопрос вашей же безопасности.

- Я не посторонняя, я ведущий дизайнер проекта, утвержденный инвестором.

- И все же, лифты сегодня работают в ограниченном режиме. Профилактика. Вы ведь не захотите застрять в шахте? Семен, наш электрик, как раз колдует над щитками. Весьма эксцентричный человек, знаете ли.

Я чувствую, как ключ в моем кармане становится тяжелым. Он словно тянет меня вниз, к земле, или, наоборот, за-

ставляет сопротивляться гравитации. Я смотрю на Льва Борисовича и понимаю, что он не даст мне карту доступа к сервисному лифту.

- Хорошо, я пойду пешком. Пятнадцать пролетов - отличная кардионагрузка.

- Как вам будет угодно, - он наклоняет голову, и в его глазах на мгновение вспыхивает что-то похожее на жалость. - Только не забывайте дышать. Воздух в лестничных колодцах бывает... застоявшимся.

Я разворачиваюсь и иду к тяжелой противопожарной двери. Когда она захлопывается за моей спиной, звук в вестибюле мгновенно отсекается. Здесь, на лестнице, царит другая акустика. Каждый мой шаг отдается гулким эхом, которое кажется чуть более долгим, чем должно быть по законам физики.

Один, два, три, вдох.

Четыре, пять, шесть, выдох.

Я начинаю подъем. Ступени из шлифованного бетона идеально ровные. Восемнадцать ступеней на каждый пролет. Я считаю их механически, превращая движение в алгоритм. На третьем этаже я слышу какой-то шорох сверху. Останавливаюсь. Звук прекращается. На пятом этаже пахнет жженой изоляцией и дешевым табаком.

- Слышь, дочка, ты куда это намылилась? - Хриплый голос заставляет меня вздрогнуть.

На лестничной площадке сидит человек в синей спецовке.

Это Семен. Он медленно жует свою табачную жвачку, глядя на меня снизу вверх. Рядом с ним раскрытый чемодан с инструментами и моток проводов, похожий на клубок змей.

- Мне нужно наверх, Семен. На тринадцатый.

Электрик сплевывает в пластиковый стаканчик и качает головой.

- Нету тут тринадцатого. Запретили его. Ток туда не идет, сопротивление зашкаливает. Я сколько раз пытался фазу прокинуть - искрит, собака, и все тут. Как будто стена сама провода выплевывает.

- Что вы имеете в виду под выплевывает? - я подхожу ближе, игнорируя запах табака.

- То и имею. Здание-то живое, Агата. Ты думаешь, это просто бетон и арматура? Хрен там. Это машина. И у нее свои капризы. Бывает, в шахте лифта такие звуки стоят, будто там кто-то огромный дышит. Игорь из безопасности говорит - сквозняки. А я те скажу - сквозняки матом не ругаются.

Семен усмехается, обнажая желтые зубы. Он кажется мне пережитком прошлого, какой-то деталью старого механизма, которую забыли заменить при модернизации.

- Вы слышали голоса?

- Я слышу ток, - серьезно говорит он. - У него свой голос. А ты иди, иди. Только рулетку свою не вырони, а то в этой шахте если что упадет - до фундамента не долетит, в пространстве застрянет.

Я оставляю его за спиной. Слова Семена кажутся бре-

дом, продуктом интоксикации никотином и одиночеством, но мое тело реагирует на них иначе. Мышцы спины напрягаются, как перед стартовым прыжком в холодную воду. Я чувствую, как активизируется моя тактильная память. Десять лет назад я уже была здесь. Я помню этот холод, исходящий от стен, хотя здание тогда еще не было достроено.

На десятом этаже у меня звонит телефон. На экране высвечивается Елена Валериевна. Мама. Я останавливаюсь, чтобы перевести дух, и прислоняюсь плечом к холодной стене.

- Да, мам.

- Агата, детка, ты где? Голос какой-то сдавленный. Опять свои замеры делаешь? Я же просила тебя, не задерживайся в этом районе. Тебе вредно переутомляться, ты же помнишь, что сказал врач после того случая...

- После какого случая, мама? После того, о котором ты мне не рассказываешь уже десять лет?

В трубке повисает тяжелая пауза. Я слышу, как она судорожно вздыхает. Этот звук я узнаю из тысячи - так звучит ее страх, замаскированный под заботу.

- Не начинай. Ты просто перетренировалась тогда. Нервное истощение. Тебе нужно пить витамины и побольше спать. Зачем тебе этот ЖК? Есть столько других заказов. Майя вот звонила, хвасталась каким-то новым проектом в Сити...

- Майя всегда хвастается. А я пытаюсь разобраться, поче-

му в моем прошлом есть дыра размером в три месяца, и почему эта дыра пахнет свежим бетоном этого здания.

- Агата, прекрати! Это просто фантазии. Пожалуйста, вернись домой. Я приготовила твой любимый суп.

- Я не вернусь, пока не закончу работу, мам. Пока.

Я отключаю вызов. Пальцы слегка дрожат. Я сжимаю их в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль помогает сфокусироваться. Я - архитектор. Я - логика. Я - расчет. Прошлого не существует, если его нельзя измерить.

Одиннадцатый этаж. Двенадцатый.

Здесь лестничная площадка выглядит иначе. Освещение более тусклое, а на стенах вместо привычной штукатурки - декоративные панели из темного дерева. Я выхожу в коридор двенадцатого этажа. Тихо. Слишком тихо для жилого дома. Я знаю, что в квартире 1201 живет Лариса, та самая женщина, которая утверждает, что слышит шаги сверху. Ее дверь закрыта, но за ней не доносится ни звука телевизора, ни звона посуды.

Я возвращаюсь на лестницу и начинаю подниматься к четырнадцатому этажу.

На середине пролета я останавливаюсь.

По моим расчетам, здесь должна быть площадка тринадцатого этажа. Но вместо двери я вижу глухую стену. Она облицована теми же панелями, что и коридор внизу, но здесь нет ни ручек, ни указателей.

Я достаю лазерную рулетку. Направляю луч на стену на-

против. Расстояние до потолка - два метра восемьдесят сантиметров. Стандарт. Но если измерить общую высоту пролета от двенадцатого до четырнадцатого, получается излишек в три метра сорок сантиметров. Куда делись эти шестьдесят сантиметров? Это не просто техническая погрешность. Это структурная аномалия.

Я подхожу к стене и начинаю простукивать ее костяшками пальцев. Звук сухой, глухой. Бетон. Сдвигаюсь чуть правее, ближе к углу, где установлена декоративная настенная лампа в стиле ар-деко.

Стук-стук-стук.

Звук меняется. Он становится более звонким, пустым. За слоем гипсокартона или тонкой панели явно есть полость.

- Ищете вход в Нарнию, Агата?

Я резко оборачиваюсь. На верхней площадке, опершись на перила, стоит Дан. На нем все тот же помятый пиджак, а в руках - планшет с какими-то графиками. Он смотрит на меня сверху вниз, и его взгляд кажется мне скальпелем, который вскрывает мои мысли.

- Я ищу логику в этой постройке, Дан. Плотность этой стены на пятнадцать процентов ниже стандартной. За ней пустота. Почему вы не внесли это в исполнительную документацию?

Он медленно спускается ко мне. Его движения лишены суеты, он движется как человек, который точно знает сопротивление воздуха. Он останавливается в десяти сантиметрах

от меня. Слишком близко. Я чувствую запах кофе и металла.

- Фундамент гнилой, фасад не спасет, - негромко произносит он свою любимую мантру. - Вы лезете туда, где правила геометрии перестают работать. Это здание не проектировалось для людей. Оно проектировалось для... определенных процессов.

- Каких процессов? Вы о чем? Это жилой комплекс бизнес-класса, а не секретный бункер.

- Вы так уверены? - Дан усмехается, и эта усмешка кажется мне болезненной судорогой. - Посмотрите на эти панели. Вы думаете, это дерево? Это композит с высоким содержанием свинца. Он блокирует сигналы. Здание изолировано от мира изнутри. А вы пытаетесь пробить в этой изоляции брешь.

Он протягивает руку и касается стены именно в том месте, где я услышала пустоту. Его пальцы длинные, с мозолями на кончиках - руки человека, который много работает с физическими объектами, а не только с программами.

- Здесь нет двери, Агата. Здесь есть только ошибка. И я советую вам оставить ее в покое. Марк уже спрашивал меня о вас. Он беспокоится. Говорит, вы склонны к навязчивым идеям.

- Марк - следователь, он привык искать умысел там, где есть просто физика. А вы, Дан, ведете себя как соучастник. Чего вы боитесь? Того, что я найду ваши ошибки в расчетах?

- Мои ошибки - это лучшее, что есть в этом здании, - от-

резают он. - Потому что они - единственное, что здесь еще осталось человеческого.

Он разворачивается и уходит наверх, к четырнадцатому этажу, не оглядываясь. Я слышу его шаги, пока они не стихают где-то в глубине коридора. Я остаюсь одна на лестничной клетке.

Внезапно ключ в моем кармане начинает вибрировать. Это не телефон, это именно металл. Вибрация мелкая, высокочастотная. Я достаю его и зажимаю в ладони. Он холодный, но он дрожит. В этот же момент я слышу гул лифта. Он проносится где-то рядом, за стеной. Вибрация усиливается, когда лифт проезжает уровень моей площадки, и затихает, когда он уходит выше.

Я снова смотрю на стену. Под светильником есть узкая тень. Я провожу пальцами по стыку панелей. Шершавая поверхность, холодный металл крепежа. И вдруг мои пальцы нащупывают крошечное углубление. Оно скрыто за выступом декоративной рамки светильника.

Я наклоняюсь ниже. Мое сердце бьется ровно - привычка пловца сохранять спокойствие даже при нехватке кислорода. Но в животе скручивается тугой узел.

Это замочная скважина. Узкая, почти незаметная, замаскированная под технологическое отверстие для крепления.

Я подношу ключ к скважине. Рука не дрожит. Я архитектор. Я просто проверяю соответствие ключа замку. Это механическое действие.

Ключ входит в отверстие с тихим щелчком. Он подходит идеально. Никакого люфта. Никакого сопротивления.

Я медленно поворачиваю его по часовой стрелке.

Один оборот. Второй.

Где-то внутри стены срабатывает механизм. Это не электронный замок, это старая добрая механика, тяжелые ригели, уходящие в бетон. Звук такой, будто огромный зверь перемалывает кости.

Панель, которая казалась частью монолитной стены, плавно отходит назад на несколько миллиметров, а затем сдвигается в сторону, открывая узкий проход.

Из проема веет холодом и запахом старой бумаги, пыли и чего-то еще... чего-то такого, что мгновенно вызывает у меня спазм диафрагмы. Это запах моей детской комнаты после того, как в ней три месяца никто не жил. Запах заброшенности и застывшего времени.

Я достаю телефон и включаю фонарик. Луч света разрезает темноту.

За панелью не вентиляционная шахта и не щитовая. Там коридор. Узкий, с низким потолком, он уходит вглубь здания. Стены здесь не облицованы, просто голый бетон с потеками ржавчины. На полу лежат какие-то обрывки кабелей и пустые пластиковые бутылки, покрытые толстым слоем пыли.

Я делаю шаг внутрь.

Пол под ногами кажется необычно мягким. Я опускаю фо-

нарик вниз и вижу, что весь коридор выстлан старыми резиновыми матами. Такие обычно используют в спортзалах или... в бассейнах у кромки воды.

Мое дыхание становится поверхностным.

Один, два, три...

Я иду вперед, ведя лучом света по стенам. Через каждые пять метров - тяжелые стальные двери без номеров. Они выглядят так, будто их не открывали десятилетиями.

Внезапно фонарик выхватывает из темноты что-то на стене.

Я подхожу ближе. Это фотография, приклеенная на скотч прямо к бетону.

На ней изображена девушка в спортивном купальнике. Она стоит на бортике бассейна, ее волосы мокрые, а на шее - серебряная медаль. Она улыбается, но ее глаза смотрят мимо камеры, с каким-то странным выражением ожидания или ужаса.

Это я. Десять лет назад.

Но я никогда не выигрывала серебро на тех соревнованиях. Я пришла первой. Я точно помню золотую медаль, помню, как мама плакала от гордости, помню, как тренер хлопал меня по плечу.

Я срываю фотографию со стены. На обороте карандашом написано: Объект 13. Фаза адаптации завершена на 82%. Риск отторжения памяти минимальный.

Мои колени слабеют. Я опускаюсь на корточки, прижима-

ьясь спиной к холодному бетону. В голове начинают всплывать фрагменты, которые я считала снами: длинные коридоры, вкус хлорированной воды, чьи-то руки, закрепляющие датчики на моих висках.

- Ты не должна была сюда заходить, Агата, - раздается голос из темноты.

Я вскидываю фонарик. В конце коридора стоит фигура. Из-за яркого света я не вижу лица, только силуэт. Высокий, широкоплечий человек. Игорь? Или кто-то другой?

- Кто здесь? - мой голос звучит хрипло, я почти не узнаю его.

- Тот, кто помнит тебя настоящую, - говорит фигура и начинает медленно приближаться. - Ту, которая не умела считать вдохи и выдохи. Ту, которая просто жила.

Я вскакиваю на ноги, готовая бежать. Мое тело мобилизовано, мышцы напряжены, как струны. Я пловчиха. Я знаю, как уходить от преследования в ограниченном пространстве.

Но фигура останавливается, не доходя до круга света.

- Ты ищешь правду, но правда здесь - это всего лишь еще один слой штукатурки. Ты хочешь знать, что случилось в те три месяца? Спроси у Виктора Вадимовича, почему он платит твоему бывшему парню за то, чтобы тот держал тебя на поводке.

- Марк не имеет к этому отношения! - кричу я, хотя внутри меня уже начинает прорастать ядовитое зерно сомнения. Его зажигалка, его допросный тон, его настойчивые просьбы

оставить это здание в покое...

- Все имеют к этому отношение, Агата. Мы все - часть Лабиринта.

Человек разворачивается и исчезает в одном из боковых ответвлений коридора. Я стою, тяжело дыша, сжимая в руке фотографию. Вибрация ключа прекратилась. Теперь я чувствую только холод металла и сухость во рту.

Мне нужно выбраться отсюда. Сейчас же.

Я возвращаюсь к потайному входу, выскакиваю на лестничную клетку и с силой захлопываю панель. Она встает на место с тихим щелчком, снова превращаясь в безупречную декоративную стену.

Я спускаюсь вниз, перепрыгивая через ступеньки. На двенадцатом этаже я едва не сталкиваюсь с Ларисой. Она стоит в дверях своей квартиры, окутанная облаком едкого сигаретного дыма. Ее старое лицо в свете тусклых ламп кажется вырезанным из кости.

- Видела его? - хрипло спрашивает она, глядя на меня своими выцветшими глазами.

- Кого?

- Того, кто ходит там, где нет пола. Он ищет свою тень. И ты ищешь. Только смотри, деточка, не перепутай свою тень с чужой. Здесь тени имеют привычку меняться хозяевами.

Она захлопывает дверь перед моим носом. Я пробегаю оставшиеся этажи, не останавливаясь. Мимо Семена, который все так же жует свою жвачку, мимо пустых холлов, мимо

камер, за которыми, я теперь точно знаю, следит Игорь.

Я вылетаю на улицу, в спасительную прохладу вечера. Машина стоит на месте. Город продолжает шуметь, Майя, вероятно, уже дома редактирует свои видео, а моя жизнь только что окончательно раскололась на "до" и "после".

Я сажусь в машину и долго смотрю на фотографию в своих руках. Девушка на снимке кажется мне незнакомкой. Я провожу пальцем по ее лицу, пытаюсь нащупать хоть какую-то связь, но чувствую только холодную глянцевую бумагу.

На телефоне высвечивается сообщение от Марка: "Я у твоего дома. Нам нужно поговорить. Без свидетелей".

Я завожу двигатель. Руки больше не дрожат. Внутри меня воцаряется странная, ледяная ясность. Если здание - это машина, то у нее должен быть пульт управления. И если я - часть эксперимента, то я собираюсь стать той системной ошибкой, которая этот эксперимент разрушит.

Я выезжаю с парковки, и в зеркале заднего вида шпиль ЖК Лабиринт кажется черным пальцем, прижатым к губам неба. Город засасывает меня в свои артерии, и я еду навстречу Марку, понимая, что этот разговор станет либо моим спасением, либо последним гвоздем в крышку гроба моей прежней реальности. В конце концов, в заплыве на длинные дистанции самое сложное - это не старт и не финиш, а тот момент посередине пути, когда берега уже не видно, а силы начинают иссякать, и единственное, что ведет тебя вперед - это упрямое, животное желание просто продолжать

движение.

Я поворачиваю на набережную, где огни фонарей отражаются в темной воде, напоминая мне о том, что любая поверхность - это всего лишь фасад, за которым скрывается бездна, и я готова в нее заглянуть.

ГЛАВА 4. ВХОД В СЛЕПОЕ ПЯТНО

Машина слушается меня неохотно, или это я сопротивляюсь инерции собственного решения. Поворот руля на тридцать пять градусов, мягкое сопротивление гидроусилителя, и я ухожу с маршрута, ведущего к Марку. Встреча с ним сейчас - это попытка заклеить трещину в несущей стене скотчем. Марк будет крутить свою старую зажигалку Зиппо, извлекая этот раздражающий металлический щелчок, и смотреть на меня так, будто я - свидетель с ненадежными показаниями. Его рациональность всегда была для меня своего рода анестезией, но сейчас мне не нужно обезболивание. Мне нужна правда, даже если она пахнет пылью и старым бетоном.

Я разворачиваюсь через двойную сплошную, игнорируя правила дорожного движения и логику здравого смысла. Шпиль ЖК Лабиринт снова вырастает в лобовом стекле, доминируя над горизонтом. Это здание спроектировано Даном с пугающей точностью, оно вгрызается в облака, как сверло в кость. Чем ближе я подъезжаю, тем четче ощущаю этот знакомый спазм в диафрагме. Мое тело пловчихи помнит, как реагировать на опасность: вдох на четыре счета, задержка, медленный выдох. Кислород должен поступать в мозг равно-

мерно, чтобы аналитический центр не захлебнулся в панике.

На въезде в паркинг меня встречает Игорь. Он стоит у шлагбаума, прямой, как арматура, и его лицо не выражает абсолютно ничего. Это отсутствие мимики профессиональное, выработанное годами службы где-то в закрытых структурах. Он сканирует мой пропуск, и я чувствую, как его взгляд задерживается на моих руках, сжимающих руль. Игорь - теневой наблюдатель этого места. Я уверена, что в его камерке мониторы транслируют каждый мой шаг, превращая мою жизнь в бесконечный стрим для одного зрителя.

- Добрый вечер, Агата Денисовна, - произносит он, и голос его звучит как сухой шелест гравия. - Вы поздно сегодня. Работы на объекте официально завершены в восемнадцать ноль-ноль.

- У дизайна нет графика, Игорь, - отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Мне нужно проверить замеры в тринадцатой.

Он кивает, и шлагбаум поднимается с едва слышным гулом мотора. Я паркуюсь в боксе номер сорок два. Холод подземного паркинга мгновенно пробирается под куртку. Здесь влажность повышена на двенадцать процентов по сравнению с улицей, я чувствую это кожей.

В вестибюле я натыкаюсь на Льва Борисовича. Управляющий ЖК Лабиринт выглядит как карикатура на британского дворецкого: идеально отглаженные манжеты, которые он постоянно поправляет, и этот вкрадчивый шепот, от которого

хочется вымыть уши.

- О, наша дорогая Агата Денисовна! - он материализуется из-за колонны, обвитой искусственным плющом. - Какое рвение. Но я должен напомнить, что доступ к техническим этажам и узлам связи после заката ограничен. Техника безопасности, вы же понимаете. Виктор Вадимович очень беспокоится о сохранности системы.

- Я не иду в технические узлы, Лев Борисович, - я прохожу мимо него, чувствуя его взгляд на своей спине. - Квартира тринадцать - жилой фонд. У меня есть контракт и ключи.

- Разумеется, разумеется, - шепчет он мне вслед. - Просто будьте осторожны. В этом здании акустика... специфическая. Иногда трубы поют такие песни, что впечатлительные натуры принимают их за голоса.

Я не оборачиваюсь. Лифт прибывает мгновенно. Внутри я не одна. Семен, старший электрик, стоит в углу, прислонившись к стальной панели. От него пахнет озоном и табачной жвачкой. Он медленно двигает челюстями, глядя на мигающие цифры этажей.

- Опять в тринадцатую? - спрашивает он, не поворачивая головы. - Зря вы туда ходите, дочка. Ток там странный. Сопротивление скачет, как пульс у марафонца. Я вчера щиток проверял на двенадцатом, так в шахте такой гул стоял, будто там турбина самолетная крутится. А этажей-то выше тринадцатого по проекту всего ничего.

- Это просто аэродинамика, Семен, - говорю я, концен-

трируясь на ритме своего дыхания. - Сквозняки в пустых помещениях.

- Сквозняки не шепчут имена, - философски замечает он и выходит на восьмом. - Если свет начнет мигать - не дергайтесь. Это просто фаза гуляет.

Двери закрываются. Я остаюсь одна. На двенадцатом этаже лифт притормаживает, и в кабину заглядывает Лариса из сто двадцатой первой. Она курит прямо на лестничной площадке, вопреки всем правилам пожарной безопасности. Ее седые волосы растрепаны, а в руке зажата пачка крепких сигарет без фильтра.

- Слышишь? - хриплым басом спрашивает она, вглядываясь в меня сквозь очки. - Опять они там ходят. Прямо над моей головой. А там ведь нет жилых комнат, только пустота и бетон. Но шаги-то тяжелые, мужские. Ты, милая, если их встретишь, не спрашивай ничего. Просто уходи.

- Спасибо за совет, Лариса, - я нажимаю кнопку закрытия дверей.

Мое сердце работает в штатном режиме, семьдесят два удара в минуту, но ладони становятся влажными. Это не страх, это дезориентация. Архитектурный план здания в моей голове начинает конфликтовать с показаниями очевидцев. Я - профессионал. Я верю в эргономику, в сопромат, в синусоиды напряжения. Я не верю в призраков.

Тринадцатый этаж встречает меня мертвой тишиной и запахом свежей штукатурки. Я иду по коридору, и мои шаги по

керамограниту звучат слишком гулко. Перед дверью тринадцатой квартиры я замираю. В кармане вибрирует телефон. Майя.

- Агата, дорогая! - ее голос в трубке звучит слишком бодро, с этой типичной дизайнерской придурью. - Ты видела новые рендеры, которые я выложила в сторис? Виктор Вадимович просто в восторге от моей концепции лобби. Кстати, как там твой секретный объект? Говорят, ты там заперлась и никого не пускаешь. Это так антуражно, такой олдскульный подход! Но смотри, тренды меняются быстрее, чем сохнет краска. Не застрянь в прошлом.

- Я занята, Майя. Поговорим позже, - я сбрасываю вызов.

Майя - это шум, белый шум, который мешает сосредоточиться. Она хочет этот заказ, она хочет это здание, но она видит только фасад. Она не понимает, что ЖК Лабиринт - это не просто жилой комплекс. Это лабиринт, который Дан построил для кого-то конкретного. И, кажется, этот кто-то - я.

Я вставляю ключ в замок. Обычный английский замок, никакой биометрии, никакой электроники, что само по себе странно для такого высокотехнологичного дома. Поворот на два оборота. Щелчок. Дверь открывается бесшумно, петли идеально смазаны.

Я вхожу и замираю.

Свет. Квартира залита мягким, теплым светом, хотя я точно помню, что выключала всё, когда уходила в прошлый раз.

Но дело даже не в свете.

Мебель.

Я медленно прохожу в центр гостиной, и мои ноги вязнут в глубоком ворсе ковра. Это не те серые бетонные коробки, которые я видела здесь вчера. Пространство трансформировалось. Здесь стоит кресло-бержер с обивкой из пыльно-зеленого бархата. У стены - стеллаж из темного дуба, заставленный книгами. Обеденный стол круглой формы, выполненный из цельного спила карагача.

Это мои эскизы.

Десять лет назад я рисовала их в своем старом альбоме, когда только мечтала стать архитектором. Эти чертежи никогда не покидали моего стола, я даже не оцифровывала их. Каждая линия, каждый угол наклона спинки кресла, специфическая фактура дерева - всё совпадает до миллиметра. Это физическое воплощение моих старых фантазий, которые я сама давно похоронила в слепом пятне своей памяти.

На обеденном столе стоит чашка. Простая керамическая чашка белого цвета. От нее поднимается едва заметный завиток пара.

Я подхожу ближе. Рука непроизвольно тянется к фарфору. Я не касаюсь его, я просто держу ладонь над поверхностью. Тепловое излучение ощутимое. Я провожу быстрый расчет в уме: интенсивность испарения, плотность пара, температура воздуха в помещении около двадцати двух градусов. Жидкость в чашке имеет температуру около восьмиде-

сяти градусов Цельсия. Это значит, что кофе был налит сюда меньше минуты назад.

Кто-то только что вышел из этой комнаты.

Я резко оборачиваюсь, оценивая пути отхода и слепые зоны. Квартира кажется пустой, но это ощущение ложное. Архитектура пространства такова, что углы скрывают больше, чем показывают.

- Дан? - мой голос звучит надтреснуто. - Это не смешно. Если это твой способ продемонстрировать возможности здания, то я оценила. Это отличный перформанс.

Тишина в ответ становится плотной, почти осязаемой. Я слышу только собственное дыхание: раз, два, три, четыре... выдох... раз, два, три, четыре...

Я иду в сторону спальни. Мои мышцы напряжены, как перед прыжком в воду с десятиметровой вышки. Я готова к любому сопротивлению. Но то, что я вижу, лишает меня опоры эффективнее, чем любой физический удар.

На стене, прямо напротив входа, висит портрет. Это не фотография и не цифровая печать. Это холст, масло, академическая техника письма. На нем изображена я. Я сплю в том самом зеленом кресле, которое стоит сейчас в гостиной. На мне старая футболка с логотипом моих первых соревнований по плаванию, та самая, которую я потеряла десять лет назад во время тех злополучных трех месяцев, которые выпали из моей жизни.

Детализация пугающая. Художник запечатлел тонкую

венку на моем виске, прядь волос, прилипшую к щеке, и даже едва заметный шрам на костяшке указательного пальца, который я получила в детстве, сорвавшись с качелей.

Я подхожу к портрету вплотную. Запах масляной краски смешивается с ароматом кофе. Краска свежая. Если я прикоснусь к холсту, на пальце останется след.

В этот момент оживает мой телефон. На экране высвечивается "Мама". Я нажимаю на прием, не сводя глаз со своего изображения на стене.

- Агата, деточка, ты где? - голос Елены Валериевны звучит с той самой тревожной заботливостью, которая всегда действовала на меня как удушающий прием. - Я звоню тебе уже третий раз. Почему ты не отвечаешь? Марк сказал, что ты не приехала к нему.

- Я на работе, мама, - отвечаю я, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. - Я в ЖК Лабиринт. В тринадцатой квартире.

На том конце провода повисает пауза. Я слышу, как мама судорожно вдыхает воздух. Она всегда так делает, когда пытается скрыть панику.

- Агата, послушай меня внимательно, - ее тон меняется на вкрадчивый, почти такой же, как у Льва Борисовича. - Тебе не нужно там находиться. Это место плохо на тебя влияет. Ты снова начинаешь фантазировать. Помнишь, что врачи говорили? Переутомление, галлюцинации... Твоя память просто защищает тебя от стресса. Пожалуйста, вернись домой.

Я приготовила твой любимый суп.

- Врачи говорили, что у меня диссоциативная амнезия, мама. Но они не говорили, что мои эскизы десятилетней давности могут материализоваться в бетонном здании, которое еще год назад было просто чертежом на столе Дана. Откуда здесь этот портрет? Кто его написал?

- Какой портрет, милая? - ее голос дрожит. - Ты просто устала. Видишь то, чего нет. Это всё из-за этой работы. Виктор Вадимович - опасный человек, он играет в игры, которые тебе не по зубам. Уходи оттуда сейчас же.

Я отключаю телефон. Разговор с матерью всегда превращается в блуждание по замкнутому кругу. Она - хранительница моих ложных воспоминаний, архитектор моей личной тюрьмы из пустоты.

Я поворачиваюсь к окну. Вид на город отсюда открывается панорамный, но стекло кажется слишком толстым, отделяющим меня от реальности слоем брони. В отражении я вижу себя и портрет за своей спиной. Мы кажемся двумя частями одного пазла, который кто-то пытается собрать против моей воли.

- Вы ищете ответы не в тех плоскостях, Агата, - раздается голос от двери.

Я не вздрагиваю. Я знала, что он придет. Дан стоит в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку. На нем черный кашемировый свитер и помятые брюки. Он выглядит так, будто не спал несколько суток. Его взгляд сканирует

комнату с профессиональным цинизмом.

- Фундамент гнилой, фасад не спасет, - произносит он свою любимую мантру. - Вы смотрите на мебель, а должны смотреть на структуру.

- Кто принес сюда эти вещи, Дан? - я подхожу к нему, нарушая границы его личного пространства. Я хочу почувствовать его симметрию, поймать ложь в его движениях. - Это мои эскизы. Кофе еще горячий. Портрет... откуда он здесь?

Дан не отстраняется. Он смотрит на меня сверху вниз, и в его глазах я вижу странную смесь жалости и азарта экспериментатора.

- Здание живет своей жизнью, Агата. Я спроектировал систему, которая должна была быть идеальной. Каждая комната, каждый коридор - это алгоритм. Но алгоритм выдал ошибку. Или, возможно, он просто нашел то, что было скрыто слишком глубоко. Виктор Вадимович внес изменения в чертежи в последний момент. Он добавил скрытые контуры. Зоя из архива мэрии нашла старые планы этого участка. Знаете, что здесь было до стройки?

- Мне плевать, что здесь было, Дан. Я хочу знать, что здесь происходит сейчас.

- Здесь происходит ваше возвращение, - он делает шаг вперед, и я чувствую запах табака и дорогого парфюма. - Вы думаете, что потеряли три месяца своей жизни? Нет, вы их просто заперли. А эта квартира - ключ. Каждая деталь здесь - триггер. Кофе, портрет, даже запах - всё это настроено на

ваши нейронные связи. Это не архитектура. Это нейробиология, воплощенная в бетоне.

Я смотрю на чашку кофе. Пар уже почти исчез. Температура упала.

- Вы хотите сказать, что это здание - машина для восстановления памяти?

- Или для ее окончательного разрушения, - Дан криво усмехается. - Виктор Вадимович любит цитировать Ницше о бездне. Он считает, что если долго всматриваться в пустоту, пустота начнет платить аренду. Он нанял вас не как дизайнера. Он нанял вас как объект.

Мое дыхание сбивается. Раз, два... нет, я теряю ритм. Тепло реагирует на его слова как на ледяную воду. Мгновенная мобилизация. Я должна уйти, должна бежать отсюда, к Марку, к его рациональным допросам и шелканью зажигалки. Но мои ноги не двигаются. Тактильная память впивается в ворс ковра, узнавая его структуру. Мои руки помнят, как я рисовала эти линии.

В коридоре слышится какой-то шум. Это Артем, курьер, проносится мимо на своем электросамокате, нарушая все мыслимые правила внутреннего распорядка. Он что-то выкрикивает в микрофон своей гарнитуры, его сленг звучит здесь как инородный код.

- Да я тебе говорю, тринадцатый этаж - это портал какой-то! - доносится его голос. - Тут даже вай-фай пахнет озоном!

Шум его присутствия немного заземляет меня. Мир снаружи все еще существует. Там есть курьеры, есть Майя со своими сторис, есть электрики, жующие табак.

- Дан, если вы часть этого эксперимента, то вы плохой актер, - я стараюсь вернуть себе ироничный тон. - Ваше недоверие к чувствам слишком картинное.

- Мое недоверие проистекает из того, что я вижу результат, - он отходит от двери, пропуская меня. - Я построил клетку, Агата. Я думал, что строю дом для элиты, а построил лабораторию. И я не знаю, как ее выключить.

Я прохожу мимо него в коридор. Мне нужно уйти, пока стены этой квартиры не начали со мной разговаривать. Но перед тем, как выйти, я оборачиваюсь.

- Завтра я приду сюда с инструментами. Я собираюсь вскрыть стены, Дан. Если там есть скрытые контуры, я их найду. Я не объект. Я системная ошибка.

Дан ничего не отвечает. Он остается стоять в полумраке квартиры, и его силуэт кажется частью мебели, которую я когда-то нарисовала.

Я иду к лифту, и каждый мой шаг звучит как вызов. На двенадцатом этаже Лариса все еще стоит на площадке. Она смотрит на меня с каким-то странным ожиданием.

- Видела их? - шепчет она, когда я прохожу мимо.

- Я видела себя, Лариса, - отвечаю я, не замедляя шага. - Это гораздо хуже.

Спустившись в вестибюль, я вижу Игоря. Он все так же

неподвижен у своих мониторов. На одном из них я вижу пустую гостиную тринадцатой квартиры. Чашка кофе на столе. Портрет на стене. И Дана, который сидит в моем зеленом кресле, закрыв лицо руками.

Лев Борисович поправляет манжеты и провожает меня взглядом до самой двери. Его вкрадчивая улыбка кажется мне теперь не бюрократической маской, а оскалом гиены, ожидающей финала охоты.

Я выхожу на улицу. Ночной воздух кажется слишком сладким, почти искусственным. Я сажусь в машину и долго смотрю на свои руки. Они не дрожат. Внутри меня воцаряется странная, ледяная ясность. Если здание - это машина, то у нее должен быть пульт управления. И если я - часть эксперимента, то я собираюсь стать той системной ошибкой, которая этот эксперимент разрушит.

Я выезжаю с парковки, и в зеркале заднего вида шпиль ЖК Лабиринт кажется черным пальцем, прижатым к губам неба. Город засасывает меня в свои артерии, и я еду навстречу Марку, понимая, что этот разговор станет либо моим спасением, либо последним гвоздем в крышку гроба моей прежней реальности. В конце концов, в заплыве на длинные дистанции самое сложное - это не старт и не финиш, а тот момент посередине пути, когда берега уже не видно, а силы начинают иссякать, и единственное, что ведет тебя вперед - это упрямое, животное желание просто продолжать движение.

Я поворачиваю на набережную, где огни фонарей отражаются в темной воде, напоминая мне о том, что любая поверхность - это всего лишь фасад, за которым скрывается бездна, и я готова в нее заглянуть. Каждое движение города теперь кажется мне частью единого механизма, где нет случайных встреч и лишних деталей. Марк ждет меня в кафе у реки, и я уже вижу его силуэт сквозь стекло, его привычное движение рукой, проверяющее зажигалку. Он еще не знает, что та Агата, которую он помнил, осталась там, в тринадцатой квартире, спящей на масляном холсте под присмотром архитектора, потерявшего контроль над собственным творением. Я выхожу из машины, чувствуя, как влажный речной воздух наполняет легкие, и этот вдох на четыре счета становится моим первым осознанным шагом на территорию, где правда больше не прячется за амнезией, а ждет меня с чашкой горячего кофе на столе.

ГЛАВА 5. ЭФФЕКТ КОНКУРЕНЦИИ

Встреча с Марком в кафе оставила после себя привкус холодного эспрессо и глухое раздражение, которое обычно возникает, когда пытаешься объяснить теорию струн человеку, привыкшему считать на счетах. Марк, со своей профессиональной деформацией следователя, разложил мои страхи на составляющие, как улики в zip-пакеты, и пришел к выводу, что мне просто нужен отпуск. Его привычка крутить в руках зажигалку Zippo - ритмичный металлический щелчок, за которым следует вспышка и запах бензина - действовала мне на нервы больше, чем его скепсис. Он смотрел на меня так, будто я была свидетелем с плохой памятью, которого нужно мягко подтолкнуть к нужным показаниям, а не женщиной, обнаружившей собственное изображение десятилетней давности в запертой квартире. Его рациональность была похожа на слишком тесный гидрокостюм: она должна защищать, но вместо этого мешает дышать. Я вышла из кафе в густую вечернюю влажность набережной, чувствуя, как внутри разворачивается привычная пружина готовности к заплыву. Когда вода слишком холодная, нельзя заходить в нее медленно. Нужно просто прыгнуть.

Я вела машину в сторону жилого комплекса, анализируя

город сквозь призму сопротивления материалов. Старые мосты через реку казались мне уставшими скелетами, чьи суставы-заклепки давно проржавели от постоянной вибрации трафика. Мой мозг автоматически вычислял углы наклона и возможные точки деформации, потому что это было проще, чем думать о Дане и его чертежах. Архитектор, построивший клетку и выдавший ее за элитное жилье. Дан раздражал меня своей непредсказуемостью, его фразы-обрубки торчали из разговора, как арматура из недостроенной стены. Он владел информацией, но выдавал ее такими порциями, чтобы я постоянно чувствовала дефицит. Это была игра в доминирование, где я пока проигрывала по очкам, потому что мои собственные воспоминания были стерты, как старая разметка на асфальте.

Когда я подъехала к воротам ЖК, Игорь, начальник службы безопасности, даже не вышел из своей будки. Он просто поднял шлагбаум, глядя в мониторы своими пустыми глазами человека, привыкшего видеть мир через сетку пикселей. Я знала, что он следит за каждым моим движением. Его военная выправка чувствовалась даже через бронированное стекло, а отсутствие мимики делало его похожим на часть охранной системы, такую же бездушную, как датчики движения в коридорах тринадцатого этажа. Я припарковала машину на подземном уровне, где бетонные колонны уходили в темноту, поддерживая на своих плечах тонны роскоши и тайн.

Здесь, внизу, здание дышало иначе. Гул вентиляционных шахт сливался в низкочастотный шум, который я чувствовала подошвами кроссовок. Мое тело, натренированное годами в бассейне, улавливало малейшие колебания среды. Я сделала глубокий вдох на четыре счета, чувствуя, как диафрагма расширяется, наполняя легкие тяжелым, маслянистым воздухом парковки. Один, два, три, четыре. Выдох. Заземление прошло успешно.

- Агата! Боже, я знала, что найду тебя в этом бетонном бункере!

Голос Майи разрезал тишину парковки, как плохо заточенный нож режет бумагу - с неприятным скрежетом. Я обернулась. Майя стояла у своей ярко-красной машины, которая выглядела здесь инородным телом, как пятно кетчупа на чертеже. На ней был очередной дизайнерский наряд, который она называла концептуальным, а я - непрактичным: слишком много лишних завязок, которые могли зацепиться за любую выступающую деталь. Майя была моим зеркалом, в которое мне не хотелось смотреться. Успешная, яркая, она строила карьеру на трендах и умении вовремя вставить в речь нужное английское слово, скрывая за этим полное отсутствие понимания того, как на самом деле держится здание.

- Здравствуй, Майя, - я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально ровно, без признаков той усталости, что скопилась в основании черепа. - Что ты здесь делаешь в та-

кое время?

- О, дорогая, у меня здесь просто потрясающий кейс! - Майя подлетела ко мне, принося с собой облако приторно-сладких духов, которые мгновенно забили мои рецепторы. - Один из инвесторов, ну ты знаешь, из пула Виктора Вадимовича, попросил меня сделать редизайн пентхауса. Это такой челлендж, просто невероятный вайб! Но я слышала, ты тут буквально прописалась в тринадцатой квартире? Это что, какой-то секретный ордер?

Она достала телефон и начала записывать голосовое сообщение, даже не дождавшись моего ответа.

- Ребята, вы не поверите, я тут встретила Агату на парковке, она выглядит так, будто три дня не спала и планирует захват здания, это такой муд...

Я смотрела на ее губы, покрытые глянцевым блеском, и видела нарушение симметрии. Она лгала. Или, как минимум, сильно недоговаривала. Ее интерес к моей работе был слишком острым, слишком прицельным.

- Майя, я занята спецификациями объекта. У здания есть технические особенности, которые требуют внимания, - я начала обходить ее, стремясь к лифту, но она преградила мне путь, выставив вперед свою безупречно ухоженную руку.

- Спецификации? Да ладно тебе. Дай посмотреть, что там у тебя в папке. Я уверена, мы могли бы сколлабиться. Мой вижн и твоя скучная техническая база - это был бы идеальный мэтч.

Она потянулась к моей сумке с такой бесцеремонностью, что я непроизвольно напрягла мышцы пресса, переходя в защитную стойку. Мое тело помнило, как блокировать удары еще со времен юношеских сборов, хотя Майя вряд ли собиралась драться в буквальном смысле. Ее нападение было социальным, метафорическим, но от этого не менее опасным.

В этот момент из-за дальней колонны вышел Семен, старший электрик. Он тащил тяжелую катушку кабеля, и его поношенная роба контрастировала с блеском парковки так же сильно, как мои мысли с болтовней Майи. Семен остановился, сплюнул табачную жвачку в сторону и посмотрел на нас с прищуром человека, который знает, где в этом доме закопаны не только кабели, но и совесть его строителей.

- Опять искрит? - хрипло спросил он, обращаясь скорее к пространству, чем к нам. - Я ж говорил Льву Борисовичу, что тут фаза на ноль ложится через раз. Здание-то живое, девки, оно шевелится. Вы тут свои картинки рисуете, а ток - он сопротивление чувствует.

Майя брезгливо поморщилась, явно не оценив его метафору.

- Мужчина, мы тут делом заняты, - бросила она через плечо, снова переводя взгляд на меня. - Так что, Агата? Покажешь чертежи или будешь и дальше играть в мисс Инкогнито? Мне Виктор Вадимович намекнул, что ты нашла что-то особенное в тринадцатой. Что-то, что меняет прайс всего проекта.

Я замерла. Виктор Вадимович, главный инвестор, человек, который нанял меня, уже обсуждал мою работу с Майей? Это было не просто нарушение субординации, это пахло подставой. Он нанял меня из-за этой квартиры, из-за моей связи с ней, о которой я сама не помнила. Но зачем ему Майя? Как запасной вариант или как соглядатай?

- Если Виктору Вадимовичу нужно что-то обсудить, он знает мой номер, - отрезала я. - А теперь извини, мне нужно идти.

В этот момент мой телефон в кармане завибрировал. На экране высветилось: Мама. Елена Валериевна имела удивительную способность звонить именно тогда, когда уровень стресса достигал критической отметки. Ее голос в трубке всегда был мягким, обволакивающим, как патока, в которой легко завязнуть.

- Агата, деточка, ты поужинала? - зазвучал ее тревожно-заботливый тон. - Я сегодня видела по телевизору сюжет про старые дома, там такие ужасы рассказывают... Может, тебе стоит отказаться от этого проекта? Ты стала такой нервной, совсем как тогда, десять лет назад, перед тем, как ты заболела. Помнишь, как мы решили, что тебе нужно просто все забыть и начать с чистого листа?

- Мама, я сейчас не могу говорить, - я почувствовала, как внутри все сжалось.

Ее упоминание о том периоде всегда было как удар под дых. Забыть и начать сначала. Они с отцом сделали все, что-

бы те три месяца моей жизни превратились в стерильную белую комнату без дверей и окон. И вот теперь я стою в гараже здания, которое является ключом к этой комнате, а вокруг меня кружат люди, каждый из которых хочет отщипнуть кусочек моей памяти.

- Просто береги себя, милая. Не ищи того, чего нет. Прошлое должно оставаться в прошлом, иначе оно съест твое будущее, - добавила она и отключилась, оставив меня с чувством легкой тошноты.

Майя все еще стояла передо мной, внимательно наблюдая за моей реакцией. Она была как хищник, который чувствует запах крови, но пока не понимает, откуда она течет.

- Мамочка звонила? Как мило, - Майя усмехнулась, поправляя ремешок своей сумочки. - Моя тоже постоянно спамит советами. Но давай вернемся к делу. Я знаю, что Дан даст тебе эксклюзивный доступ. Зоя из архива проговорила, что вы искали старые планы участка. Зачем дизайнеру интерьеров планы застройки пятидесятилетней давности, Агата? Ты там клад ищешь или труп первого архитектора?

Она сделала шаг ко мне, нарушая границы моего личного пространства. Я почувствовала запах ее жвачки - искусственная клубника. Мое зрение зафиксировало мелкую дрожь ее левого века. Она нервничала больше, чем хотела показать. Ее самоуверенность была фасадом, за которым скрывался страх пропустить что-то важное, что-то, что могло бы поднять ее на новый уровень в иерархии Виктора Ва-

димовича.

- Я ищу логику, Майя. То, чего твоему вижу всегда не хватало, - я сказала это максимально спокойно, глядя ей прямо в глаза. - Архитектура - это не только подбор текстиля под цвет настроения заказчика. Это структура. Если структура нарушена, никакие обои не помогут.

Майя вспыхнула. Ее лицо на мгновение исказилось, теряя свою инстаграмную безупречность.

- Ах ты... структурированная наша! Посмотрим, как ты запоешь, когда узнаешь, что этот объект уже практически у меня в кармане. Виктор Вадимович любит результат, а не твои бесконечные замеры и рефлексии.

Она резко развернулась, собираясь уйти, но ее каблук соскользнул на гладком бетоне - видимо, Семен был прав насчет протечек или масла. Майя неловко взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, и ее пухлая кожаная папка выскользнула из-под мышки, веером рассыпая содержимое по грязному полу парковки.

Я инстинктивно шагнула вперед, чтобы помочь, но замерла на месте. Среди разлетевшихся визиток, образцов ткани и глянцевых референсов лежала фотография. Она была старой, с характерными заломами по углам и чуть выцветшими цветами. На ней был изображен ключ. Массивный, латунный, с характерной бородкой и выбитым на круглой головке номером 13.

Это был точно такой же ключ, какой Дан показывал мне.

Ключ от квартиры, которой не должно существовать в реестрах, но которая занимала все мои мысли.

Майя лихорадочно начала собирать свои вещи, ее пальцы дрожали, она буквально загребала бумаги в охапку, стараясь закрыть собой ту самую фотографию. Но я уже увидела достаточно. Моя тактильная память услужливо подбросила ощущение холода металла, хотя я не касалась этого снимка.

- Откуда это у тебя? - мой голос прозвучал глухо, как будто я говорила под водой.

- Это... это просто референс! Для фурнитуры! - Майя почти кричала, запихивая бумаги обратно в папку. - Не смей на меня так смотреть, Агата! Ты не единственная, кто умеет копать глубоко.

Она вскочила, ее дыхание было сбивчивым, неритмичным. Она выглядела как человек, которого поймали на краже, хотя технически она просто уронила папку. В этот момент из лифтового холла вышел Лев Борисович. Управляющий ЖК выглядел как всегда безупречно: темно-серый костюм, идеально выглаженная сорочка. Он поправил манжеты и подошел к нам своей вкрадчивой походкой, которая всегда напоминала мне движение тени по стене.

- Дамы, какой-то конфликт? - его шепот разнесся по парковке, заставляя Майю вздрогнуть. - Надеюсь, вы не делите территорию? В нашем комплексе мы ценим тишину и профессионализм.

Он не смотрел на нас. Его взгляд был устремлен куда-то

в пространство между нами, как будто он изучал плотность воздуха.

- Все в порядке, Лев Борисович, - быстро сказала Майя, прижимая папку к груди. - Мы просто... обменивались опытом. Я уже ухожу.

Она почти бегом бросилась к своей машине, хлопнула дверью так, что эхо еще долго гуляло под сводами потолка, и с визгом шин рванула к выезду. Игорь в своей будке наверняка отметил это нарушение скоростного режима, но я сомневалась, что он сделает ей замечание.

Я осталась стоять на месте, глядя на пятно от масла там, где только что лежала фотография ключа. Лев Борисович повернулся ко мне, и я кожей почувствовала его холодное внимание.

- Агата, вы слишком много времени проводите на технических этажах, - мягко произнес он. - Семен жалуется, что вы задаете слишком много вопросов о щитовых и вентиляции. Поймите, безопасность наших жильцов - приоритет. Некоторые зоны закрыты не потому, что мы что-то скрываем, а потому, что они опасны для неподготовленного человека.

- Опасны чем, Лев Борисович? Напряжением или правдой? - я посмотрела на него, пытаюсь поймать его взгляд, но он снова ускользнул, сосредоточившись на пуговице моего пальто.

- В архитектуре, как и в жизни, есть вещи, которые лучше не трогать, чтобы не нарушить баланс, - он чуть склонил го-

лову. - Виктор Вадимович очень ценит вашу работу, но он также ценит и спокойствие. Не заставляйте его сомневаться в вашем благоразумии.

Он развернулся и ушел, оставив меня одну в этом бетонном чреве. Я чувствовала, как здание вокруг меня сжимается. Это не была клаустрофобия, это было ощущение того, что я нахожусь внутри огромного организма, который начинает вырабатывать антитела против меня.

Я подошла к своей машине, но не села внутрь. Вместо этого я прислонилась к холодной бетонной колонне, закрыла глаза и начала считать. Один. Майя знает о ключе. Два. Лев Борисович открыто мне угрожает. Три. Моя мать боится моего прошлого больше, чем я сама. Четыре. Дан - единственный, кто стоит между мной и этой бездной, но я не знаю, на чьей он стороне.

Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Мышечная память напомнила мне о финальном заплыве на чемпионате, когда легкие горели от нехватки кислорода, а финишная лента казалась недостижимой. Тогда я просто отключила мозг и позволила телу делать то, что оно умеет лучше всего - двигаться вперед, несмотря на боль и сопротивление воды.

Сейчас вода была еще холоднее, а течение - намного сильнее. Где-то наверху, на тринадцатом этаже, ждала квартира, которая была моим отражением, моим потерянным временем, запертым в бетоне. И если Майя ищет ключ, значит, она знает, что за дверью находится что-то более ценное, чем

просто старая мебель и пыль.

Я вспомнила Артема, того парня-курьера, который пробирался в здание через вентиляцию. Если официальные пути перекрыты Львом Борисовичем и Игорем, значит, пришло время использовать неофициальные. У меня не было времени на рефлексии и страх. Мне нужны были ответы, даже если они разрушат ту хрупкую конструкцию реальности, которую я строила последние десять лет.

Я села в машину и завела двигатель. Свет фар разрезал темноту парковки, выхватывая из тени Семена, который все еще возился со своими кабелями. Он поднял руку в странном приветствии или предупреждении, и я ответила ему коротким кивком.

Город за пределами ЖК встретил меня неоновыми огнями и бесконечным шумом, но теперь все это казалось мне декорацией. Настоящая жизнь, настоящая я, осталась там, за шлагбаумом Игоря, в тени колонн и шепоте вентиляционных шахт. Я ехала домой, но знала, что это лишь временная передышка перед решающим броском.

Завтра мне нужно будет найти Зою в архиве мэрии и узнать, что именно она рассказала Майе. Если информация начала утекать, значит, время работает против меня. Я чувствовала, как азарт борьбы начинает вытеснять дезориентацию. Это было знакомое чувство - предстартовая лихорадка, когда каждое нервное окончание натянуто, как струна, и ты готов сорваться с тумбочки по первому сигналу.

Моя амнезия больше не была просто дырой в памяти. Она стала моей мотивацией. Я верну себе эти три месяца, чего бы мне это ни стоило. Даже если окажется, что та девушка на фотографии не имеет ничего общего с той Агатой, которой я стала.

Я припарковалась у своего дома, чувствуя, как ночная прохлада успокаивает горящую кожу лица. В окнах горел свет, люди жили своими обычными жизнями, не подозревая о том, что архитектура их реальности может быть так же нестабильна, как и старый фундамент на берегу реки. Я посмотрела на свои руки на руле. Они были крепкими, надежными. Тело не лжет. Оно помнит то, что разум предпочел вытеснить. И это тело вело меня обратно к тринадцатой квартире, к Дану и к правде, которая уже начала просачиваться сквозь трещины в моем сознании, обещая изменить все, что я знала о себе и об этом мире.

Я поднялась в свою квартиру, не включая свет. В темноте очертания мебели казались более четкими, лишенными декоративной мишуры. Я подошла к окну и посмотрела на темный силуэт жилого комплекса вдали. Он возвышался над городом как гигантский монолит, хранящий в себе ответы на вопросы, которые я только начинала формулировать. Завтра будет новый день, новые замеры и новые столкновения, но сейчас мне нужно было просто сохранить этот ритм дыхания, этот фокус, который не позволял мне рассыпаться на части под давлением обстоятельств. Каждый вдох приближал

меня к разгадке, и я была готова встретить ее лицом к лицу, как встречают волну в открытом море - без страха, с ясным умом и абсолютной уверенностью в собственной силе.

Завтрашний визит к Зое в мэрию должен был стать моим первым ходом в этой партии, где фигуры уже были расставлены, а правила менялись на ходу, заставляя меня импровизировать и доверять интуиции больше, чем сухим цифрам чертежей. Я закрыла глаза, представляя себе структуру здания, его скрытые пустоты и невидимые связи, и в этой ментальной карте уже не было места для сомнений, только четкие линии и холодный расчет, ведущий к единственно верному финалу. Моя история только начинала обретать свои истинные контуры, и я не собиралась останавливаться, пока не увижу всю картину целиком, до последнего кирпича в фундаменте моего собственного прошлого. В тишине пустой квартиры я слышала только собственное ровное дыхание и далекий гул города, который теперь казался мне всего лишь фоном для главного действия, разворачивающегося в самом сердце бетонного лабиринта. Любая система имеет свои уязвимости, и я собиралась найти их все, превращая свои слабости в инструменты познания, а свою амнезию - в чистое полотно, на котором я сама напишу свою новую правду. Все нити сходились в одной точке, и эта точка пульсировала на чертежах Дана, обещая либо полное освобождение, либо окончательное разрушение всего, что я считала своим миром, и я была готова к любому исходу. Мое движение впе-

ред стало необратимым процессом, как цепная реакция, которую невозможно остановить, когда критическая масса познаний и фактов уже достигнута. Оставалось только сделать следующий шаг, и я знала, что он будет самым важным в этой долгой и опасной игре с собственной памятью. Здание ждало меня, и я не собиралась заставлять его ждать слишком долго, чувствуя, как во мне просыпается та самая Агата, которая не знала поражений и всегда доплывала до финиша первой. План на завтра уже созрел в моей голове, и он был таким же безупречным и жестким, как конструкции, которые я привыкла анализировать, не оставляя места для случайностей и ошибок в этом сложном уравнении моей жизни. Конкуренция с Майей была лишь досадным помехой, мелким шумом на фоне глобальной задачи, которую я поставила перед собой, и я собиралась использовать этот шум в своих интересах, превращая каждое препятствие в ступеньку на пути к истине. Ночь обещала быть долгой, но мой разум уже работал на пределе возможностей, выстраивая стратегии и просчитывая варианты развития событий, которые могли привести меня к заветной цели. Я чувствовала, как напряжение в мышцах постепенно сменяется приятной усталостью, но внутри продолжал гореть холодный огонь решимости, который не давал мне уснуть, заставляя снова и снова прокручивать в голове детали сегодняшнего дня. Все было связано, каждый жест, каждое слово и каждый взгляд имели значение в этом сложном узоре реальности, который я пы-

талась расшифровать, и я знала, что скоро все тайное станет явным, открывая мне путь к самой себе. С этой мыслью я наконец позволила себе расслабиться, зная, что завтрашний день принесет новые вызовы, к которым я буду полностью готова, вооружившись логикой, опытом и непоколебимой волей к победе в этой схватке с неизвестностью. Постепенно сон начал окутывать меня, но даже в нем я продолжала видеть четкие линии чертежей и чувствовать холод металла того самого ключа, который стал символом моего поиска и моей надежды на возвращение утраченного. Все только начиналось, и я была главным архитектором этого процесса, не собираясь отдавать право на проектирование своей судьбы кому-то другому.

ГЛАВА 6. АЛГОРИТМ ПОГРЕШНОСТИ

Я проснулась от того, что мое тело пыталось совершить кувырок в воде, хотя я лежала на сухой простыне с плотностью плетения триста нитей на дюйм. Мышечная память пловчихи - это проклятие. Мои дельтовидные мышцы ныли, требуя привычного сопротивления хлорированной среды, а легкие автоматически переключились на режим контроля: вдох на четыре счета, задержка, выдох. Один, два, три, четыре. В комнате было слишком светло для восьми утра, и этот избыток люменов раздражал сетчатку. Я села на кровати, анализируя геометрию пространства. Прямые углы стен моего собственного дома казались сегодня какими-то подозрительно острыми, словно здание за ночь слегка просело, изменив коэффициент нагрузки на несущие конструкции.

Телефон на тумбочке завибрировал, нарушая статику утра. Это была Майя. Я представила, как она сейчас сидит в своем офисе, заставленном каталогами итальянской мебели, потягивает матча-латте и записывает очередное голосовое сообщение, перенасыщенное англицизмами. Я нажала на прием, просто чтобы остановить этот дребезжащий звук.

- Агата, дорогая, я слышала, ты совсем закопалась в этом проекте на набережной, - ее голос звучал слишком звонко,

с той фальшивой бодростью, которую дизайнеры используют для удержания капризных клиентов. - Слушай, там такой сложный апрувал по техническим этажам, может, тебе нужен фреш-лук? Я вчера шерилась идеями с Виктором Вадимовичем, он в восторге от моего концепта открытого пространства. Не овер-инжинирь, детка, это просто бетон.

- Майя, бетон - это не просто материал, это искусственный камень с заданными свойствами прочности, - ответила я, чувствуя, как внутри закипает холодное раздражение. - И мой контракт включает в себя полную инженерную экспертизу, а не только расстановку диванов по фэн-шую. Если Виктор Вадимович захочет изменить техзадание, он сообщит мне об этом лично.

Я отключилась, не дожидаясь ее ответа про кейсы и дедлайны. Майя была как избыточный декор на фасаде: много шума, никакой несущей функции. Но ее звонок напомнил мне о главном инвесторе. Виктор Вадимович прислал сообщение еще ночью: Сроки поджимают, Агата. Квартира тринадцать должна быть готова к осмотру через неделю. Надеюсь на вашу дисциплину. В его манере письма всегда сквозила эта тяжелая, свинцовая властность, как будто он цитировал не Ницше, а строительный кодекс времен сталинского ампира.

Я подошла к окну. Внизу, во дворе ЖК, я заметила Льва Борисовича. Управляющий, как всегда, выглядел безупречно в своем сером костюме, который, казалось, был прикле-

ен к его телу. Он что-то вкрадчиво шептал на ухо Игорю, начальнику службы безопасности. Игорь стоял неподвижно, заложив руки за спину, его военная выправка создавала идеальную вертикаль на фоне хаотично припаркованных машин. Они оба посмотрели вверх, на мои окна, и я инстинктивно отступила вглубь комнаты. Это была не паника, а тактическая перегруппировка. Дезориентация - вот подходящее слово. Когда за тобой наблюдают, архитектура твоего личного пространства перестает быть твоей.

В дверь позвонили. Ритм был знакомым: два коротких, один длинный. Марк. Мой бывший парень и по совместительству человек, который верит только в те улики, которые можно положить в прозрачный зип-пакет.

Я открыла дверь. Марк вошел без приглашения, заполнив прихожую запахом дешевого кофе из автомата и кожаной куртки. Он сразу начал крутить в руках свою старую зажигалку Zippo - клац-клац, клац-клац. Этот звук всегда действовал мне на нервы, как капающий кран в пустой квартире.

- Ты выглядишь так, будто три дня не вылезала из бассейна и забыла снять очки, Агата, - сказал он, проходя на кухню. Его голос приобрел тот самый допросный тон, который он использовал с подозреваемыми в отделе. - Мать звонила. Говорит, ты не берешь трубку и несешь какой-то бред про тринадцатую квартиру.

Я посмотрела на телефон. Действительно, пять пропущенных от Елены Валериевны. Мать была хранителем моих

ложных воспоминаний, архитектором моей амнезии. Каждое ее Агатушка в трубке было попыткой зацементировать ту трещину в моей памяти, через которую начал просачиваться холодный свет реальности.

- Я работаю, Марк. Это сложный объект с нарушенной эргономикой, - я попыталась говорить спокойно, контролируя диафрагму. - И там есть странности. Технические.

- Странности бывают в протоколах вскрытия, а не в жилых комплексах бизнес-класса, - Марк сел на стул, продолжая играть зажигалкой. - Игорь из безопасности сказал, что ты вчера три часа провела в тринадцатой квартире. Зачем? Там же голый бетон. Он видел тебя по камерам. Ты стояла посреди комнаты и разговаривала сама с собой.

- Я не разговаривала, я замеряла акустику, - солгала я, хотя знала, что он считывает малейшее нарушение симметрии в моей позе. - Марк, послушай. Десять лет назад я была там. У меня есть доказательства.

Я схватила телефон и открыла галерею. Пальцы слегка подрагивали, нарушая мелкую моторику. Я нашла тот самый снимок, который сделала вчера. Тот, где на стене была видна тень, которой не должно было быть, и остатки старых обоев под слоем пыли, которые я так отчетливо помнила тактильно - их шероховатость, их ритмичный узор.

- Вот, смотри, - я сунула телефон ему под нос.

Марк прищурился, взял аппарат в свою большую, мозолистую ладонь. Он долго смотрел на экран. Его лицо остава-

лось неподвижным, как гипсовая маска.

- И что я должен увидеть? - спросил он, возвращая мне телефон. - Пустую коробку? Агата, здесь ничего нет. Просто серый бетон и строительный мусор в углу.

Я выхватила телефон обратно. На дисплее отображалась идеально пустая комната. Никаких теней. Никаких обоев. Только ровные поверхности, залитые холодным цифровым светом. Моя тактильная память вопила об ошибке. Я помнила сопротивление материала под пальцами, я помнила специфический запах старой бумаги и известки. Визуальные данные на дисплее входили в жесткое противоречие с моими сенсорными ощущениями. Это был системный сбой. Или в файле, или в моей голове.

- Этого не может быть, - прошептала я, лихорадочно листая фотографии. - Я чувствовала это. Я касалась этого.

- Ты переутомилась, - Марк встал и положил руку мне на плечо. Его хватка была слишком крепкой, ограничивающей мою свободу движения. - Твоя амнезия - это не тайна из детективного романа, это результат нервного истощения. Врачи же говорили: перетренированность, гипоксия, срыв. Ты просто проецируешь свои старые страхи на этот дом. Брось этот заказ. Я поговорю с Виктором Вадимовичем, он найдет другого дизайнера. Майя вон так и рвется в бой.

- Не смей решать за меня, - я сбросила его руку. - Ты звучишь как моя мать. Она тоже хочет, чтобы я просто закрыла глаза и плыла по течению, пока не утону.

В этот момент в дверь снова постучали, на этот раз громко и нетерпеливо. На пороге стоял Артем, курьер, которого я часто видела в ЖК. Он был в своей ярко-оранжевой куртке, весь в движении, как будто внутри него работал вечный двигатель с высоким КПД.

- Агата Дмитриевна? Доставка из архива, - он протянул мне тяжелый бумажный пакет, перетянутый бечевкой. - Еле прорвался через Льва Борисовича, он там на входе каждого допрашивает, как на границе. А этот ваш электрик, Семен, вообще сказал, что в здании фаза поплыла, лифты дергаются. Весело у вас тут!

Артем говорил быстро, глотая окончания слов, его глаза постоянно бегали по прихожей. Я знала, что он зацепер и знает это здание лучше любого инженера - он лазил по вентиляционным шахтам и техническим этажам ради эффективных кадров для своего блага.

- Спасибо, Артем. Семен что-то еще говорил? - спросила я, расписываясь в квитанции.

- Да че-то про сопротивление плел, - Артем хмыкнул. - Мол, здание не хочет, чтобы в нем копались. Старик совсем на токе помешался. Ладно, я побежал, у меня еще десять заказов и тренировка на крыше.

Он исчез так же стремительно, как и появился. Я вернулась на кухню с пакетом. Марк наблюдал за мной с плохо скрываемым подозрением.

- Что в пакете? - спросил он.

- Документы из мэрии. Зоя помогла достать старые планы участка, - я начала разрывать бумагу. - Дан сказал, что здесь была какая-то аномалия еще до застройки.

При упоминании Дана лицо Марка потемнело. Он знал, что Дан был архитектором этого комплекса, и его профессиональный интерес к моей персоне казался Марку подозрительным.

- Дан - циник и неудачник, который спроектировал золотую клетку, - отрезал Марк. - Он ищет виноватых в своем провале. Не слушай его. Дай мне телефон, Агата. Я отдам его ребятам в отдел кибербезопасности. Пусть проверят на вирусы или программные сбои. Может, у тебя камера глючит или приложение какое-то криво встало.

Я помедлила. Логика подсказывала, что это разумное решение. Если изображение на экране не совпадает с реальностью, значит, проблема в носителе информации. Но интуиция, обостренная годами тренировок в условиях ограниченной видимости, подавала сигнал тревоги.

- Хорошо, проверь, - я протянула ему телефон. - Но мне он нужен к вечеру. У меня встреча с Ларисой из 1201-й квартиры. Она утверждает, что слышит шаги на несуществующем этаже.

- Эта старуха сумасшедшая, она курит столько, что у нее галлюцинации от никотинового передоза, - Марк сунул мой телефон в карман куртки. - Никуда не ходи. Сиди дома, разбери свои чертежи. Я скоро вернусь.

Он ушел, и в квартире стало невыносимо тихо. Я присела у окна и раскрыла пакет из архива. Внутри были пожелтевшие листы кальки, пахнувшие пылью и старым клеем. Я разложила их на столе, пытаясь совместить оси координат. Мои пальцы привычно скользили по линиям, оценивая статику конструкций. Зоя приложила записку: Агата, это всё, что удалось найти. Данные по участку за 2014 год частично удалены из базы. Похоже на программную чистку. Береги себя, тут какая-то муть.

Я всматривалась в чертежи фундамента. Что-то было не так. Угол наклона свай не соответствовал расчетной нагрузке для такого типа грунта. Как будто здание специально строили с небольшим перекосом, создавая постоянное внутреннее напряжение в материале. Это было нерационально. Это было опасно. Это было похоже на то, как если бы пловец специально нагружал одну руку больше другой, нарушая гидродинамику.

Зазвонил мой второй телефон, рабочий. На экране высветилось имя: Елена Валериевна. Мать. Я вздохнула и ответила.

- Агата, девочка моя, - ее голос был как патока, липкий и удушающий. - Марк сказал, что ты снова бредишь той квартирой. Зачем ты это делаешь? Мы же договорились: то лето было просто ошибкой, переутомлением. Ты лежала в клинике, ты была так слаба. Зачем ворошить бетон, который уже застыл?

- Мама, почему на фотографии десятилетней давности я сплю в тринадцатой квартире, если мы там никогда не были? - спросила я, чувствуя, как мышцы шеи каменеют.

- Это фотомонтаж, - быстро, слишком быстро ответила она. - Или ты просто ошиблась дверью. Мало ли похожихстроек было в то время? Пожалуйста, приедь к нам в субботу. Мы с отцом заказали твой любимый пирог. Давай просто забудем об этом.

- Я не могу забыть то, чего не помню, мама. Я могу это только вычислить, - я нажала кнопку отбоя.

Внутренний прораб в моей голове злился: Расчеты не сходятся, Агата. Фундамент гнилой, фасад не спасет. Я встала и подошла к зеркалу в прихожей. Мое отражение выглядело симметричным, но в глазах застыла та самая дезориентация, которой я так боялась. Я должна была увидеть этот файл еще раз. Я должна была убедиться, что Марк не ошибается.

Я вспомнила, что мой телефон синхронизирован с облаком. Я подошла к ноутбуку, ввела пароль и открыла папку с последними загрузками. Пусто. Папка была пуста. Последняя синхронизация была прервана вручную десять минут назад.

Холод пробежал по позвоночнику, как струя ледяной воды в душе после заплыва. Я бросилась к окну. Машина Марка все еще стояла во дворе. Я увидела его через стекло - он сидел в салоне, подсвеченный синеватым светом экрана. Моего экрана. Его пальцы быстро двигались, совершая харак-

терные свайпы. А потом он сделал движение, которое я узнала бы из тысячи: он выбрал файл и нажал Удалить. Затем он откинулся на сиденье и снова достал свою зажигалку. Клац-клац.

Он не проверял телефон на вирусы. Он чистил мою реальность.

Я почувствовала, как диафрагма сжалась в резком спазме. Один, два, три, четыре. Дыши, Агата. Ты в воде, и берега не видно, но ты умеешь держаться на плаву. Марк, мой рациональный тормоз, мой защитник, только что совершил акт архитектурного вандализма над моей памятью. Почему? Что он увидел на том снимке, чего не должна была видеть я? Или что он знал о тринадцатой квартире такого, что требовало немедленного уничтожения улики?

Я вспомнила слова Семена-электрика: Сопротивление растет, когда ты идешь против тока. Я шла против тока всей своей жизни последние десять лет. Весь этот ЖК, Лев Борисович со своими ключами, Игорь со своими камерами, Майя со своими концептами и даже моя собственная мать - все они были частью одной инженерной системы, спроектированной для того, чтобы удерживать меня в состоянии контролируемой амнезии.

Я снова посмотрела на чертежи Зои. Там, в самом низу, под слоями технической информации, был мелкий значок - личная подпись главного архитектора. Дан. Но рядом был еще один символ, который я раньше не замечала. Стили-

зованное изображение глаза в треугольнике - эмблема холдинга Виктора Вадимовича. Это не был жилой комплекс. Это был эксперимент. Социальный? Психологический? Архитектурный?

Я схватила куртку и выскочила из квартиры. Мне нужно было найти Дана. Он - единственный, кто знал правду о фундаменте этой лжи, потому что он сам закладывал первый камень. Мои ноги сами несли меня к лифту, но я остановилась. Если Марк удалил фото, значит, он скоро вернется. И он будет проверять, насколько хорошо сработала его ложь.

Я спустилась на этаж ниже по лестнице, считая ступени. Двадцать четыре до площадки. Еще двадцать четыре. На двенадцатом этаже было тихо, только из-за двери 1201 доносился тяжелый кашель Ларисы и запах крепкого табака. Я постучала.

Дверь открылась не сразу. Лариса выглянула в шелку, ее лицо, изборожденное морщинами, как старая топографическая карта, казалось в полумраке коридора почти призрачным.

- А, это ты, пловчиха, - прохрипела она, выпуская струю дыма прямо мне в лицо. - Пришла послушать, как дом дышит? Сегодня он злой. Сегодня он глотает звуки.

- Лариса, мне нужно знать, что вы видели в тринадцатой квартире десять лет назад, - я шагнула в квартиру, не дожидаясь приглашения. - Вы же живете здесь с самого открытия. Вы помните девушку, которая приходила туда?

Старуха посмотрела на меня своими выцветшими глазами, в которых на мгновение мелькнуло что-то похожее на жалость. Она медленно потянулась к пепельнице, заваленной окурками без фильтра.

- Девушек было много, - сказала она, путая времена и лица. - Но ты была особенной. Ты всегда считала шаги. Раз, два, три... Ты думала, что если все измерить, то ничто не сможет тебя напугать. Но этот дом - он не про метры. Он про пустоты между ними.

Она замолчала, прислушиваясь к чему-то, чего я не слышала. Внезапно она схватила меня за руку. Ее пальцы были сухими и горячими, как перегретые провода.

- Уходи, Агата. Марк идет. Он пахнет гарью и казенным домом. Он не тот, кем кажется. Он не сторож, он - забор.

Я услышала, как на этаже звякнул лифт. Этот специфический звук механизма, который Семен называл предсмертным хрипом лебедки. Я прижалась к стене, чувствуя холод бетона через тонкую ткань куртки. Сердце колотилось в ритме сбоящей системы: тук-тук... тук.

- Спрячься на балконе, - шепнула Лариса, подталкивая меня вглубь своей захлавленной квартиры. - Он не зайдет ко мне, он боится моей вони. Но он будет искать тебя везде, где есть прямые углы.

Я вышла на балкон двенадцатого этажа. Холодный ветер с реки ударил в лицо, принося запах тины и бензина. Я посмотрела вниз. Высота не пугала меня, она была просто еще

одной переменной в уравнении. Внизу, у входа, я увидела Артема. Он стоял на своем велосипеде, глядя вверх на окна тринадцатой квартиры. В руках у него была камера с мощным объективом. Он что-то снимал.

В этот момент дверь в квартиру Ларисы содрогнулась от мощного удара.

- Лариса Ивановна, откройте! Это полиция! - голос Марка звучал сталью и угрозой. - Мы знаем, что Агата у вас. У нее приступ, ей нужна помощь!

Я посмотрела на край балкона. Между двенадцатым и тринадцатым этажами была узкая техническая полка - выступ для кондиционеров и декоративной подсветки. Мои мышцы напряглись, готовые к рывку. Это был единственный путь. Вверх. Туда, где бетон хранил мои стертые воспоминания, и куда Марк так отчаянно пытался закрыть мне доступ.

Я ухватилась за металлический поручень, проверяя его на прочность. Конструкция была надежной, коэффициент запаса - не менее полутора. Я подтянулась, чувствуя, как дельты наполняются привычным жаром. Один, два, три, четыре. Вдох. Рывок. Мои пальцы вцепились в холодный край бетонного выступа.

Где-то внизу Артем вскрикнул и направил камеру на меня. Я видела красный огонек записи. Теперь я не была просто Агатой, архитектором и дизайнером. Я была объектом в движении, точкой на координатной плоскости здания, которое решило объявить мне войну. Но у меня было преимущество:

я знала, что за каждым техническим сбоем стоит алгоритм, а любой алгоритм можно взломать, если найти правильную точку опоры.

Я подтянулась выше, перенося вес тела на левую руку. Ветер пытался сбросить меня, нарушить мою симметрию, но я была частью этого пространства, его живым продолжением. Еще один рывок, и я оказалась на узком карнизе тринадцатого этажа. Окно квартиры было закрыто, но я видела внутри движение теней. Там кто-то был. Не Марк, не Лев Борисович. Кто-то, кто не отражался в камерах Игоря и не числился в списках жильцов.

Я прижалась к стеклу, пытаюсь рассмотреть интерьер. И в этот момент я поняла, что Марк удалил с моего телефона. На снимке была не пустая комната. На снимке, в самом углу, стоял человек, чье лицо было скрыто тенью, но чья поза - эта легкая асимметрия плеч и привычка держать руки в карманах - была мне до боли знакома. Это был Дан. И он не просто стоял там. Он ждал меня.

Я коснулась стекла, и оно отозвалось легкой вибрацией, как будто все здание было гигантским камертоном, настроенным на одну-единственную ноту. Ноту моего возвращения. Я знала, что обратного пути нет. Марк внизу, запертый в своей рациональности и приказах Виктора Вадимовича, Лариса со своими пророчествами, мать со своими пирогами - все они остались внизу, в мире, где бетон был просто бетоном.

Я нажала на раму, и она поддалась с тихим щелчком, открывая мне доступ в пространство, которое десять лет назад стало моей тюрьмой, а теперь должно было стать моим ключом к истине. Воздух внутри был другим - плотным, наэлектризованным, пахнувшим озоном и старой бумагой из архива Зои. Я шагнула внутрь, чувствуя, как реальность под моими ногами обретает твердость, которой ей не хватало все эти годы, и понимая, что каждый мой шаг здесь - это вызов всей системе, которую они так тщательно выстраивали вокруг моей пустоты. Моя тактильная память больше не лгала мне: я была дома, в самом сердце лабиринта, и теперь мне предстояло встретиться с его архитектором лицом к лицу, чтобы окончательно разрушить этот фасад и увидеть, что скрывается за его безупречной поверхностью. Позади остался шум города и крики Марка, впереди была только тишина тринадцатой квартиры, наполненная шорохом моих собственных мыслей и ожиданием того, что правда, какой бы разрушительной она ни была, наконец станет осязаемой реальностью под моими пальцами. Я была готова к этому столкновению, потому что теперь я знала: в архитектуре моей судьбы нет лишних деталей, и каждый сбой был лишь шагом к пониманию истинного проекта моей жизни. Напряжение в воздухе достигло своего пика, и я сделала первый шаг навстречу тени, которая ждала меня в глубине комнаты, зная, что этот разговор изменит всё, что я привыкла считать незыблемым фундаментом своего существования.

ГЛАВА 7. ВСТРЕЧА С ДЕМИУРГОМ

Холодный воздух на техническом этаже пахнет озоном и старой бетонной пылью, которая забивается в поры кожи, как мелкий абразив. Мои легкие работают в режиме жесткой экономии: вдох на четыре счета, выдох на четыре счета. В бассейне это помогало держать ритм на пятом километре, когда тело превращается в сплошную ноющую мышцу, а здесь, в утробе ЖК Вертикаль, это единственный способ не дать панике сожрать мой когнитивный ресурс. Я вышла из тринадцатой квартиры, чувствуя, как затылок покалывает от чужого взгляда. Я знала, что камеры Игоря, начальника службы безопасности, провожают меня по каждому коридору. Игорь - человек с выправкой штабного офицера и полным отсутствием мимических морщин, он всегда смотрит в мониторы так, будто ждет начала артобстрела. Его присутствие в этом здании всегда ощущалось как невидимая удавка, затянутая на горле архитектурной логики.

На лестничной клетке я едва не столкнулась с Артемом. Мальчишка-курьер в ярко-оранжевой куртке, который на самом деле был известным в узких кругах зацепером, пролетел мимо меня, перепрыгивая через две ступени. Его движения были избыточными, дергаными, он постоянно находился в

динамике, будто боялся, что остановка приведет к мгновенной аннигиляции.

- Осторожней, Агата, - бросил он на ходу, даже не обернувшись. - В шахтах сегодня ветер гуляет, лифты капризничают. Семен опять там что-то шаманит в щитовой.

Семен, наш старший электрик, был местным хранителем легенд. Когда я спускалась на пару пролетов ниже, я увидела его: он сидел на корточках перед открытым распределительным щитом, задумчиво пережевывая свою неизменную табачную жвачку. Его пальцы, иссеченные шрамами от старых ожогов, двигались среди проводов с нежностью хирурга.

- Ток сегодня нервный, - прохрипел Семен, не оборачиваясь. - Сопротивление растет там, где его быть не должно. Здание сопротивляется, девочка. Оно как живая цепь, которую замкнули не на тот контакт. Ты на крышу? Там Дан мается. Опять свои приборы расставил, будто они ему правду скажут. Правда, она в заземлении, а не в цифрах.

Я кивнула, хотя он меня не видел, и продолжила подъем. Мышечная память фиксировала каждый градус наклона ступеней. В ЖК Вертикаль всё должно было быть идеально, но я чувствовала микроскопические отклонения. Лестница вела вверх, к самому куполу, туда, где реальность города должна была рассыпаться на пиксели огня.

У выхода на крышу меня перехватил Лев Борисович. Наш управляющий выглядел так, будто только что сошел со страниц методички по корпоративной этике: безупречный ко-

стюм, белоснежные манжеты, которые он поправлял каждые тридцать секунд. Но его глаза, вечно ускользающие, никогда не встречались с моими.

- Агата, дорогая, ну куда же вы в таком виде? - прошептал он, и этот шепот был пронзительнее крика. - Там наверху ведутся технические работы. Опасно. И ваш контракт с Виктором Вадимовичем... он ведь подразумевает работу внутри интерьера, а не прогулки по парапетам. Виктор Вадимович очень не любит, когда его специалисты рискуют здоровьем. Он вчера звонил, интересовался вашими успехами. Цитировал Ницше про бездну, которая начинает всматриваться в тебя. Вы же понимаете, что инвестор такого уровня не терпит дилетантства?

- Я иду проверять осевую нагрузку, Лев Борисович, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально сухо. - Без понимания того, как здание дышит, я не смогу закончить проект тринадцатой квартиры. Пропустите.

Он отступил, изображая на лице фальшивое смирение, но я видела, как побелели его костяшки пальцев, когда он в очередной раз дернул манжету. Лев Борисович был идеальным привратником: он не запрещал прямо, он создавал вязкую среду из намеков и мелких препятствий.

Я толкнула тяжелую дверь и вышла на крышу. Ветер тут же ударил в лицо, выбивая из легких остатки теплого воздуха. Здесь, на высоте пятидесятого этажа, Москва казалась макетом, который кто-то забыл убрать в коробку. Дан стоял

у самого края парапета. Его высокая фигура на фоне серого неба выглядела как чертежный набросок, сделанный твердым карандашом. Он держал в руках цифровой виброметр и что-то записывал в планшет. Его движения были скупыми, почти механическими.

Я подошла ближе, чувствуя, как под подошвами кроссовок вибрирует бетон. Это не была обычная вибрация от города или метро. Это был низкочастотный гул, который ощущался скорее костями, чем ушами. Дан не обернулся, но я знала, что он зафиксировал мое присутствие. У него была аномальная чувствительность к перемещению масс в пространстве.

- Фундамент гнилой, - сказал он вместо приветствия. Его голос был лишен эмоций, как отчет о поломке оборудования. - Фасад может быть сколько угодно блестящим, Агата, но если в основании заложена системная ошибка, всё здание превращается в медленную катастрофу.

Он повернулся ко мне. Его лицо было бледным, а глаза сканировали меня с той же тщательностью, с которой он изучал показатели прибора. Дан подошел слишком близко, нарушая мой личный радиус безопасности. Обычно я отступаю, когда кто-то вторгается в мое пространство, но сейчас я заставила себя остаться на месте. Я анализировала его позу: левое плечо чуть ниже правого, центр тяжести смещен на пятки. Его осевая симметрия была нарушена. Он лгал или, по крайней мере, сильно недоговаривал.

- Зачем ты здесь, Дан? - спросила я. - Ты архитектор этого места. Ты должен защищать свой проект, а не хоронить его раньше времени.

- Я проектировал дом, - Дан усмехнулся, и эта ухмылка была похожа на трещину в штукатурке. - А они построили клетку. Слишком много датчиков, слишком много скрытых полостей. Знаешь, Зоя из архива мэрии прислала мне вчера интересную сводку по этому участку. До войны здесь был спецобъект. Никаких чертежей в открытом доступе, только косвенные упоминания о глубоком заложении. Когда я начал строить, мне сказали: не копай глубже проектной отметки. Я был молод и верил в ТЗ.

Мой телефон завибрировал в кармане. Елена Валериевна. Мать звонила с пугающей регулярностью, будто у нее в голове стоял таймер. Я сбросила вызов, зная, что через минуту придет сообщение, полное уменьшительно-ласкательных имен и скрытой агрессии. Агашенька, ты покушала? Тебе не стоит так много работать, это плохо сказывается на памяти. Она была хранителем моих ложных воспоминаний, архитектором той пустоты, что образовалась в моей голове десять лет назад.

- Лев Борисович сказал, что Виктор Вадимович недоволен моей медлительностью, - произнесла я, глядя Дану прямо в глаза. - И Майя уже всю постит в соцсетях намеки на то, что скоро перехватит объект. Она вчера записала десятиминутное голосовое о том, как важно чувствовать вайб

пространства, а не просто измерять углы. Она считает меня сухарем, Дан. А тебя - гением в депрессии.

- Майя - это декорация, - отрезал Дан. - Она занимается обоями, когда нужно менять несущие конструкции. Посмотри на показания.

Он протянул мне виброметр. Цифры на дисплее скакали, как пульс при тахикардии. Амплитуда колебаний превышала норму в три раза. Здание буквально дрожало от напряжения.

- Это из-за тринадцатого этажа? - спросила я, и мой голос на мгновение дрогнул. - Я была там. В квартире 13. Там всё не так. Пропорции, акустика... Такое ощущение, что стены поглощают звук, но отдают что-то другое. Тактильно это ощущается как холодная вода перед прыжком. Резкий спазм диафрагмы.

Дан замер. Он смотрел на меня так, будто я только что призналась в совершении преступления. Он подошел еще на шаг ближе, так что я чувствовала запах его парфюма - смесь табака, холодного металла и чего-то едкого, технического.

- Ты не должна была туда заходить, - его голос стал еще тише, почти превратившись в шепот, как у Льва Борисовича. - Слушай меня внимательно, Агата. У тебя проблемы с памятью, ты цепляешься за геометрию, чтобы не сойти с ума, но здесь твоя логика бессильна. Я не проектировал тринадцатый этаж. В моих чертежах его не было. Его добавили позже, когда меня отстранили от авторского надзора на три месяца. Те самые три месяца, которые ты не помнишь.

Слова Дана ударили под дых сильнее, чем порыв ветра. Я почувствовала, как мое тело непроизвольно мобилизуется, мышцы спины напряглись, готовые к рывку. Дезориентация - это слово, которое я использовала вместо слова страх. Мой внутренний критик, этот строгий прораб, замолчал, ошеломленный полученными данными.

- О чем ты говоришь? - я постаралась придать голосу твердость. - Здание не может просто вырасти на один этаж без изменения всей структуры. Это сопромат, Дан. Ты не можешь воткнуть лишние три метра бетона и стали без перерасчета нагрузок на фундамент.

- Вот именно, - он снова повернулся к парапету, глядя вниз, на город. - Именно поэтому оно вибрирует. Тринадцатый этаж - это паразит. Он вживлен в структуру Вертикали как инородное тело. И самое странное не в том, что его построили. Самое странное - зачем. Виктор Вадимович не из тех, кто тратит миллионы на архитектурные капризы. Ему нужно было место, которое не существует официально. Слепая зона.

Я вспомнила фотографию из своего архива. Я, спящая в этой самой квартире десять лет назад. Те же стыки плитки, та же фактура бетонной стяжки. Если Дана тогда отстранили, а я там была, значит, мы оба - части одного и того же эксперимента. Моя тактильная память хранила холод этих стен задолго до того, как я официально переступила порог ЖК.

- Лариса из 1201 говорит, что слышит шаги наверху, - ска-

зала я, пытаюсь заземлиться через конкретные факты. - Она старая, курит как паровоз и путает времена, но она единственная, кто не боится говорить правду. Она сказала, что на тринадцатом этаже живут тени. Я думала, это старческий маразм, но теперь...

- Лариса видит больше, чем мы все, - перебил меня Дан. - У нее глаукома, она почти слепая, поэтому ее мозг не достраивает картинку до привычного комфорта. Она воспринимает здание через вибрации и звуки. Как ты - через прикосновения.

В этот момент дверь на крышу снова скрипнула. Я вздрогнула, рука непроизвольно потянулась к воображаемой кромке бассейна. Это был Марк. Мой бывший парень, а теперь следователь, который никак не мог оставить меня в покое. Он шел к нам, привычно крутя в руках зажигалку. Его походка была уверенной, давящей, профессиональный допросный тон чувствовался даже в том, как он произносил мое имя.

- Агата, ты не берешь трубку. Твоя мать в панике. Она звонила мне трижды, - Марк остановился в паре метров от нас, игнорируя Дана. - Что ты здесь делаешь? Тебе нельзя на высоту, ты же знаешь, что врачи говорили про твое состояние. Стресс провоцирует новые провалы.

- Мой стресс провоцируют люди, которые решают за меня, что мне делать, Марк, - я почувствовала, как внутри закипает холодная ярость. - Я на работе. Дан объясняет мне особенности конструкции. У нас здесь технический совет.

Марк посмотрел на Дана с нескрываемым подозрением. Как следователь, он привык делить людей на подозреваемых и свидетелей. Архитектор явно попадал в первую категорию.

- Особенности конструкции? - Марк усмехнулся. - Агата, этот дом - объект повышенного внимания. Тут недавно было два случая странного поведения жильцов. Одна дама пыталась выйти в окно, утверждая, что за ней пришли из стены. Ты играешь с огнем, копаясь в этом бетоне.

- Здание живет своей жизнью, Марк, - подал голос Дан. - И если ты пришел сюда, чтобы забрать Агату в ее безопасный кокон из амнезии и маминых звонков, то ты опоздал. Она уже почувствовала ритм.

Марк сделал шаг к Дану, его лицо окаменело. Напряжение между ними стало почти осязаемым, как статическое электричество перед грозой. Я стояла между ними, чувствуя себя точкой пересечения двух векторов, направленных в разные стороны. Один тянул меня назад, в уютную ложь прошлого, другой толкал в бездну тринадцатого этажа.

- Уходи, Марк, - тихо сказала я. - Я не твоя подследственная. И не твоя девушка. Я архитектор-дизайнер, и у меня есть задача.

Марк замер, зажигалка в его руке щелкнула и погасла. Он посмотрел на меня так, будто видел впервые, потом резко развернулся и пошел к выходу. Его уход не принес облегчения. Воздух на крыше стал еще тяжелее.

- Он прав в одном, - сказал Дан, когда дверь за Марком

закрылась. - Здесь опасно. Но не потому, что ты можешь упасть. А потому, что ты можешь вспомнить. Тринадцатый этаж - это не просто архитектурный сбой. Это ключ. И Виктор Вадимович нанял тебя не для того, чтобы ты расставила там мебель от Майи. Он нанял тебя, чтобы ты открыла дверь, которую я когда-то пытался замуровать.

Я подошла к самому краю крыши. Ветер трепал мои волосы, но я не чувствовала страха высоты. Мое тело, привыкшее к многочасовым заплывам, инстинктивно ловило баланс. Я смотрела вниз на сетку улиц и думала о том, что вся моя жизнь - это такой же чертеж, в который кто-то внес изменения без моего ведома.

- Почему ты не ушел? - спросила я, не оборачиваясь. - Если ты знал, что здание превратилось в машину для наблюдения, почему остался?

- Потому что я - его создатель, - голос Дана прозвучал неожиданно горько. - И я не могу бросить свое детище, даже если оно стало монстром. Я пытаюсь найти способ исправить фундамент, Агата. Но для этого мне нужно знать, что произошло в те три месяца. Ты - единственный свидетель, чья память встроена в эти стены.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором поплыли фрагменты: синяя плитка бассейна, всплеск воды, резкий свет ламп и тишина. Тишина, которая была такой же плотной, как в квартире 13. Моя диссоциативная амнезия была не просто защитой психики. Это был архитектурный проект

моих родителей и, возможно, Виктора Вадимовича. Они возвели вокруг моей памяти железобетонный саркофаг.

- Нам нужны чертежи, - сказала я, открывая глаза. - Настоящие. Те, что Зоя нашла в архивах. Нам нужно понять, что находится под тринадцатым этажом и над ним.

- Зоя боится, - Дан подошел и встал рядом. - Она говорит, что некоторые папки исчезают прямо у нее из-под рук. Кто-то очень тщательно зачищает историю этого участка. Но у меня есть зацепка. Семен нашел в щитовой странный кабель, который уходит в несущую колонну. Он не обозначен ни в одной схеме. Он ведет на тринадцатый этаж, но не для питания приборов. Он что-то транслирует.

Я представила себе этот кабель как нерв, пронизывающий всё здание. ЖК Вертикаль перестал быть для меня просто объектом недвижимости. Он стал живым организмом, со своими болезнями, тайнами и скрытыми рефлексамии. И я была в его кровотоке.

- Завтра я иду в квартиру 13 снова, - мой голос звучал на удивление спокойно. - Но теперь я не буду измерять стены. Я буду искать вход в систему. Если Игорь следит за мной через камеры, значит, где-то есть серверная. И она не в подвале, где сидит охрана. Она там, где ее не должно быть.

Дан посмотрел на меня с чем-то похожим на уважение. Его осевая симметрия на мгновение восстановилась. Он протянул мне планшет с данными вибромметра.

- Возьми. Тут зафиксированы точки максимального резонанса.

нанса. В этих местах стены самые тонкие. Если хочешь что-то найти, ищи там, где здание кричит громче всего.

Я взяла планшет, чувствуя холодный пластик под пальцами. Моя инвентаризация мира продолжалась, но теперь в ней появились новые переменные. Я больше не была просто пловчихой, потерявшей память. Я была исследователем, который погружается в темную воду, зная, что на дне ждет не песок, а острые скалы правды.

Мы стояли на крыше, два человека, запутавшихся в собственных конструкциях, а над нами раскинулось равнодушное небо Москвы. Город продолжал гудеть, не замечая, что в самом его сердце пульсирует системная ошибка, готовая в любой момент разрушить безупречный фасад реальности. Я чувствовала, как внутри меня что-то щелкнуло, как будто пазл, который я собирала годами, наконец начал обретать форму. Это была форма лабиринта, и я только что нашла вход в его самый глубокий уровень.

Внизу, далеко под нами, захлопнулась дверь машины - Марк уехал, увозя с собой свои подозрения и мою старую жизнь. Я знала, что Елена Валериевна сейчас набирает очередное сообщение, а Лев Борисович докладывает Виктору Вадимовичу о моем поведении. Но это уже не имело значения. Важным было только то, что здание Вертикаль начало со мной разговаривать через вибрации, холод бетона и короткие, как выстрелы, фразы Дана.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя, как с каждым

шагом мое дыхание становится всё более ровным. Один, два, три, четыре. Вдох. Один, два, три, четыре. Выход. Я была готова к следующему погружению, зная, что на этот раз я не позволю амнезии стереть то, что я увижу в темноте тринадцатого этажа. Нам предстояло вскрыть этот бетонный нарыв, даже если вместе с ним рухнет всё, что мы привыкли считать своим фундаментом.

На лестнице я снова увидела Семена. Он всё так же жевал свою жвачку, глядя на провода.

- Уходишь? - спросил он, не оборачиваясь. - Правильно. Вечером здание тяжелеет. Будто на него сверху наваливается что-то невидимое. Ты, главное, заземляйся чаще, Агата. В нашем деле без заземления никак. Иначе выгорит всё к чертям, и память, и душа.

Я прошла мимо него, чувствуя, как в кармане вибрирует телефон. Майя прислала сообщение: Агата, котик, я тут увидела такие потрясающие обои с эффектом 3D-глубины, они идеально подойдут для тринадцатой квартиры. Давай обсудим? Я не стала отвечать. Глубина, которая была нужна мне, не создавалась обоями. Она была зашита в сам проект, в те самые три месяца пустоты, которые теперь начали заполняться холодным светом осознания.

Я спускалась вниз, и каждый пролет приближал меня к разгадке. Здание дышало мне в спину, его гул становился всё отчетливее, и я понимала, что эта встреча на крыше была лишь началом долгого пути вглубь архитектурного кошмара,

который кто-то назвал моим домом. Моя тактильная память уже вела меня к следующей точке, туда, где бетон становился тоньше, а правда - острее. Я знала, что впереди меня ждет не просто работа, а битва за собственное прошлое, и в этой битве у меня не было права на ошибку в расчетах. Город за окнами лифта превращался в размытое пятно, и я чувствовала, как с каждым этажом вниз моя решимость становится всё тверже, превращаясь в тот самый фундамент, которого так не хватало этому проклятому зданию. Все нити сходились в одной точке, и эта точка находилась за дверью с номером тринадцать, где время остановилось десять лет назад, чтобы дождаться моего возвращения. Я вышла в вестибюль, поправляя сумку на плече, и прошла мимо застывшего у стойки Льва Борисовича, не удостоив его даже взглядом, потому что теперь я знала: правила этой игры изменились, и архитектором моей судьбы теперь буду только я сама. Вечерний воздух встретил меня на улице прохладой и шумом машин, но в голове моей всё еще звучал низкий гул здания, настраивая меня на ритм предстоящего расследования, которое должно было окончательно разрушить все стены, возведенные вокруг моей памяти. Впереди был вечер, полный анализа данных и подготовки к новому визиту в квартиру, которая стала моим личным порталом в забытое прошлое, и я была полна решимости дойти до самого конца, чего бы мне это ни стоило. Подготовка к завтрашнему дню требовала предельной концентрации, и я уже начала набрасывать в уме

план действий, понимая, что каждый мой шаг теперь должен быть выверен с точностью до миллиметра, чтобы не нарушить хрупкое равновесие этой опасной игры. Постепенно осознание масштаба предстоящего открытия наполняло меня странной энергией, заставляя забыть об усталости и страхе, ведь теперь у меня была цель, ради которой стоило рискнуть всем, что у меня осталось. Вечерние сумерки сгущались над городом, но для меня они были лишь фоном для тех ярких озарений, которые обещали пролить свет на самую темную главу моей жизни, скрытую в недрах ЖК Вертикаль. Я шла к своей машине, чувствуя, как под ногами гудит асфальт, словно продолжая разговор, начатый на крыше, и знала, что завтра всё изменится навсегда. Каждое мое движение было наполнено новым смыслом, и я ощущала, как мои чувства обостряются, готовясь к решающему столкновению с правдой, которая скрывалась за безупречными фасадами и лживыми улыбками тех, кто пытался удержать меня в неведении. Этот день подошел к концу, оставив после себя больше вопросов, чем ответов, но теперь у меня были инструменты для того, чтобы найти эти ответы, и никакая сила не могла заставить меня свернуть с выбранного пути. Постепенно я погружалась в свои мысли, выстраивая логические цепочки и сопоставляя факты, которые раньше казались разрозненными, понимая, что истина уже где-то рядом, в нескольких шагах от меня, запертая в бетоне и старых чертежах. Вся моя жизнь до этого момента была лишь подготов-

кой к тому, что должно было произойти завтра, и я принимала этот вызов с холодным спокойствием профессионала, знающего свое дело. Мой путь лежал домой, в мою временную крепость, где я могла еще раз всё обдумать и подготовиться к тому решающему прыжку в неизвестность, который должен был навсегда изменить архитектуру моей реальности. Свет фар разрезал темноту, и я ехала вперед, чувствуя, как ритм моего сердца синхронизируется с пульсом города, обещая, что завтрашний день принесет долгожданное освобождение от оков забвения. Постепенно всё лишнее отсеивалось, оставляя только самое важное: я, здание и тайна, которая связывала нас невидимыми нитями на протяжении многих лет, и теперь пришло время разорвать этот узел раз и навсегда. Конец этого долгого дня был лишь передышкой перед новым этапом, и я знала, что готова к нему как никогда раньше. Каждое мгновение приближало меня к моменту истины, и я встречала его с открытым забралом, готовая принять любую правду, какой бы болезненной она ни оказалась на первый взгляд. Вечерняя прохлада окончательно вытеснила из моих мыслей остатки сомнений, оставляя место только для четкого плана и уверенности в своих силах, которые помогут мне преодолеть любые препятствия на пути к свету. Моя история только начинала обретать свои истинные очертания, и я была готова вписать в нее новую главу, которая станет началом моего полного исцеления и возвращения к самой себе. Все тени прошлого начали медленно отступать, уступая

место ясному видению того, что мне предстоит совершить, и я принимала эту ответственность с достоинством человека, который наконец обрел свою истинную опору. Этот вечер стал для меня точкой невозврата, после которой жизнь уже не могла быть прежней, и я с нетерпением ждала рассвета, чтобы сделать свой первый шаг в новую реальность. Постепенно я успокаивалась, чувствуя, как тишина дома окутывает меня своим целительным покровом, давая возможность набраться сил перед решающим броском в самую гущу событий. Мой разум работал четко и слаженно, как хорошо отлаженный механизм, и я знала, что никакие преграды не смогут остановить меня на пути к поставленной цели, которую я теперь видела яснее, чем когда-либо прежде. Все мои чувства были направлены в будущее, где меня ждало освобождение от всех иллюзий и теней прошлого, и я была готова встретить его с гордо поднятой головой. Этот день завершился, оставив после себя ощущение небывалой легкости и решимости, которые станут моими верными спутниками в завтрашнем путешествии к самому сердцу тайны ЖК Вертикаль. Я закрыла глаза, представляя себе чертежи здания, и заснула с осознанием того, что завтра я наконец узнаю, кто я есть на самом деле.

ГЛАВА 8. ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ

Утро в ЖК Вертикаль всегда начинается с гидравлического вздоха лифтовых шахт. Я проснулась за три минуты до будильника, когда здание еще только пробовало на вкус тишину уходящей ночи. Мое тело, привыкшее к дистанциям в пять километров в открытой воде, помнило каждую микро-судорогу и каждый вдох. Вдох на четыре счета, выдох на четыре счета. Легкие работают как хорошо смазанные меха. Я лежала на спине, глядя в потолок квартиры номер тринадцать, и считала трещины в штукатурке, которые за ночь не изменили своей геометрии ни на миллиметр. Моя память - это склад чертежей, где нет места для смутных предчувствий, есть только данные. Но данные сегодня утром были противоречивыми.

Телефон на прикроватной тумбочке завибрировал, нарушая симметрию звукового фона. На экране высветилось: Мама. Я знала, что этот звонок будет именно сейчас. Елена Валериевна обладает пугающей способностью материализоваться в информационном поле ровно в тот момент, когда я начинаю сомневаться в реальности собственных воспоминаний.

- Агата, детка, ты хорошо спала? - голос матери лился в ухо патоккой, за которой скрывался стальной каркас контроля. - Мне приснилось, что ты снова на сборах, в том ужасном

холодном бассейне в Самаре. Помнишь, как ты тогда переутомилась?

- Я помню бассейн, мама, - ответила я, садясь на кровати и ощущая холод ламината ступнями. - Но я не помню три месяца после него. И ты это знаешь.

- Это был просто стресс, милая. Нервное истощение. Врачи сказали, что твой мозг просто стер лишний шум, чтобы выжить. Зачем ты снова копаешься в этом? Зачем тебе эта работа в Вертикали? Виктор Вадимович звонил мне, спрашивал, как твои успехи. Он очень серьезный человек, Агата, не подведи его.

- Виктор Вадимович нанял меня как дизайнера, - я подавила желание проверить пульс, который явно участился. - И я не подведу его проект. Но здание ведет себя странно. Или это я веду себя странно в этом здании.

- Не выдумывай лишнего, - тон матери мгновенно стал сухим, как старый гипс. - Пей витамины и не забывай завтракать. Я позвоню вечером.

Она отключилась прежде, чем я успела спросить о фотографии. О той самой фотографии, где я, десятилетней давности, сплю в этой самой комнате, хотя официально дом был сдан всего пять лет назад. Логическая нестыковка в сто пятьдесят процентов. Сопромат моей жизни трещал по швам.

Я оделась быстро, выбирая функциональные вещи: джинсы, серый лонгслив, кроссовки с хорошим сцеплением. В вестибюле меня встретил Лев Борисович. Управляющий ЖК

стоял у стойки ресепшена, поправляя и без того безупречные манжеты. Его улыбка была похожа на фасадную отделку из дешевого пластика - издали выглядит прилично, вблизи видны швы.

- Доброе утро, Агата Александровна, - прошептал он, склонив голову. - Как вам спалось в нашей жемчужине? Жалоб на коммуникации нет?

- Ночью был странный шум в районе технического короба, - я внимательно следила за его лицом. - Такое ощущение, что давление в трубах скачет нелинейно. И еще, Лев Борисович, мне нужно попасть в щитовую на двенадцатом этаже. Семен, ваш электрик, сказал, что там есть доступ к старым схемам разводки.

Лев Борисович на секунду замер. Его левый глаз чуть заметно дернулся - нарушение симметрии, первый признак дезинформации.

- Семен слишком много болтает, - вкрадчиво произнес управляющий. - У него, знаете ли, профессиональная деформация от постоянного контакта с высоким напряжением. Двенадцатый этаж - жилой сектор повышенной комфортности. Мы не можем беспокоить жильцов техническими работами в утренние часы.

- Я не буду шуметь, - отрезала я. - Мне нужно сопоставить фактические пустоты в перекрытиях с чертежами Дана. Кстати, где он?

- Господин архитектор уехал на совещание в мэрию. Ка-

жется, Зоя из архива нашла какие-то неточности в документах на землю, - Лев Борисович наконец посмотрел мне в глаза, и его взгляд был холодным, как бетонная плита в ноябре. - Советую вам сосредоточиться на интерьерах, Агата. Не ищите то, чего нет в смете.

Я кивнула, делая вид, что согласна, и направилась к лифтам. У входа стоял Игорь, начальник службы безопасности. Он кивнул мне с привычной военной выправкой, его лицо оставалось абсолютно неподвижным, словно высеченным из гранита. Я чувствовала на себе его взгляд даже тогда, когда двери лифта закрылись. Я знала, что он видит меня через десятки скрытых камер, о которых не подозревают даже жильцы. Это здание было не просто домом, это был паноптикум, где каждый мой шаг фиксировался и анализировался.

На двенадцатом этаже было тихо. Коридор, застеленный мягким ковролином, поглощал звуки моих шагов. Я достала лазерный дальномер и начала делать контрольные замеры. Пятнадцать сантиметров. Разница между внутренней стеной и внешним фасадом составляла лишние пятнадцать сантиметров. Это не просто погрешность, это скрытая полость, идущая через весь стояк.

Мой телефон пискнул. Сообщение от Майи, моей вечной конкурентки по дизайнерскому цеху.

- Дорогая, слышала, ты заперлась в этом склепе Виктора Вадимовича? - голос Майи в голосовом сообщении был перенасыщен искусственным энтузиазмом. - Бросай это гиблое

дело. У меня тут такой оффер от застройщиков в Сити, просто эмэйзинг! Зачем тебе эти старые стены? Или ты там клад ищешь? Чмоки!

Я удалила сообщение, не дослушав. Майя видела только поверхность, только тренды и люксовую отделку. Она никогда не поймет кайфа от того, как идеально подогнанные детали конструкции держат на себе тонны веса.

Внезапно дверь квартиры 1201 приоткрылась. Из проема повалил густой, едкий дым крепких сигарет. Я невольно задержала дыхание на вдохе - старая привычка пловца перед погружением. Из темноты прихожей вышла женщина. Лариса. Ей было около семидесяти, но в ее движениях чувствовалась какая-то рваная, лихорадочная энергия. Она была одета в тяжелый бархатный халат, который выглядел так, будто его не снимали последние лет двадцать.

- Опять ты здесь, - хриплым басом произнесла она, глядя куда-то сквозь меня.

Она сделала шаг вперед и внезапно схватила меня за руку. Ее пальцы были сухими и невероятно цепкими, как корни старого дерева. Я почувствовала, как мышцы моего предплечья мгновенно напряглись, готовые к рывку, но я заставила себя остаться на месте. Равновесие - это не только про тело, это про контроль над ситуацией.

- Елена, сколько можно ходить по этому коридору? - прошептала она, и в ее глазах вспыхнул странный, нездоровый блеск. - Ты все ищешь свои чертежи? Они их спрятали. Все

спрятали под бетон.

- Я не Елена, - спокойно ответила я, стараясь не вырывать руку. - Я Агата. Ее дочь. Лариса, мы знакомы?

Старуха прищурилась, затягиваясь сигаретой так сильно, что кончик вспыхнул ярко-алым. Дым заполнил пространство между нами, создавая иллюзию зыбкости, как будто мы находились под водой в мутном пруду.

- Дочь? - Лариса усмехнулась, и этот звук больше походил на кашель. - Время здесь течет по-другому, деточка. Вчера, сегодня, десять лет назад - в Вертикали это все один длинный коридор без дверей. Ты такая же упрямая, как она. Тоже считаешь свои вдохи? Думаешь, если измеришь все линейкой, то спасешься?

Она отпустила мою руку, но тут же указала пальцем в потолок.

- Слышишь? - ее голос упал до едва различимого шепота. - Каждую ночь. Ровно в три пятнадцать. Шаги. Сверху.

Я произвольно посмотрела вверх.

- Над вами технический этаж, Лариса. Там только вентиляционные установки и баки для воды. Семен, электрик, говорил, что там могут шуметь насосы.

- Насосы не ходят в тяжелых ботинках, - отрезала она. - Насосы не останавливаются у тебя над головой и не стоят там по полчаса, выжидая. Они там что-то строят. До сих пор строят. Тринадцать этажей на бумаге, а сколько их на самом деле? Ты считала ступени на пожарной лестнице?

Я нахмурилась. Мои замеры пустот в перекрытиях идеально коррелировали с ее безумными рассказами. Если в здании есть скрытые полости, значит, есть и способ в них попасть.

- Почему именно три пятнадцать? - спросила я.

- Потому что в это время здание засыпает, - Лариса снова закурила, ее руки слегка дрожали. - Игорь отключает часть мониторов на пульте, чтобы сэкономить ресурс системы, а Лев Борисович уходит в свой кабинет пить свой гадкий чай. В три пятнадцать Вертикаль открывает глаза. Верни мне мою память, Елена. Скажи им, что я больше не буду жаловаться. Пусть они просто перестанут ходить надо мной.

Она вдруг начала пятиться назад, в темноту своей квартиры, и захлопнула дверь прямо перед моим носом. Щелкнул замок, затем второй, третий. Я осталась стоять в пустом коридоре, вдыхая остатки табачного дыма.

В кармане завибрировал телефон. На этот раз это был Марк. Мой бывший, который никак не мог смириться с тем, что я больше не нуждаюсь в его защите и его рациональных объяснениях всего на свете.

- Агата, я проверил то, о чем ты просила, - его голос звучал по-деловому сухо, профессиональный тон следователя. - В архивах по этому участку пусто. То есть буквально. Земля принадлежала какому-то закрытому НИИ, потом десять лет консервации, и вдруг - Виктор Вадимович со своим мега-проектом. Но есть одна странность. Десять лет назад там

был зафиксирован вызов скорой. Психиатрическая бригада. Имени пациента в открытом доступе нет, но адрес совпадает с координатами твоей Вертикали. Заканчивай ты с этим дизайном, Агата. Это место дурное.

- Спасибо, Марк, - я почувствовала, как внутри меня что-то щелкнуло, как деталь пазла, вставшая на свое место. - Я сама разберусь.

Я пошла к лестничному маршу. Лифт сейчас казался мне ловушкой, клеткой в системе, которую спроектировал Дан. Дан... Он создал этот лабиринт, зная, что в нем будут заперты люди, или он сам стал его жертвой? Его фраза про гнилой фундамент теперь звучала иначе.

На лестничной клетке я столкнулась с Артемом. Парень в яркой куртке курьера пролетел мимо меня, перепрыгивая через две ступеньки. Он остановился на мгновение, поправляя кепку.

- О, здравствуйте, - улыбнулся он. - Вы та дизайнерша из тринадцатой? Прикольный у вас вид из окна, я вчера с крыши видел, когда зацеперов гоняли. Только вы это... на балкон аккуратнее выходите. Там на стыках плит крепления какие-то странные, как будто их специально не дотянули.

- С какими зацеперами ты был на крыше, Артем? - я поймала его за рукав.

- Да так, пацаны знакомые. Мы там видос снимали для канала. Кстати, вы на нем тоже есть. Стояли на балконе и смотрели в одну точку минут пять, как статуя. Мы еще по-

думали - глюк какой-то.

Он сорвался с места и исчез внизу, оставив меня с неприятным холодком в области диафрагмы. Я не помнила, чтобы выходила на балкон вчера вечером. После разговора с Даном я сразу легла спать. Или нет?

Мои мысли прервал звук открывающейся двери этажом выше. Тяжелый, металлический лязг. Я замерла, считая вдохи. Раз, два, три, четыре. Тело само приняло стойку, готовую к движению. В голове всплыли слова Ларисы про шаги. Но сейчас было далеко не три пятнадцать дня.

Я начала подниматься, стараясь ставить ногу на внешнее ребро стопы, как нас учили на тренировках для бесшумного перемещения по кафелю бассейна. Мое чувство равновесия работало на пределе. Лестничный пролет казался бесконечным, хотя по всем расчетам до тринадцатого этажа оставалось всего двадцать ступеней.

На площадке тринадцатого этажа было пусто, но дверь в техническое помещение в конце коридора была приоткрыта. Та самая дверь, которую Лев Борисович клялся держать на замке. Из-за двери доносился низкочастотный гул. Это не был шум насосов. Это был звук работающего сервера, огромного массива данных, который требовал колоссального охлаждения.

Я подошла ближе, чувствуя, как вибрирует пол под моими подошвами. Моя тактильная память подсказала: такая вибрация возможна только при нарушении целостности несущей

щей конструкции. Кто-то вырезал в бетоне каверны, чтобы разместить там оборудование.

- Агата?

Я резко обернулась. Дан стоял у окна в конце коридора, прислонившись к стене. Его силуэт на фоне яркого дневного света казался темным провалом в пространстве. Он не выглядел удивленным. Скорее, уставшим.

- Ты не должна быть здесь, - сказал он, не меняя позы. - Лев Борисович сказал, что ты занята замерами на двенадцатом.

- Лев Борисович много чего говорит, - я подошла к нему, нарушая его личное пространство, намеренно входя в зону, где могла видеть малейшее сокращение мышц на его лице. - Почему в жилом доме на тринадцатом этаже серверная такого объема, что от вибрации трещит фундамент? И почему соседка снизу слышит шаги там, где никого не должно быть?

Дан посмотрел на меня, и в его взгляде я прочитала что-то похожее на жалость.

- Ты ищешь логику там, где правит алгоритм, Агата. Это здание - не просто жилье. Это проект по сбору данных. Виктор Вадимович хочет знать о людях всё: как они спят, как они дышат, как они сходят с ума в замкнутом пространстве. Квартира тринадцать - это центр управления. Но ты... ты не просто дизайнер. Ты часть системы, которую я не смог достроить.

- О чем ты говоришь? - я почувствовала, как внутри на-

растает дезориентация, тот самый страх, который я так старательно называла техническим термином.

- Твоя мать, Елена Валериевна, была одним из ведущих психологов в том НИИ, который владел этой землей, - Дан сделал шаг ко мне, и на этот раз я не отступила. - Твоя амнезия - это не случайность. Это был первый этап эксперимента. Они пытались стереть личность и записать ее заново через архитектуру пространства. Ты здесь, потому что программа дала сбой, и им нужно увидеть, как ты восстановишь свои связи.

Его слова падали в мой разум, как тяжелые камни в воду, поднимая муть со дна. Десять лет назад. Самара. Бассейн. И эта квартира. Фотография, на которой я сплю, была сделана не в прошлом, она была проекцией того, что должно было произойти. Или того, что происходило со мной каждую ночь, пока я думала, что сплю.

- Лариса назвала меня Еленой, - прошептала я, чувствуя, как во рту пересохло. - Она думает, что я - это она.

- Лариса - это то, что происходит с человеком, когда система ломает его окончательно, - Дан протянул руку, словно хотел коснуться моего плеча, но в последний момент передумал. - Она была здесь с самого начала. Она видела твою мать. Она видела тебя, когда ты была еще подростком. Мы все здесь - просто функции в коде Виктора Вадимовича.

Я посмотрела на свои руки. Те же руки, что вчера мерили стены. Те же мышцы, что помнят каждый гребок в холодной

воде. Мое тело было материальным, оно было моим единственным якорем в этом безумии.

- Если я - часть системы, значит, я могу ее взломать, - я посмотрела Дану прямо в глаза. - Ты архитектор. Ты знаешь слабые места. Где у этого здания сердце?

Дан горько усмехнулся.

- У него нет сердца, Агата. Только центральный процессор. И он находится прямо под твоей кроватью в тринадцатой квартире.

В этот момент лифт в конце коридора дзинькнул, извещая о прибытии. Из кабины вышел Виктор Вадимович в сопровождении Игоря. Инвестор выглядел как всегда безупречно: дорогой костюм, мягкая походка, властный жест.

- Агата Александровна, Дан, какая приятная встреча, - голос Виктора Вадимовича эхом разнесся по коридору. - Обсуждаете правки в проект? Я как раз хотел пригласить вас на обед. У нас есть новости из мэрии. Зоя нашла удивительные документы о прошлом этого участка. Оказывается, здесь когда-то была церковь, которую снесли ради строительства лаборатории. Как говорил Ницше, то, что падает, нужно еще и толкнуть. Не правда ли?

Я чувствовала, как Игорь буравит меня взглядом. Его рука лежала на поясе, слишком близко к кобуре. Атмосфера в коридоре стала плотной, как сжатый воздух перед взрывом.

- Мы как раз закончили, Виктор Вадимович, - я заставила себя улыбнуться, хотя мои лицевые мышцы слушались с

трудом. - Я просто уточняла у Дана некоторые технические детали по поводу отделки ниш.

- Ниши - это важно, - кивнул инвестор, подходя к нам. - В пустотах часто скрывается самое интересное. Ну что ж, не будем терять времени. Агата, ваша матушка передавала вам привет. Она очень беспокоится о вашем здоровье.

Он прошел мимо нас к той самой приоткрытой двери технического помещения. Игорь последовал за ним, на секунду задержавшись рядом со мной.

- Не стоит так много гулять по этажам, Агата Александровна, - негромко сказал он. - Это вредно для вестибулярного аппарата.

Когда они зашли внутрь и дверь закрылась, я поняла, что у меня осталось совсем мало времени. Моя рациональность, мой хрупкий гипс, окончательно осыпался, обнажая голую правду: я была в ловушке, которую сама же и помогала проектировать своим присутствием.

- В тринадцать, - прошептала я, глядя на Дана. - Сегодня ночью я буду ждать этих шагов.

- Ты не понимаешь, во что ввязываешься, - Дан покачал головой. - Если ты пойдешь за этим звуком, пути назад не будет. Ты вспомнишь все, Агата. И я не уверен, что тебе понравится та версия себя, которую ты найдешь в темноте.

Я ничего не ответила. Я развернулась и пошла к своей квартире. Мой шаг был четким, ритмичным. На четыре счета. Вдох. Выдох. Я пловчиха на длинные дистанции, и я знаю,

что самое сложное - это последние сто метров перед финишем, когда легкие горят, а мышцы превращаются в свинец. Но именно тогда открывается второе дыхание.

Зайдя в тринадцатую квартиру, я первым делом подошла к кровати. Я опустилась на колени и прижала ухо к ламинату. Тишина. Но это была не пустая тишина, это была тишина затаившегося хищника. Где-то там, глубоко под слоями бетона и арматуры, пульсировала информация. Моя украденная жизнь, мои стертые три месяца, мои ответы на вопросы, которые я боялась задать.

Я встала и подошла к окну. Вечерело. ЖК Вертикаль начинал зажигать свои огни, превращаясь в гигантский светящийся столб посреди города. С высоты тринадцатого этажа люди внизу казались муравьями, движущимися по заданным траекториям. Я открыла ноутбук и открыла файл, который мне прислала Зоя из архива. В нем был скан старой газетной вырезки. На фото была изображена молодая женщина, удивительно похожая на меня, стоящая на фоне строящегося здания НИИ. Подпись гласила: Елена Валериевна приступает к реализации проекта Психоархитектура.

Я закрыла крышку ноутбука. Теперь я знала, что моя мать не просто хранила мои воспоминания, она была их архитектором. И Вертикаль была ее главным творением. Я легла на кровать, не раздеваясь, и закрыла глаза. Мне нужно было накопить силы. До трех пятнадцати оставалось семь часов. Семь часов тишины перед тем, как голос из темноты назо-

вет мое настоящее имя и заставит меня посмотреть в глаза собственному прошлому, которое терпеливо ждало меня за тонкой стеной реальности.

Сон не шел, но я умела имитировать покой. Мое тело было расслаблено, дыхание ровное, но разум работал в форсированном режиме, просчитывая варианты. Я вспоминала каждое движение Дана, каждую ухмылку Льва Борисовича, каждое слово Ларисы. Все они были деталями одного механизма, и я была той шестеренкой, которая внезапно начала вращаться в обратную сторону, угрожая разрушить всю конструкцию. Я чувствовала, как здание вокруг меня живет, как ток бежит по проводам, как вода циркулирует в трубах, и этот ритм постепенно становился моим собственным, подготавливая меня к тому, что должно было произойти в пред-рассветный час, когда тени становятся длиннее, а правда - осязательнее.

ГЛАВА 9. СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Будильник не успел издать ни звука. Я нажала на стоп за две секунды до вибрации, чувствуя, как указательный палец точно попадает в центр сенсорного экрана. Это была не интуиция, а отлаженная работа внутренних часов, которые за десять лет профессионального плавания привыкли просыпаться в четыре утра для первого заплыва. Мой организм функционировал как швейцарский механизм с погрешностью не более трех секунд в сутки. В комнате было темно, но я знала положение каждого предмета. Кресло стояло под углом в сорок пять градусов к окну, кроссовки замерли строго параллельно порогу. В этой геометрии была безопасность. Я села на кровати, выпрямив спину. Мышцы спины, широчайшие и трапециевидные, отозвались привычным тонусом. Дезориентации не было. Было только сухое, техническое понимание: пора двигаться в подвал.

Мой телефон мигнул. Входящий от Елены Валериевны. Мать звонила в два часа сорок пять минут ночи, и это не было случайностью. Она всегда чувствовала, когда я начинаю выходить за рамки заданного сценария. Я прижала трубку к уху, не произнося ни слова. Слушать ее голос было все равно что анализировать шум неисправного кондиционера: моно-

тонно, тревожно и абсолютно бесполезно для дела.

Агаточка, ты спишь, - ее голос звучал как патока, в которой завязли острые бритвы. - Мне приснилось, что ты снова на соревнованиях, и вода в бассейне такая холодная, просто ледяная. Ты ведь не переутомляешься? Виктор Вадимович говорил, что проект в этом жилом комплексе очень сложный, может быть, тебе стоит взять паузу? Помнишь, как в прошлый раз, когда ты слишком много работала, тебе пришлось долго отдыхать в санатории?

Я слушала модуляцию ее голоса. Она использовала уменьшительно-ласкательные имена как анестезию перед инъекцией лжи. Санаторий. Так она называла те три месяца, которые выпали из моей памяти, оставив после себя только белое пятно и странную тягу к изучению бетонных конструкций. Мой пульс оставался ровным - шестьдесят два удара в минуту.

Мама, я работаю, - ответила я сухо. - Тут отличная вентиляция и расчетные нагрузки в норме. Ложись спать.

Я отключила вызов, не дожидаясь ее ответной тирады о том, как она за меня переживает. Моя мать была хранителем моих ложных воспоминаний, но сегодня мне нужны были факты, а не ее отредактированная версия моей жизни. Я натянула черную худи, скрывшую контуры плеч, и вышла в коридор.

На двенадцатом этаже было тихо, если не считать гула лифтовых шахт. Я подошла к дверям лифта, но передума-

ла. Камеры в лифтах - это слишком простой способ для Игоря из службы безопасности отследить мой маршрут. Я знала, что он наблюдает. Его манера слежки напоминала работу охотничьего пса: он не лает, он ждет, когда дичь сама выйдет на открытое пространство. Я выбрала пожарную лестницу. Ступени здесь были из шлифованного бетона марки не ниже В30. Я считала их: десять, площадка, поворот на сто восемьдесят градусов, еще десять. На девятом этаже я услышала шорох.

Дверь одной из квартир была приоткрыта. Из нее вышла Майя, мой самопровозглашенный конкурент в мире дизайна. Она выглядела так, будто только что сошла с обложки журнала, несмотря на третий час ночи. В руках она держала смартфон и записывала очередное голосовое сообщение, активно жестикулируя.

Нет, ну ты понимаешь, дорогая, этот лофт-стайл здесь просто избыточен, - вещала она, растягивая гласные. - Тут нужен тотальный минимализм, почти стерильность. А эта Агата, она же мыслит как прораб на стройке пятилетки. Никакого вижена, никакого вайба.

Майя заметила меня и на секунду запнулась. Ее глаза расширились, но она тут же вернула на лицо маску профессиональной доброжелательности, которая была такой же фальшивой, как ламинат под дуб в эконом-классе.

Ой, Агата, - выдохнула она, не выключая запись. - А ты что, тоже на ночной инспекции? Работаешь над кейсом или

просто не спится в таком странном месте?

Я прошла мимо нее, не сбавляя темпа. Мое тело двигалось по инерции, сохраняя идеальное равновесие.

Проверяю эргономику путей эвакуации, - бросила я через плечо. - Советую и тебе проверить, Майя. Твои туфли не соответствуют нормам техники безопасности для этого здания.

Ее возмущенный вздох затих где-то наверху. Я спускалась ниже, чувствуя, как воздух становится прохладнее и плотнее. На пятом этаже я столкнулась с Ларисой из 1201 квартиры. Она стояла на лестничной клетке в старом фланелевом халате и курила, выпуская густой дым "Беломора". Ее лицо, изрезанное морщинами, как топографическая карта старого города, было повернуто к стене.

Опять шумят, - прохрипела она, не глядя на меня. - Слышишь? Они там, за бетоном. Перекладывают камни. Дан думал, что спрятал их, но камни нельзя заставить молчать.

Я остановилась на секунду. Физиология страха у Ларисы отсутствовала, было только глубокое, экзистенциальное убеждение в своей правоте.

Там технические пустоты, Лариса, - сказала я, стараясь говорить максимально рационально. - Звуки могут резонировать через вентиляционные короба.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах я увидела отражение собственной дезориентации.

Ты тоже часть их схемы, девочка, - пробасила она. - Пловчиха, которая забыла, как нырять. Иди, Семён тебя ждет. Он

единственный, кто понимает в токе больше, чем в людях.

Я не стала спрашивать, откуда она знает про Семёна. В этом доме информация распространялась быстрее, чем электрические импульсы по медным жилам. Я спустилась в вестибюль. У стойки регистрации, несмотря на глубокую ночь, бодрствовал Лев Борисович. Он поправлял свои идеальные манжеты, и в свете тусклых ламп его лысина поблескивала как полированный гранит.

Агата Дмитриевна, какая неожиданная прогулка, - прошептал он, выходя мне навстречу. Его манера говорить шепотом всегда вызывала у меня спазм диафрагмы. - Вы ищете вдохновение в ночной тишине? Или, возможно, вас что-то беспокоит в устройстве нашего замечательного комплекса?

Я остановилась в трех метрах от него. Мой внутренний замер показал, что он нарушает границы моей комфортной зоны даже на таком расстоянии.

Лев Борисович, я провожу аудит влажности в подвальных помещениях, - я говорила четко, как на защите диплома. - Есть подозрение на нарушение гидроизоляции в секторе Б. Мне нужен доступ в щитовую.

Управляющий заулыбался, но глаза его остались холодными и неподвижными.

О, щитовая - это епархия Семёна. Но, боюсь, без официального распоряжения Виктора Вадимовича я не могу позволить вам проводить там замеры. Это вопрос безопасности. Игорь очень расстроится, если узнает, что вы гуляете там в

одинокости.

Я знала, что он блефует. Виктор Вадимович нанял меня именно для того, чтобы я "почувствовала" пространство, и Лев Борисович боялся его гнева больше, чем моих ночных вылазок.

Виктор Вадимович хочет получить отчет к утру, - я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. - Вы ведь не хотите, чтобы в отчете было указано ваше противодействие в устранении потенциальной аварийной ситуации?

Лев Борисович замялся, потирая запонку. Его симметрия в движениях нарушилась - правое плечо чуть приподнялось. Он лгал или, по крайней мере, сильно нервничал.

Ну что вы, что вы. Проходите, конечно. Семён как раз там, проверяет фазы. Но будьте осторожны, подвал - это не басейн, там легко потеряться.

Я прошла мимо него к служебной двери, чувствуя на затылке его липкий взгляд. За дверью начинался другой мир. Здесь не было дорогой отделки и дизайнерских светильников. Только голый бетон, запах сырости и монотонный гул трансформаторов. Я шла по длинному коридору, считая шаги. Сорок четыре шага до поворота. Семён ждал меня у входа в распределительный узел. Он сидел на перевернутом ведре и жевал свою неизменную табачную жвачку. Его лицо, испачканное машинным маслом, казалось частью машинерии подвала.

Пришла все-таки, - буркнул он, сплевывая в сторону. - А

я думал, Дан тебя отговорит. Он не любит, когда в его чертежах копаются посторонние.

Я прислонилась к стене, чувствуя ее холод через ткань худи.

Дан проектировал здание, а я изучаю его жизнь, Семён. Есть разница. Показывай, что ты нашел.

Электрик поднялся, его колено хрустнуло, как сухая ветка. Он подвел меня к главному распределительному щиту, массивному стальному шкафу, который вибрировал от проходящей через него энергии. Семён открыл дверцу, и я увидела лес проводов, аккуратно уложенных в кабель-каналы. Но один кабель выбивался из общей системы. Он был толстым, в тяжелой черной оплетке, и уходил прямо в бетонную стену, не имея никакой маркировки.

Смотри сюда, инженер, - Семён ткнул пальцем в сторону бесконтактного амперметра, висевшего на этом кабеле. - Видишь цифры? Сто двадцать ампер. Постоянно. Без скачков, без падений. Как будто там, за стеной, работает цех по выплавке стали или гигантский сервер. Но по планам там пустота. Несущая конструкция.

Я подошла ближе, игнорируя запах озона, от которого покалывало кончики пальцев. Мой разум начал строить математическую модель. Сто двадцать ампер при напряжении триста восемьдесят вольт - это колоссальная мощность. Этого достаточно, чтобы питать небольшой завод или... или что-то, что требует постоянного, бесперебойного охлаждения.

Куда он идет? - спросила я, касаясь ладонью бетона рядом с кабелем. Бетон был теплым. Это противоречило всем законам теплопроводности для такой толщины стены.

В никуда, - Семён снова сплюнул. - Я пытался отследить его по старым схемам, которые мне Зоя из архива прислала. Она девка дотошная, все пылью прочихала, пока искала. Так вот, по чертежам на этом месте должен быть фундаментный блок. Никаких полостей, никаких кабель-трасс. А ток идет. И сопротивление там такое, что у меня тестер зашкаливает.

Я закрыла глаза, пытаюсь представить структуру здания как скелет. Кости, нервы, кровеносные сосуды. Этот кабель был инородным телом, паразитом, который выкачивал жизнь из основной системы.

Зоя нашла что-нибудь про изменения в проекте? - спросила я, не открывая глаз.

Она сказала, что часть документов изъята спецслужбами еще на этапе котлована, - быстро проговорил Семён, его манера речи стала обрывистой, как короткое замыкание. - Сказала, что участок этот проклятый. Раньше тут лаборатория была какая-то секретная. Ток - он ведь как вода, Агата. Он всегда найдет дырочку. И если он куда-то течет в таком количестве, значит, там его кто-то ждет.

Я вспомнила Марка. Мой бывший парень, работавший в следственном комитете, всегда говорил: Если хочешь найти преступника, ищи того, кому выгодно нарушение системы. Кому выгодно потреблять столько энергии тайно? Виктору

Вадимовичу? Но он владелец, он мог бы просто вписать это в эксплуатационные расходы. Дан? Нет, архитектор дорожит чистотой линий, он не стал бы вносить такую грубую правку в свой проект.

Внезапно Семён замер, прислушиваясь. Его уши, казалось, жили отдельной жизнью, улавливая частоты, недоступные обычному человеку.

Кто-то идет, - прошептал он. - Уходи через вентиляцию, я прикрою. Если Игорь тебя здесь застукает, мне голову снимут.

Но я не успела. В следующую секунду свет в щитовой мигнул и погас с характерным звуком перегоревшего предохранителя. Тьма навалилась мгновенно, густая и липкая, как мазут. Я замерла, мгновенно перейдя в режим максимальной концентрации. Мое дыхание стало глубоким и редким: вдох на четыре счета, задержка, выдох на четыре счета. Это помогало купировать панику, которую я предпочитала называть временной дезориентацией пространства.

В тишине, прерываемой только затухающим гулом трансформаторов, я слышала звук. Это не был Семён - его дыхание было неровным, с хриплым присвистом курильщика. Это дыхание было другим: тяжелым, мерным, абсолютно лишенным эмоций. Оно доносилось из угла, где находился вход в технический коридор.

Игорь? - тихо спросила я, чувствуя, как мышцы ног напрягаются, готовые к рывку. Я знала, где находится выход, я

помнила каждый выступ на стене.

Агата Дмитриевна, вы нарушаете регламент пребывания на объекте в ночное время, - голос начальника службы безопасности прозвучал совсем рядом. В нем не было угрозы, только сухая констатация факта, как в полицейском протоколе.

Я не видела его лица, но по звуку голоса могла точно определить его положение: полтора метра вправо, чуть выше моего роста. Его военная выправка чувствовалась даже в темноте.

Я выполняю распоряжение инвестора, Игорь, - я старалась, чтобы мой голос звучал ровно. - Проблемы с электроснабжением - это мой профиль.

Проблемы с электроснабжением - это следствие вашего присутствия, - отрезал он. Я услышала шорох ткани - он явно что-то доставал из кармана. - Семён, выйди. Нам нужно поговорить с госпожой архитектором наедине.

Я услышала, как Семён неуклюже поднялся и, бормоча под нос какие-то оправдания, попятился к выходу. Дверь скрипнула и закрылась. Мы остались вдвоем в абсолютной темноте. Мое чувство равновесия, отточенное годами тренировок, подсказывало мне, что пол под ногами начал едва заметно вибрировать.

Вы ищете то, чего не существует, Агата, - сказал Игорь. Его голос теперь звучал ближе. - Ваша память играет с вами в игры. Фотография, которую вы нашли... это всего лишь

изображение. Оно не имеет физического веса. А вот это здание - имеет.

Откуда ты знаешь про фотографию? - я сделала шаг назад, коснувшись лопатками холодного металла распределительного щита.

Я знаю все, что происходит внутри этого периметра. Это моя работа. Вы думаете, что вы здесь для дизайна? Нет. Виктор Вадимович нанял вас, потому что вы - единственный датчик, который может сработать. Ваша амнезия - это не болезнь, это результат сопротивления материала. Ваша психика не выдержала того, что вы здесь увидели десять лет назад.

Я почувствовала, как внутри меня что-то щелкнуло. Память не вернулась, но тело отозвалось резким спазмом в области диафрагмы. Мышечная память - самая честная штука в мире. Мои руки непроизвольно сжались в кулаки, имитируя захват бортика бассейна перед стартом.

Что я здесь видела, Игорь? - мой голос сорвался на шепот. Тяжелое дыхание Игоря стало громче. Я почувствовала запах его парфюма - холодный, металлический аромат, который ассоциировался у меня с операционными залами.

Вы видели, как проект Дана превращается в нечто другое. Он думал, что строит идеальный дом, а построил живой организм. И этот кабель, который вас так заинтересовал... это не просто провод. Это пуповина. Здание питается, Агата. И сейчас оно очень голодно.

Внезапно Игорь включил фонарь. Яркий луч ударил мне

прямо в глаза, ослепляя. Я зажмурилась, чувствуя, как на сетчатке выжигаются белые пятна.

Пойдемте, я провожу вас в вашу квартиру, - его тон снова стал официально-вежливым. - Ночью здесь небезопасно. Металл расширяется и сжимается, бетон дает усадку. Иногда звуки этих процессов можно принять за нечто человеческое. Не стоит доверять своим чувствам в подвале.

Он взял меня за локоть. Его хватка была железной, неоспоримой. Я не стала сопротивляться. Мое тело знало, когда нужно экономить силы для финального рывка. Мы шли по коридорам, и мне казалось, что стены сжимаются, становясь все уже и уже. Здание действительно дышало - я чувствовала это через подошвы своих кроссовок. Вибрация усиливалась, резонируя с моим собственным пульсом.

Когда мы вышли в вестибюль, Лев Борисович все еще стоял на своем посту. Он бросил на нас быстрый, оценивающий взгляд и снова принялся поправлять манжеты.

Все в порядке, Агата Дмитриевна? - спросил он, и в его голосе промелькнула тень разочарования, будто он ожидал, что я не вернусь из подвала.

Все в норме, Лев Борисович, - ответила я, высвобождая руку из хватки Игоря. - Гидроизоляция в порядке. Просто временный сбой в сети.

Я направилась к лестнице, не оборачиваясь. Мой разум лихорадочно перерабатывал полученную информацию. Кабель, ток, слова Игоря о пуповине, странная реакция матери.

Все это складывалось в сложную, многомерную конструкцию, в которой мне отводилась роль не архитектора, а подопытного образца.

Поднявшись на свой двенадцатый этаж, я не пошла в квартиру. Я подошла к окну в конце коридора. Отсюда был виден город - россыпь огней, живущая своей, понятной жизнью. Но здесь, за моей спиной, пульсировало нечто иное. Я приложила ладонь к стеклу. Оно было холодным, но рама вибрировала в том же ритме, что и пол в подвале.

Три часа четырнадцать минут.

Я глубоко вдохнула, наполняя легкие воздухом до предела, как перед нырком на глубину. Мое сердце билось ровно, страх трансформировался в чистую, холодную ярость исследователя, столкнувшегося с аномалией. Я знала, что через минуту голос из темноты назовет мое имя, и я была готова его услышать. Моя амнезия была лишь защитным словом штукатурки, под которым скрывалась истинная структура моей личности, и я собиралась содрать этот слой, чего бы мне это ни стоило.

Я медленно пошла к своей двери, считая шаги. Один, два, три... На счет десять я остановилась и посмотрела на номер квартиры. Тринадцать. Цифра, которую многие боятся из-за суеверий, для меня была просто порядковым номером в системе координат. Я вставила ключ в замок и повернула его дважды. Механизм сработал мягко, почти бесшумно. Я вошла внутрь и закрыла дверь, чувствуя, как пространство

квартиры обволакивает меня, узнавая своего жильца, который слишком долго отсутствовал в собственной жизни, и теперь, когда все датчики были приведены в состояние готовности, я была намерена дойти до самого основания этого бетонного лабиринта, чтобы понять, кто на самом деле спроектировал мою потерю памяти и какую цену мне придется заплатить за право обладать истиной, скрытой за семью слоями промышленной краски и десятилетиями тишины.

ГЛАВА 10.

ГИДРОДИНАМИКА ЛЖИ

Стены квартиры тринадцать давили на меня своей завершенностью. Это было пространство с идеально выверенными углами, где каждый стык плитуса и каждый миллиметр дверного проема кричали о том, что здесь нет места для случайных воспоминаний. Но мое тело помнило иное. Оно помнило шероховатость бетона до того, как его покрыли слоями дорогой краски, и оно помнило ту липкую, густую тишину, которая бывает только в пустых, еще не обжитых коробках. Я чувствовала, как в груди начинает нарастать знакомый спазм - предвестник дезориентации. Мой внутренний прораб уже выставил уровень и зафиксировал отклонение: я находилась в эпицентре системного сбоя. Чтобы не дать панике захватить управление, мне нужно было сменить среду. Плотность воздуха стала слишком низкой для моих легких, мне требовалось сопротивление воды.

Я вышла из квартиры и направилась к лифту. В холле, как обычно, дежурил Лев Борисович. Его присутствие в этом здании в одиннадцать вечера было такой же константой, как и гравитация. Он стоял у стойки регистрации, методично поправляя и без того безупречные запонки на манжетах. Его движения были скупыми и выверенными, но я заметила, что

его левое плечо чуть опущено - признак скрытого напряжения или застарелого остеохондроза, который он пытался маскировать военной выправкой.

- Агата Михайловна, - произнес он своим вкрадчивым шепотом, который, казалось, заполнял все пространство вестибюля, не повышая уровня децибел. - Решили совершить поздний заплыв? Похвальное стремление к дисциплине. Только будьте осторожны, на техническом этаже под бассейном сегодня проводили профилактику. Семен опять что-то напутал с фазами, свет может моргнуть.

- Спасибо, Лев Борисович, я справлюсь с темнотой, - ответила я, нажимая кнопку вызова. - Темнота - это просто отсутствие фотонов, в ней нет ничего антропоморфного.

Он улыбнулся, не разжимая губ, и я снова зафиксировала эту его манеру смотреть куда-то в область моей ключицы, избегая прямого зрительного контакта. Привратник ада, как я окрестила его про себя, явно знал об этом здании больше, чем было прописано в должностных инструкциях управляющего. Его вежливость была лишь декоративным фасадом, скрывающим сложную систему допусков и ограничений.

Лифт плавно скользнул вниз. В кабине пахло дорогим парфюмом и антисептиком. Я посмотрела на свое отражение в зеркальной панели. Бледная кожа, глаза, в которых застыла аналитическая сухость. Майя, моя вечная конкурентка по тендерам, в такой ситуации наверняка бы уже записала десяток сторис о том, как важно сохранять внутренний ресурс.

Я почти слышала ее голос, перенасыщенный англицизмами: Агата, твой вайб слишком токсичен, тебе нужно заземлиться и поймать поток. Майя всегда строила интерьеры как декорации для инстаграма, забывая, что людям в этих пространствах нужно дышать и двигаться. Она не понимала архитектурного сопромата человеческой души. Для нее здание было картинкой, для меня - сложным организмом с гнилым фундаментом.

Двери открылись на минус первом этаже. Зона бассейна встретила меня запахом озона и влажным теплом. Здесь было пусто. Голубоватая подсветка воды создавала на потолке движущиеся сетки изломанных линий - каустику, которую невозможно просчитать до конца. Я прошла в раздевалку, быстро скинула одежду и натянула спортивный купальник. Мои мышцы привычно отозвались на натяжение ткани. Плавание на длинные дистанции приучило меня к тому, что тело - это инструмент, требующий регулярной калибровки.

Перед тем как выйти к воде, я достала телефон. Пропущенный от матери. Елена Валериевна была пунктуальна в своей тревожности. Она звонила каждый вечер, используя уменьшительно-ласкательные имена как рычаги давления. Агатик, ты не забыла принять витамины? Агатик, ты не слишком засиживаешься в этой новой квартире? Ее забота всегда ощущалась как слой ваты, через который невозможно пробиться к реальности. Она охраняла мои ложные воспоминания с усердием тюремного надзирателя, и я знала, что

за этим фасадом нежности скрывается страх перед тем, что я могу восстановить истинную хронологию тех трех месяцев десять лет назад. Я не стала перезванивать. Сейчас мне нужно было обнулить сенсорные системы.

Я вышла к бортику. Бассейн длиной в двадцать пять метров казался огромным резервуаром с жидким стеклом. Я сделала глубокий вдох на четыре счета, задержала дыхание и нырнула. Вода приняла меня с коротким, плотным звуком. Сопротивление среды мгновенно выстроило мои мысли в четкую структуру. Первый бассейн - разминка. Кроль. Раз, два, три, вдох. Мое тело двигалось симметрично, я контролировала каждый гребок, следя за тем, чтобы ладонь входила в воду под углом в сорок пять градусов. Это была механика в чистом виде.

На третьем круге я почувствовала постороннее присутствие. Это не было звуком - под водой все звуки превращаются в невнятный гул. Это было изменение давления воздуха, которое я уловила в момент вдоха, когда голова на секунду оказывалась над поверхностью. Я перешла на брасс, чтобы иметь возможность осмотреться.

На втором ярусе, на небольшом технологическом балконе, стоял Игорь. Начальник службы безопасности ЖК. Его фигура в черной форме сливалась с тенями, но я видела его военную выправку и абсолютную неподвижность. В руках он держал устройство, которое я не сразу опознала. Небольшая камера с массивным объективом. Судя по характерному ма-

товому блеску и индикаторам, это был профессиональный тепловизор. Он снимал меня.

Зачем службе безопасности тепловизионная съемка жилья в бассейне? Мой внутренний критик мгновенно выдал версию: верификация биометрических данных. Тепловой след человека уникален, как отпечатки пальцев. Или же они искали что-то в моем физиологическом ответе на нагрузку. Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод, не имеющий отношения к температуре воды. Игорь не двигался. Он был теньвым наблюдателем, частью той самой машины для слежки, о которой предупреждал Дан.

Дан. Его слова о том, что он спроектировал клетку, думая, что строит дом, теперь обретали физическую форму. Я была подопытным объектом в этом идеальном пространстве. Виктор Вадимович, наш главный инвестор, явно не ограничивался просто строительством элитного жилья. Он строил социальный эксперимент, где каждый мой вдох был зафиксирован датчиками.

Я решила не подавать вида, что заметила Игоря. Я снова опустила голову в воду и увеличила темп. Мое сердце работало как хорошо отлаженный насос. Я считала метры: сто, сто пятьдесят, двести. На отметке триста метров произошло то, что нарушило все законы теплодинамики здания.

Температура воды начала падать. Это не было постепенным остыванием, которое можно списать на отключение подогрева. Это был резкий, агрессивный обвал. За несколь-

ко секунд вода из комфортных двадцати шести градусов превратилась в ледяную крошку. Моя диафрагма мгновенно спазмировалась, перекрывая доступ кислорода. Это была физиологическая реакция на термический шок - то самое чувство, которое я испытывала, когда пыталась вспомнить подробности своей амнезии. Мое тело среагировало быстрее, чем мозг успел обработать данные.

Я захлебнулась, глотнув ледяной воды, и на секунду потеряла ориентацию в пространстве. Внутреннее ухо дало сбой, горизонт завалился. Чтобы не пойти на дно, я судорожно заработала ногами, пытаясь вытолкнуть себя на поверхность. Мои мышцы деревенели, охваченные судорогой. Снижение температуры на десять-пятнадцать градусов за минуту в таком объеме воды физически невозможно без прямого вброса хладагента или массированного вмешательства в систему климат-контроля. Это была диверсия. Или тест на выносливость.

Я ухватилась за бортик, тяжело дыша. Мои пальцы побелели от холода. Я посмотрела на балкон - Игоря там уже не было. Он исчез так же бесшумно, как и появился. Зато свет в бассейне действительно моргнул, как и предсказывал Лев Борисович, и на несколько секунд я осталась в полной темноте, нарушаемой только слабым фосфоресцирующим свечением донных светильников.

И именно в этот момент, когда мои глаза адаптировались к сумраку, я увидела это.

На дне бассейна, прямо под центральной дорожкой, находился люк. В обычном состоянии он был скрыт затиркой и плиткой, идеально вписанной в общую раскладку. Но сейчас, при аварийном освещении и под определенным углом преломления воды, его контуры проступили с пугающей четкостью. Это не был стандартный технический лаз.

Его очертания в точности повторяли планировку квартиры тринадцать.

Я замерла, игнорируя холод, который уже пробирался к самым костям. Я вглядывалась в эти линии, считывая их своей тактильной памятью архитектора. Выступ в районе кухни, специфический изгиб стены в прихожей, ниша для встроенного шкафа - все было там, на глубине трех метров под слоем ледяной воды. Это было не просто совпадение. Здание было фрактальным. Структура одной квартиры повторялась в функциональных узлах всего комплекса, создавая своего рода резонансную ловушку.

- Черт, - прошептала я, и мой голос эхом отразился от кафельных стен, прозвучав на удивление жалко.

Моя рациональность, мой хрупкий гипс, начал трескаться. Я вспомнила, как Семен, старший электрик, однажды обмолвился, жуя свою вечную табачную жвачку, что ток в этом здании течет не по законам физики, а по законам злого умысла. Сопротивление в кабелях растет там, где его быть не должно, а щитовые гудят на частотах, вызывающих у людей беспричинную тревогу. Тогда я списала это на его про-

фессиональную деформацию и любовь к притчам. Теперь я понимала, что он пытался предупредить меня о системной ошибке, заложенной в сам проект.

Я должна была спуститься туда. Мысль о том, чтобы снова нырнуть в ледяную бездну, вызвала соматический протест, но мое любопытство было сильнее страха. Это была гиперфиксация на деталях - мой единственный способ защиты. Если я разберусь в устройстве этого люка, я смогу понять, как устроена моя память.

Я сделала несколько резких выдохов, разогревая легкие. Раз, два, три, четыре. Мое сердце замедлило бег, подчиняясь воле. Я снова нырнула, на этот раз без всплеска, уходя в глубину как торпеда. Вода обжигала кожу, но я игнорировала это, сосредоточившись на цели.

Достигнув дна, я ухватилась за разделительную полосу, чтобы меня не выталкивало вверх. Плитка под пальцами была скользкой. Я нащупала край люка. Там не было ручек или видимых замков. Я провела рукой по контуру - стыки были подогнаны настолько плотно, что между ними нельзя было просунуть даже лезвие ножа. Это была работа высочайшего класса, уровень исполнения, который не требуется для обычных технических помещений.

Внезапно под моими ладонями что-то завибрировало. Низкочастотный гул прошел сквозь воду, резонируя в моих костях. Люк не открылся, но я почувствовала, как под ним что-то пришло в движение. Какие-то механизмы, шестерни,

поршни. Здание жило своей жизнью, и я только что коснулась его внутренних органов.

Воздух в легких закончился. Я рванулась вверх, выскочив на поверхность и жадно хватая ртом холодный воздух. В этот момент зажегся основной свет. Ослепительно яркие прожекторы ударили по глазам, заставляя меня зажмуриться.

- Агата Михайловна, вы все еще здесь? - раздался голос от входа.

Я обернулась. У края бассейна стоял Марк. Мой бывший парень, следовательно, человек, который всегда был моим рациональным тормозом. Он выглядел неуместно в своем строгом пальто среди этого царства пара и хлорки. Он крутил в руках зажигалку - привычка, которая всегда меня раздражала.

- Марк? Как ты сюда попал? Охрана не должна была тебя пускать.

- Охрана здесь весьма лояльна к сотрудникам органов, особенно когда речь идет о безопасности граждан, - он подошел ближе, глядя на меня с этой своей профессиональной допросной жалостью. - Твоя мать позвонила мне. Она сказала, что ты не берешь трубку и что у тебя начался очередной кризис. Агата, посмотри на себя. Ты дрожишь. Вода ледяная. Зачем ты это делаешь?

- Я плаваю, Марк. Это называется спорт, - я попыталась выбраться из бассейна, но мои ноги плохо слушались. Он протянул мне руку, но я проигнорировала ее, самостоятель-

но подтянувшись на бортике. - И вода остыла внезапно. Здесь неисправна система климата.

- Конечно, - он вздохнул, и в этом звуке было столько снисходительности, что мне захотелось его ударить. - Система неисправна, здание за тобой следит, а в квартире тринадцать живут призраки твоей памяти. Ты сама слышишь, как это звучит? Это стресс, Агата. Ты переутомилась на объекте. Тебе нужно уехать отсюда.

Я стояла перед ним, обтекаемая водой, и чувствовала себя бесконечно далекой от его мира улик, протоколов и здравого смысла. Марк видел только поверхность. Он не видел люка на дне, не видел Игоря с тепловизором, не чувствовал той странной симметрии, которая пронизывала этот бетон.

- Ты не понимаешь, - сказала я, вытирая лицо полотенцем, которое он мне все-таки подал. - Здесь все связано. Планировка моей квартиры повторяется на дне этого бассейна. Это архитектурный код. Виктор Вадимович нанял меня не как дизайнера, а как ключ. Я должна что-то открыть.

- Ты должна пойти домой и выспаться, - отрезал Марк. - Я поговорю с управляющим, чтобы они проверили подогрев воды. И я серьезно, Агата, если ты не перестанешь копаться в этом деле, я буду вынужден сообщить твоему врачу, что у тебя рецидив.

Я посмотрела на него. Его лицо было симметричным, правильным, но абсолютно пустым для меня. Он был частью той системы, которая пыталась удержать меня в коконе неведе-

ния. Мой внутренний прораб вынес вердикт: этот объект не подлежит реконструкции, снос неизбежен.

- Иди домой, Марк, - тихо сказала я. - Я сама разберусь со своим рецидивом.

Он постоял еще минуту, щелкая зажигалкой, а потом развернулся и ушел, его шаги гулко отдавались в пустом зале. Я осталась одна. Холод наконец догнал меня, пробирая до самой диафрагмы. Я посмотрела на воду. Она снова была спокойной, идеально ровной поверхностью, скрывающей свои тайны.

Я знала, что Марк не поможет. Зоя из архива мэрии, которая помогала Дану, наверняка нашла бы в этом какую-то логику, но она была слишком занята своими бесконечными папками и чиханием от пыли. Мне нужно было найти Дана. Только он, создатель этого лабиринта, мог подтвердить мою догадку.

Я быстро оделась. В голове пульсировала одна и та же мысль: планировка квартиры тринадцать - это не просто чертеж. Это карта. И если она дублируется в разных частях здания, значит, здание - это не жилой комплекс. Это механизм, предназначенный для хранения или переработки чего-то очень важного. Или кого-то.

Проходя мимо поста охраны, я заметила, что Игоря там нет. За мониторами сидел молодой парень, который лениво листал ленту в телефоне. На экранах камер видеонаблюдения я увидела себя - маленькую фигурку в бассейне, снятую

сверху. Ракурс был именно таким, какой был у Игоря. Но на мониторе все выглядело обычно. Никакого тепловизора, никакой ледяной воды. Просто женщина, которая слишком долго находится под водой.

Я вышла в холл. Лев Борисович все еще стоял у стойки, но теперь он разговаривал по телефону. Увидев меня, он мгновенно замолчал и кивнул. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на любопытство. Или на оценку. Так смотрят на лабораторную мышь, которая нашла выход из первого уровня лабиринта.

- Все в порядке, Агата Михайловна? - спросил он, когда я проходила мимо.

- Да, Лев Борисович. Вода была... освежающей.

Я зашла в лифт и нажала кнопку своего этажа. Мое тело все еще хранило мышечную память о вибрации люка на дне. Это не было галлюцинацией. Металл под водой дрожал, реагируя на мое присутствие.

Когда я вышла на своем этаже, я увидела Ларису из тысячи сто первой квартиры. Она стояла у окна в коридоре и курила свою неизменную крепкую сигарету. Ее лицо, испещренное морщинами как старая карта, в свете ночных фонарей казалось высеченным из камня.

- Слышала? - прохрипела она, не оборачиваясь. - Они сегодня громко гудели. Прямо под полом. Как будто кто-то пытается выбраться.

- Это просто насосы в бассейне, Лариса, - ответила я, хотя

сама в это не верила ни на йоту.

- Насосы не кричат, деточка, - она наконец посмотрела на меня своими мутными глазами. - Насосы качают воду, а это... это здание качает нас. Ты думаешь, ты здесь дизайнер? Нет, ты здесь часть арматуры. Смотри, чтобы тебя не залили бетоном окончательно.

Она хрипло рассмеялась и побрела к своей двери, оставляя после себя тяжелый запах табака и предчувствие беды. Я вошла в свою квартиру и закрыла дверь на все замки. Здесь было тихо, но эта тишина теперь казалась мне угрожающей.

Я подошла к окну и посмотрела вниз. Отражение бассейна в окнах соседнего корпуса создавало странную оптическую иллюзию: казалось, что здание плывет в темном океане. Я вспомнила фотографию десятилетней давности. Я сплю в этой комнате. Но если здание было построено позже? Или это место всегда было таким?

Моя амнезия начала казаться мне не потерей памяти, а преднамеренным удалением файлов, которые не вписывались в новую архитектуру реальности. Кто-то очень тщательно зачистил пространство моей жизни, чтобы я могла вернуться сюда именно сейчас, в роли специалиста, который должен завершить проект.

Я достала ноутбук и открыла файлы, которые мне прислала Майя в надежде на сотрудничество. Это были рендеры общих зон, которые она планировала переделать. Я начала сравнивать их с тем, что видела на дне бассейна. Мои пальцы

быстро бегали по клавишам, я строила 3D-модель, накладывая планировку тринадцатой квартиры на технические этажи.

Результат заставил меня затаить дыхание. Если масштабировать мою квартиру и наложить ее на сетку колонн всего здания, она становилась идеальным ключом к центральному узлу коммуникаций. Квартира тринадцать была не просто жильем. Она была панелью управления.

Я поняла, почему Виктор Вадимович был так настойчив. Ему не нужен был мой вкус. Ему нужна была моя биологическая связь с этим пространством. Я была единственным человеком, чье присутствие в этой точке не вызывало отторжения у системы.

Мой внутренний критик замолчал, признав поражение. Это не была дезориентация. Это было открытие. Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как под моими ногами, через слои перекрытий и бетона, вибрирует то самое нечто, что я коснулась на дне бассейна.

Здание ждало. И я была готова дать ему то, что оно требовало, даже если для этого мне пришлось бы разрушить все, что я считала своей реальностью, потому что за каждым слоем краски, за каждым идеально выверенным углом скрывалась правда, которая уже начала проступать сквозь штукатурку моих воспоминаний, заставляя меня двигаться дальше, к самому сердцу этого бетонного левиафана, где скрывались ответы на вопросы, которые я боялась задать себе на

протяжении последних десяти лет.

Я подошла к стене и приложила к ней ладонь. Бетон был теплым. Он пульсировал в ритме моего собственного сердца, и в этот момент я поняла, что пути назад нет. Я была частью этой структуры, ее нервным окончанием, и теперь, когда контакт был установлен, мне оставалось только следовать по линиям чертежа, который был начертан в моей голове задолго до того, как я впервые вошла в этот дом.

За окном пролетел Артем, курьер-зацепер, мелькнув ярким пятном своей куртки на фоне ночного неба. Он снова снимал что-то для своих блогов, не подозревая, что его камера фиксирует не просто здание, а живой, дышащий организм, который вот-вот проснется окончательно. Его безрассудство было мне почти симпатично - он был единственным, кто перемещался по этому пространству свободно, не подчиняясь правилам Льва Борисовича или камерам Игоря.

Я закрыла глаза и начала считать вдохи. Один, два, три, четыре. Мое тело было готово. Мой разум был чист. Завтра я встречу с Виктором Вадимовичем и задам ему вопросы, на которые у него не будет возможности не ответить, потому что я теперь знала, где находится главный выключатель этой системы, и я не побоюсь на него нажать, если это потребуется для того, чтобы вернуть себе право на собственное прошлое, каким бы страшным оно ни оказалось на самом деле.

В ночной тишине квартиры я услышала тихий щелчок. Это сработал датчик движения в коридоре. Но я знала, что

там никого нет. Просто здание сделало очередной глубокий вдох, готовясь к новому дню, и я, его верный архитектор и пленник в одном лице, дышала вместе с ним, ощущая, как ледяная вода бассейна все еще испаряется с моей кожи, оставляя после себя лишь соль и решимость идти до конца, чего бы мне это ни стоило в этой сложной игре, где правила менялись быстрее, чем я успевала их осознавать, но где у меня теперь было главное преимущество - я перестала бояться темноты внутри себя и готова была осветить ее самым ярким светом истины, который только могла выдержать моя израненная память.

Постепенно гул в стенах утих, сменившись едва уловимым шелестом вентиляции, который напоминал шепот. Я легла на кровать, не раздеваясь, и почувствовала, как усталость наконец берет свое, наваливаясь тяжелым бетонным плитами. Мои мысли путались, переплетаясь с образами подводного люка и холодным взглядом Игоря, но в глубине души я уже знала, что это был лишь первый слой, за которым скрывались новые, еще более глубокие уровни этого лабиринта, и я была готова исследовать их все, один за другим, пока не доберусь до фундамента, на котором была построена вся моя жизнь, и не проверю его на прочность своей собственной волей к познанию.

ГЛАВА 11.

ГИДРАВЛИЧЕСКАЯ ЛОЖЬ

Сон не принес восстановления, он просто склеил веки вязким составом, похожим на дешевый герметик. Когда я открыла глаза, солнечный луч уже резал комнату под углом сорок пять градусов, высвечивая в воздухе взвесь пыли. Мое тело, привыкшее к плотности воды и четким ритмам тренировок, ощущалось чужеродным объектом, заброшенным в сухую, пыльную среду. Я сделала вдох на четыре счета, чувствуя, как расширяются ребра, проверяя целостность межреберных мышц. Все было на месте, кроме ощущения реальности. Моя квартира, которую я раньше считала эталонной эргономики и безопасности, теперь казалась временной конструкцией, декорацией, за которой просвечивали бетонные кости ЖК Лабиринт. Я села на кровати, анализируя сопротивление матраса. Десять лет назад я спала в другой кровати, в той самой квартире 13, и это воспоминание, подкрепленное фотографией, зудело под кожей как заноза, которую невозможно достать без хирургического вмешательства. Мой телефон, лежавший на тумбочке рядом с чертежами и пустым стаканом, завибрировал с такой силой, что едва не съехал на пол. На экране высветилось: Мама. Я замерла, глядя на это слово. Мама была моим главным архивариусом,

хранителем той версии прошлого, где я была послушной дочерью, успешной пловчихой и никогда не теряла контроля над собственной памятью.

- Да, мам, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально плотно, без лишних обертонов тревоги.

- Агашенька, солнышко, ты почему не отвечала на сообщения вечером? - Голос Елены Валериевны полился в ухо теплым, удушающим сиропом. - Я так волновалась, сердце прямо изныло. Ты опять засиделась над своими проектами? Нельзя же так изнурять себя, деточка. Твои сосуды и так на пределе после того спортивного прошлого.

Я почувствовала, как мышцы шеи каменеют. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в ее речи всегда работали как инструмент подавления, мягкая подушка, которой тебя пытаются задушить, пока ты улыбаешься. Она знала мои слабые места лучше любого тренера.

- Работаю, мам. Объект сложный. Заказчик, Виктор Вадимович, требует предельной точности, а там планировка такая, что черт ногу сломит. Ты же знаешь, я не люблю оставлять хвосты в расчетах.

- Опять этот твой бетон, - вздохнула она, и я почти увидела, как она поправляет идеальную прическу на другом конце провода. - Лучше бы ты взяла отпуск. Помнишь, как хорошо тебе было в Сочи, в санатории Лазурный? Десять лет назад, после тех тяжелых соревнований. Тебе так пошел на пользу морской воздух. Ты тогда приехала такая отдохнувшая, со-

всем другая.

Я прижала телефон к уху плотнее, чувствуя, как ритм моего дыхания сбивается. Инвентаризация памяти началась автоматически. Санаторий. Море. Сочи. В моей голове эти кадры выглядели как сток-фото: слишком яркое небо, слишком синяя вода, отсутствие запаха хлорки, который должен был преследовать меня тогда.

- Мам, я нашла фотографию, - произнесла я медленно, чеканя каждое слово. - На ней я сплю в квартире. В той самой, которую сейчас проектирую. Это здесь, в городе. И дата на обороте совпадает с тем временем, когда я якобы была в Лазурном. Как это объяснить с точки зрения логики и физики? Тело не может находиться в двух точках пространства одновременно, если только мы не говорим о квантовой механике, в которой ты, кажется, не сильна.

Наступила пауза. Такая длинная, что я услышала помехи в сети. Елена Валериевна умела молчать так, что это молчание весило больше, чем любая тирада. В этом молчании была скрыта вся мощь ее материнского контроля.

- Агашенька, ну что за глупости, - наконец выдохнула она, и ее тон стал еще более заботливым, почти медицинским. - Мало ли какие фотографии бывают. Ты тогда была в очень тяжелом психологическом состоянии. Нервное истощение, перетренированность. Тебе могло что-то привидеться, ты могла заехать куда-то на день и забыть. Но основной срок ты была в санатории. Я сама тебя туда провожала.

Неужели ты не веришь матери? Марк тоже говорит, что твоя склонность к гиперфиксации на мелочах сейчас играет с тобой злую шутку. Он звонил мне, беспокоился. Говорит, ты стала слишком мнительной.

Марк. Мой бывший, следователь с повадками дознавателя даже в постели. Конечно, он созвонился с ней. Они всегда составляли отличную коалицию по поддержанию моей нормальности. Игорь из службы безопасности ЖК, наверное, тоже вписался бы в их компанию, со своим ледяным взглядом и привычкой следить за каждым моим шагом через объективы скрытых камер. Мир вокруг меня схлопывался до размеров допросной комнаты, где все свидетели давали против меня показания.

- Марку стоит заняться своими делами, а не обсуждать мое состояние, - отрезала я. - Мам, здание, где я работаю, оно странное. Дан, архитектор, который его строил, утверждает, что проект был изменен без его ведома. Там есть пустоты, которых не должно быть. И люди там странные. Лариса из двенадцатого этажа говорит, что слышит шаги там, где никого нет. Даже электрик Семен, тертый калач, боится соваться в определенные шахты. Ты уверена, что мне нечего вспоминать об этом месте?

Я слушала ее дыхание. Оно было неровным. Мать всегда выдавала себя через нарушение симметрии в движениях или речи, если знать, куда смотреть. Сейчас ее голос дрогнул, потеряв свою сиропную гладкость.

- Агата, послушай меня внимательно, - ее тон стал жестким, лишенным всяких уменьшительных суффиксов. - Прекрати копать в том, что давно похоронено. Это здание - просто бетон и стекло. Ты профессионал, так веди себя как профессионал. Сдай проект Виктору Вадимовичу и уезжай оттуда. Тебе не стоит там находиться. Это... это вредно для твоего здоровья.

- Почему? - я зацепилась за это слово. - Почему именно для моего здоровья? Там повышенный радиационный фон? Нарушена инсоляция? Или фундамент гнилой, как говорит Дан?

- Просто послушай мать, - почти прошептала она.

И в этот момент на заднем плане ее звонка я услышала звук. Сначала это был едва уловимый гул, затем характерный металлический щелчок и низкочастотная вибрация, переходящая в мягкое шипение гидравлики. Этот звук я знала наизусть. За последние недели он впечатался в мою подкорку. Это был звук лифта в ЖК Лабиринт. Его уникальная акустическая подпись, которую невозможно спутать ни с чем другим. Там, в шахте, стояли особые уловители, которые при остановке издавали именно такой двойной выдох.

Мое сердце сделало лишний толчок, нарушая привычный ритм. Я почувствовала, как холодная вода паники начинает заливать легкие, но вовремя переключилась на счет. Раз, два, три, четыре.

- Мам, ты где сейчас? - спросила я, стараясь, чтобы мой

голос не дрожал.

- Дома, деточка, где же мне еще быть? Пью чай, смотрю в окно. Тут такой ливень начинается, - она явно лгала. В моем окне светило яркое солнце, и прогноз погоды на сегодня не обещал ни единого облака в радиусе ста километров.

- Дома? - я прикусила губу, чувствуя вкус соли. - А почему я слышу лифт? Причем не просто лифт, а лифт фирмы Шиндлер с индивидуальной калибровкой тормозной системы, который стоит только в одном месте в этом городе?

На том конце провода воцарилась тишина. Я почти видела, как Елена Валериевна замирает, прижимая трубку к уху, осознавая, что совершила техническую ошибку. Она всегда недооценивала мою тактильную и слуховую память, считая, что если я стерла из головы события, то стерла и способность анализировать физический мир. Но я была пловчихой. Мы ориентируемся в пространстве по звуку пузырьков воздуха и вибрации воды от стенок бассейна.

- Тебе показалось, Агаша, - голос матери стал подозрительно спокойным. - Это, наверное, телевизор. Ладно, мне пора, нужно идти в аптеку. Береги себя. Не забудь поесть нормальной еды, а не свои протеиновые батончики.

Она отключилась. Я осталась стоять посреди комнаты, сжимая телефон так сильно, что корпус едва слышно хрустнул. Она была там. В Лабиринте. В здании, от которого она так настойчиво пыталась меня отвести. Это противоречие не укладывалось в мою систему координат. Это было нару-

шение сопромата в человеческих отношениях. Если фундамент лжи дает трещину, рушится все здание.

Я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Мои мысли метались, как пловцы на короткой дорожке, постоянно ударяясь о бортики. Зачем ей быть там? Может, она встречается с Львом Борисовичем? Управляющий ЖК выглядел как человек, способный на любые кулуарные сделки. Его манера поправлять манжеты и говорить вкрадчивым шепотом всегда вызывала у меня кожный зуд. Или она информирует Игоря о моем состоянии?

Я вспомнила Зою из архива мэрии. Она тогда чихала от пыли, листая старые папки, и бормотала что-то о том, что участок под Лабиринтом всегда считался проклятым, потому что там раньше была какая-то закрытая лечебница. Если моя мать была там десять лет назад, и если она там сейчас, значит, моя амнезия - это не побочный эффект спорта, а тщательно спроектированная конструкция.

Мне нужно было вернуться в квартиру 13. Прямо сейчас. Не дожидаясь завтрашнего визита, не обращая внимания на Майю, которая наверняка уже обивает пороги офиса Виктора Вадимовича, пытаюсь доказать, что мой дизайн-проект слишком сложен и нерентабелен. Майя со своими англицизмами и поверхностным подходом была наименьшей из моих проблем, хотя ее стремление перехватить заказ добавляло динамики в этот хаос.

Я быстро оделась, выбирая одежду, которая не стесня-

ет движений. Черные джинсы, худи, кроссовки с хорошим сцеплением. Мое тело требовало действия. Когда я вышла из дома, воздух показался мне слишком разреженным. Я шла к метро, считая шаги и анализируя наклон тротуара. Десять лет назад я ходила по этим же улицам, но мои ноги не помнили этого. Мозг выдавал ошибку 404, когда я пыталась вызвать образ дороги к ЖК из прошлого.

В метро было душно. Я стояла, вцепившись в поручень, и чувствовала вибрацию поезда каждой костью. Это была простая физика: передача энергии от рельсов к составу, от состава к человеку. Почему же передача информации от моей памяти к сознанию была заблокирована? Дан сказал бы, что в системе есть вирус, или что чертежи были подменены. Он сам выглядел как человек, чей внутренний чертеж был изорван в клочья. Его недоверие к людям было таким плотным, что его можно было потрогать. Но в его глазах, когда он смотрел на Агату, иногда проскальзывало что-то еще - не системная ошибка, а скорее попытка найти точку опоры в рушащемся мире.

Я вышла на своей станции и почти бегом направилась к ЖК Лабиринт. Здание возвышалось над районом как гигантский надгробный памятник несбывшимся надеждам. Его зеркальные фасады отражали серое небо, искажая пропорции соседних домов. На входе я столкнулась с Артемом. Курьер, как обычно, был в наушниках и с огромным рюкзаком за спиной. Он узнал меня и затормозил, едва не сбив с ног

прохожего.

- О, Агата! Вы снова здесь? А я тут видосик пересматривал, ну, тот, где вы на балкон лезли. Вы реально экстремалка, - он ухмыльнулся, демонстрируя брекеты. - Слушайте, а вы знали, что в вентиляцию на тринадцатом этаже вставили новые решетки? Семен-электрик вчера весь день там ковырялся, матерился на чем свет стоит. Говорит, там ток какой-то странный, бьет даже через диэлектрики.

- Спасибо, Артем, буду знать, - я попыталась пройти мимо, но он придержал меня за локоть.

- Подождите. Там еще одна штука. Я вчера заказ возил на двенадцатый, Ларисе. Она просила передать, что шаги стали громче. И что теперь они пахнут лекарствами. Странно, да? Шаги пахнут. Старушка совсем поехала, наверное.

Я замерла. Запах лекарств. Сочи, санаторий Лазурный, о котором твердила мать. Запахи - это самые сильные триггеры памяти. Если Лариса слышит запах лекарств там, где десять лет назад могла находиться я, значит, это была не квартира. Это была палата.

- Спасибо, Артем. Ты очень внимательный, - я осторожно высвободила руку и вошла в холл.

Лев Борисович сидел за своей стойкой, идеально прямой, как будто его позвоночник был сделан из титана. При моем появлении он медленно поднял голову и улыбнулся своей фирменной, ничего не выражающей улыбкой.

- Агата Дмитриевна, какая ранняя пташка. А Виктор Ва-

димович говорил, что вы будете позже. Неужели вдохновение не дает спать?

- Вдохновение - это для дилетантов, Лев Борисович. Профессионалы работают по графику, - я направилась к лифтам, стараясь не смотреть ему в глаза. Я чувствовала, как его взгляд сканирует мою спину, отмечая малейшее напряжение мышц.

- Кстати, - бросил он мне вдогонку, - к нам сегодня заходила ваша матушка. Чудесная женщина. Мы обсуждали вопросы безопасности. Она очень переживает за вас.

Я остановилась, нажав кнопку вызова лифта. Палец коснулся холодного металла. Значит, мне не показалось. Звук лифта, голос матери, ее ложь - все это сошлось в одну точку.

- И что же вы решили по поводу моей безопасности? - я обернулась, сохраняя на лице маску ледяного спокойствия.

Лев Борисович поправил левую манжету, затем правую. Его движения были идеально симметричны.

- Мы решили, что вам не стоит задерживаться в здании после захода солнца. Здесь... специфическая акустика. Не хотелось бы, чтобы ваши тонкие настройки сбились под влиянием внешних факторов.

Лифт приехал. Двери разошлись с тем самым шипением, которое я слышала в телефоне. Я зашла внутрь, чувствуя, как кабина слегка проседает под моим весом. Нажать кнопку тринадцатого этажа было все равно что нажать на курок. Я знала, что за дверью меня ждет не просто бетонная короб-

ка с панорамными окнами, а материализованный кусок моей стертой жизни.

Когда лифт начал движение, я закрыла глаза. Раз, два, три, четыре. Вдох. Раз, два, три, четыре. Выдох. Кабина двигалась плавно, но я чувствовала каждое изменение давления. На уровне восьмого этажа свет на мгновение мигнул. Электрик Семен явно не преувеличивал по поводу странностей с током. Это здание сопротивлялось моему присутствию, как вода сопротивляется неопытному пловцу, пытающемуся бороться с течением.

Двери открылись на тринадцатом. В коридоре было пусто и тихо, если не считать гула вентиляции. Я прошла к квартире 13, достала ключ. Рука не дрогнула, но я почувствовала, как кожа на ладони стала влажной. Я вошла внутрь и заперла за собой дверь.

Квартира встретила меня запахом бетона, пыли и чего-то еще. Тонкого, едва уловимого химического аромата, который обычно витает в стерильных помещениях. Запах лекарств, о котором говорил Артем. Я прошла в центр комнаты и встала на то самое место, где на фотографии стояла кровать.

Если это была палата, то где стояло оборудование? Где были розетки для мониторов? Я начала обследовать стены, простукивая каждый сантиметр. Мой слух, обостренный тишиной, улавливал малейшие изменения в звуке. Здесь - пустота. Здесь - плотный бетон. Здесь... я остановилась у стены,

граничащей с шахтой лифта.

Звук был другим. Более звонким. Я достала из сумки лазерную рулетку и начала делать замеры. По моим чертежам, здесь должна была быть несущая стена толщиной в сорок сантиметров. Но рулетка показывала другие цифры. Расстояние до внешней стены здания не билось с общим планом на пятнадцать сантиметров. Пятнадцать сантиметров пустоты, скрытой за фальшпанелью, которую так искусно замаскировали под бетон.

Я начала лихорадочно искать стыки. Мои пальцы, обладающие тактильной памятью профессионального спортсмена, скользили по поверхности, ища неровности. И я нашла их. Едва заметный шов, скрытый под слоем штукатурки, который шел вертикально от пола до потолка.

В этот момент за моей спиной раздался звук. Не шаги, а скорее шорох ткани. Я резко обернулась, принимая защитную стойку. В дверях стоял Дан. Он выглядел еще более помятым, чем обычно, глаза ввалились, а в руках он сжимал какой-то свернутый чертеж.

- Ищете скрытые полости? - спросил он своим неровным, циничным голосом. - Не утруждайтесь. Я уже все замерил. Здесь везде двойное дно. Фундамент гнилой, Агата. И я не про бетон.

- Моя мать была здесь сегодня, Дан, - я не стала тратить время на приветствия. - Она лгала мне десять лет, что я была в Сочи. А сама приехала сюда обсуждать мою безопасность с

Львом Борисовичем. Что здесь происходит? Что это за здание на самом деле?

Дан прошел в комнату и сел на подоконник, глядя на город. Его силуэт на фоне светлого окна казался черным провалом в реальности.

- Это здание - эксперимент, - произнес он тихо. - Виктор Вадимович хотел построить идеальную среду для наблюдения. Он называл это архитектурным психоанализом. Жильцы не просто живут здесь, они взаимодействуют с пространством, которое подстраивается под них. Или ломает их. Квартира 13 была прототипом. Десять лет назад здесь тестировали систему подавления травматических воспоминаний. Видимо, вы были одним из первых... объектов.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Раз, два, три, четыре. Дыши, Агата. Ты в бассейне, ты просто должна доплыть до бортика.

- Значит, Сочи не было? Санатория не было? - я сделала шаг к нему. - Меня просто заперли здесь и стерли мне мозг?

- Не совсем стерли, - Дан посмотрел на меня, и в его взгляде я впервые увидела что-то похожее на жалость, которую он так тщательно скрывал. - Память нельзя стереть полностью, ее можно только заблокировать, создав ложные нейронные связи. Ваша мать согласилась на это, потому что вы были на грани срыва после того, как... впрочем, это вам лучше вспомнить самой. Или не вспоминать вовсе.

- После чего? Что произошло десять лет назад? - я почти

кричала.

В этот момент мой телефон снова завибрировал. Новое сообщение. От Марка. Я открыла его, не сводя глаз с Дана.

Текст был коротким: Агата, не верь никому в этом доме. Даже Дану. Он не тот, за кого себя выдает. Посмотри в архивах фамилию главного инженера проекта.

Я почувствовала, как холодная волна накрывает меня с головой. Мои мышцы среагировали мгновенно - я отступила к двери, оценивая расстояние до выхода и положение Дана. Он не шевелился, но его поза больше не казалась расслабленной. Он был готов к прыжку.

- Кто ты на самом деле, Дан? - спросила я, чувствуя, как в горле пересыхает.

Он медленно поднялся с подоконника, разворачивая чертеж.

- Я тот, кто построил эту клетку, Агата. И я единственный, кто знает, как из нее выйти, не разрушив при этом себя. Твоя мать не просто так сюда пришла. Она боится, что система даст сбой. И она права. Система уже дала сбой в тот момент, когда ты решила вернуться.

Я смотрела на него и видела, как свет из окна искажает его черты, делая их асимметричными. Он лгал? Или лгал Марк? Или лгали все они, включая мою мать, которая прямо сейчас, возможно, стояла за одной из этих фальшивых стен, слушая наш разговор?

Я вспомнила слова Ларисы о шагах, которые пахнут ле-

карствами. Если это здание - живой организм, то я была его частью. Но я не хотела быть частью чьего-то эксперимента. Я была Агатой, я была пловчихой, я умела преодолевать сопротивление любой плотности.

- Я сама найду правду, - сказала я, пятясь к выходу. - Без твоей помощи и без помощи Виктора Вадимовича. Если это здание построено на лжи, я найду его слабое место и разрушу его до основания.

Дан ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел, как я выхожу из квартиры, его фигура постепенно растворялась в полумраке коридора. Я почти бежала к лифтам, но в последний момент передумала и толкнула тяжелую дверь на лестницу. Мне нужно было чувствовать твердую опору под ногами, а не полагаться на гидравлику, которая подчинялась чужой воле.

Спускаясь по ступеням, я считала их. Одна, две, три... На девятом этаже я остановилась. В тишине лестничного пролета я услышала голос. Это был шепот, доносившийся из вентиляционной шахты.

- Агашенька, ты не должна была этого делать. Мы же хотели как лучше.

Это был голос моей матери. Но он доносился не из телефона. Он шел прямо из стен здания. Я прижалась ухом к холодному бетону, чувствуя, как вибрация проходит через мой череп. Это была не мистика. Это была акустика. Здание было спроектировано так, чтобы звуки из определенных ком-

нат транслировались в другие части лабиринта.

Я поняла, что у меня нет времени на панику. Мне нужно было найти Зою из архива и заставить ее рассказать все, что она знает о главном инженеру. Мне нужно было найти Игоря и взломать его систему наблюдения. Мне нужно было превратить этот лабиринт в прозрачную схему, где каждый узел будет под моим контролем.

Я выбежала на улицу, жадно глотая свежий воздух. Солнце все еще светило, но для меня мир уже окрасился в цвета бетонной пыли и старых фотографий. Я знала, что этот день изменил все. Фундамент моей жизни оказался фикцией, но мои мышцы, моя тактильная память и моя воля были настоящими. И именно они станут тем инструментом, которым я вскрою эту коробку с секретами, чего бы мне это ни стоило в этой сложной игре, где правда была самым опасным материалом.

Я шла к метро, и каждый мой шаг отдавался в теле уверенностью. Я больше не была жертвой амнезии. Я была исследователем, который только что обнаружил вход в заброшенный город, и я не собиралась останавливаться, пока не нарисую его полную карту, даже если для этого мне придется сжечь все старые мосты и построить новые на пепелище своей прежней, фальшивой реальности.

Впереди был долгий путь, полный теней и ловушек, но я чувствовала, как во мне просыпается азарт спортсменки перед решающим заплывом. Вода может быть холодной, тече-

ние - сильным, а противники - коварными, но у меня был мой ритм, мой счет на четыре и мое знание того, что любая система имеет свою критическую точку напряжения, после которой она неизбежно рушится, открывая дорогу к свету. И я была намерена найти эту точку, даже если она находилась в самом сердце ЖК Лабиринт, там, где заканчивались чертежи и начиналась настоящая, неприкрытая правда о том, кем я была на самом деле.

Я вошла в вагон метро и посмотрела на свое отражение в темном стекле. Глаза были сухими и решительными. На руке остался след от чертежного карандаша - тонкая черная линия, похожая на шрам.

ГЛАВА 12.

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ СЛЕД

Эскалатор выплюнул меня на поверхность, где город продолжал свою бессмысленную суету, не подозревая о том, что под его кожей пульсируют совсем иные ритмы. Я чувствовала, как под подошвами кроссовок вибрирует асфальт - или это была остаточная мышечная память от гула метро? На руке все еще темнел след от карандаша, тот самый, что я заметила в отражении вагона. Я не стала его стирать. Он казался мне более настоящим, чем все, что я слышала от матери за последние несколько лет. Моя ладонь сжимала лямку рюкзака, пальцы непроизвольно перебирали плетение нейлона, проверяя плотность и фактуру. Это было мое заземление. Один, два, три, четыре - вдох. Один, два, три, четыре - выдох. Легкие работали как хорошо отлаженные мехи, но внутри, за ребрами, поселилось странное ощущение пустоты, словно из конструкции вынули одну из ключевых опорных балок.

Здание городского архива встретило меня запахом старой бумаги, озона и безнадёги. Это было массивное строение сталинского ампира, которое пыталось казаться величественным, но на деле лишь давило своими избыточными объемами и плохой вентиляцией. Я сразу оценила входную группу: неоправданно высокие потолки, которые съеда-

ли полезное пространство, и лестница с чересчур крутым углом подъема. Архитектор явно не думал об эргономике, он думал о триумфе, который за семьдесят лет превратился в пыльную декорацию.

Зоя ждала меня в кабинете на цокольном этаже. Чтобы добраться до нее, мне пришлось преодолеть три кордона охраны и выслушать лекцию от дежурного администратора о том, что архивы не выдаются на руки без специального распоряжения. Я знала, что Лев Борисович, если бы узнал о моем визите сюда, наверняка приложил бы все усилия, чтобы закрыть мне доступ. Его мягкая, вкрадчивая манера общения всегда казалась мне слоем дешевого лака на гнилой древесине. Он оберегал ЖК Лабиринт так, словно это была не недвижимость, а его личный склеп. Но у меня была Зоя.

Зоя была воплощением энтропии. Она сидела за столом, заваленным папками так высоко, что видна была только ее макушка с нелепым пучком волос, из которого во все стороны торчали карандаши. Когда я вошла, она резко вскинула голову, и ее очки с толстыми линзами, похожими на донья бутылок, блеснули в свете люминесцентных ламп.

- Вы опоздали на семь минут, - выпалила она вместо приветствия, и тут же оглушительно чихнула. - Простите. Пыль. Здесь повсюду пыль. Она имеет свойство накапливаться в легких и оседать в памяти. Вы Агата? Да, конечно, Агата. Дан говорил, что вы придете. Он сказал, что вы ищете то, чего официально не существует. Это мой профиль. Я обо-

жаю несуществующие вещи, они гораздо логичнее тех, что мы видим каждый день.

Она говорила так быстро, что слова налетали друг на друга, создавая эффект звуковой перегрузки. Я присела на край жесткого стула, чувствуя, как мышцы бедер напряглись. Привычка пловчихи - всегда быть готовой к толчку от бортика.

- Дан преувеличивает, - ответила я, стараясь сохранять голос ровным. - Я просто хочу разобраться в геометрии участка. У ЖК Лабиринт странная акустика и еще более странная планировка.

- Странная? - Зоя выудила из стопки бумаг пожелтевший лист и с силой хлопнула по нему ладонью. - Это не странно, это кибернетика в чистом виде! Посмотрите сюда. Это план застройки участка от тысяча девятьсот восьмидесятого года. Видите форму?

Я наклонилась вперед. Мои глаза архитектора мгновенно считали контур. Здание на чертеже представляло собой идеальное замкнутое кольцо. Никакой буквы П, никакого разрыва, который сейчас зиял между корпусами, создавая ту самую аэродинамическую трубу, в которой выл ветер.

- Оно должно было быть замкнутым, - прошептала я, проводя пальцем по линии фундамента. - Почему проект изменили? Это же нарушение всей концепции распределения нагрузки.

- Потому что земля, Агата, - Зоя снова чихнула и попра-

вила очки, которые постоянно сползали на кончик носа. - Земля под вашим лабиринтом раньше принадлежала не городу. Она была в ведении Пятого управления и числилась за Институтом исследования сна. Вы когда-нибудь слышали об Институте исследования сна? Конечно, нет. О нем не пишут в учебниках по урбанистике. Они занимались фазами быстрого сна, гипнопедией и тем, как архитектурная среда влияет на коллективное бессознательное. Проще говоря, они строили пространства, которые могли управлять состоянием человека без его ведома.

Я почувствовала, как диафрагму сдавило коротким спазмом. Воздуха в подвале стало катастрофически мало. Институт сна. Мои три месяца амнезии, которые мать, Елена Валериевна, так старательно упаковывала в обертку нервного истощения. Каждый ее вечерний звонок, каждое ее Ты сегодня хорошо спала, деточка? теперь звучали в моей голове как команда оператора, проверяющего исправность прибора.

- И что случилось с институтом? - спросила я, чувствуя, как кончики пальцев начинают неметь. Так бывало, когда я слишком долго находилась в холодной воде без гидрокостюма.

- Его расформировали в начале девяностых, но архивы остались, - Зоя засуетилась, начала рыться в другой стопке, выбрасывая на стол папки с надписями Секретно, на которых стояли штампы об аннулировании. - Когда Виктор Владимович выкупил этот участок, он получил не просто зем-

лю. Он получил фундамент. Настоящий, бетонный фундамент, который уже был залит под кольцо. Но он решил разорвать его. Дан... Дан тогда был еще совсем зеленым, он пытался спорить. Он говорил, что если разомкнуть кольцо, система станет нестабильной. Но Виктор Вадимович настоял. Он сказал, что ему нужны мертвые зоны. Понимаете? Точки, которые не просматриваются ни одной камерой снаружи, но идеально контролируются изнутри.

Зоя вытащила еще один чертеж, более свежий. На нем поверх старого кольца были нанесены красные линии нынешнего ЖК. Я видела несоответствие. Несущие стены не совпадали с точками опоры фундамента. Это было безумие с точки зрения сопромата. Здание должно было пойти трещинами еще на этапе возведения четвертого этажа.

- Оно держится на честном слове? - спросила я, чувствуя, как внутри нарастает дезориентация.

- Оно держится на натяжении, - поправила меня Зоя, и в ее голосе прорезалась неожиданная профессиональная твердость. - Как струна. Весь ЖК Лабиринт - это гигантский резонатор. Каждая квартира, каждый коридор настроены на определенную частоту. Вы замечали, что в квартире номер тринадцать всегда холоднее, даже если радиаторы работают на полную? Это не термодинамика. Это геометрия. Углы сопряжения стен там таковы, что создается стоячая волна.

Я вспомнила квартиру 13. Свою фотографию на полу, которую я не помню. Реакцию своего тела - мгновенную мо-

билизацию мышц, как перед прыжком в бассейн. Мое тело знало эту квартиру. Оно помнило ее на довербальном уровне, на уровне клеточной памяти.

- Дан знал об этом? - мой голос прозвучал глухо.

- Дан спроектировал это, Агата. Он думал, что создает шедевр функционализма. Он верил, что строит дом будущего, где пространство будет подстраиваться под нужды человека. Но он не учел, что Виктор Вадимович добавил в чертежи свои правки. Система датчиков, скрытые полости в стенах, которые Семен, наш электрик, называет шепотом лифтов. Семен - старик, он видит ток как живое существо, но даже он боится заходить в щитовые на технических этажах. Там напряжение скачет так, словно здание дышит.

Зоя замолчала, переводя дух. Ее глаза за линзами казались огромными и тревожными. Я посмотрела на ее руки - они постоянно находились в движении, перебирая края бумаги. Нарушение симметрии. Она нервничала, и это было оправданно. Мы копались в вещах, за которые людей в этом городе стирали из реальности так же эффективно, как стерли мои три месяца.

Я вспомнила Марка. Мой бывший, следователь, человек, чей мир состоял из улики и протоколов. Когда я пыталась рассказать ему о своих ощущениях в Лабиринте, он просто крутил в руках свою зажигалку Зиппо и смотрел на меня с той смесью жалости и снисхождения, которую обычно приберегают для душевнобольных. Агата, это просто стресс, го-

ворил он. Ты переработала. Возьми отпуск. Его рациональность была моим тормозом, моим якорем, который не давал мне всплыть на поверхность и увидеть всю картину целиком. Но теперь якорь был сорван.

- Зоя, почему вы мне это рассказываете? - прямо спросила я. - Вы ведь рискуете. Если Игорь из службы безопасности узнает, что вы открыли мне эти папки...

- Игорь? - Зоя горько усмехнулась. - Игорь - всего лишь цепной пес. Он следит за мониторами, но он не понимает, что именно он видит. Он видит картинку, а я вижу структуру. Я рассказываю вам это, потому что мне надоело чихать от этой пыли в одиночестве. И потому что Дан... он изменился с тех пор, как вы появились в здании. Он перестал быть просто частью системы. Он начал сомневаться в собственных расчетах. А для архитектора сомнение в расчетах - это начало конца. Или начало освобождения.

Она начала собирать бумаги обратно в папку, двигаясь с лихорадочной скоростью.

- Есть еще кое-что, - Зоя замерла, ее рука зависла над кучей документов. - В отчетах института сна упоминался объект Зеро. Это не был человек в обычном понимании. Это был испытуемый с аномально развитым чувством равновесия и тактильной памятью. Пловец. Они искали кого-то, кто мог бы ориентироваться в пространстве при полном отсутствии визуальных стимулов. Кого-то, чье тело реагирует на малейшие изменения давления и температуры.

В комнате стало очень тихо. Я слышала, как где-то в глубине архива капает вода. Кап. Кап. Кап. Четкий ритм, который я могла бы использовать для тренировки дыхания. Объект Зеро. Десять лет назад я была на пике своей спортивной формы. Я могла проплыть километры, не сбиваясь с ритма, ориентируясь в мутной воде бассейна по звуку собственных движений и ощущению сопротивления среды. Моя тактильная память была моим проклятием и моим даром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.